

Доклад | Report

Украина. пытки и преступления против человечности. Живые свидетельства

Правозащитная организация
**Справедливая
Защита**

**Ukraine. Torture and
crimes against humanity.**
First-hand testimonies

Доклад

**Украина. пытки и преступления
против человечности.**
Живые свидетельства

Правозащитная организация
«СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАЩИТА»
2015 г.

Report

**Ukraine. Torture and
crimes against humanity.**
First-hand testimonies

Human Rights Organization
SPRAVEDLIVAYA ZASCHITA
(A JUST PROTECTION)

2015

Доклад

Украина. пытки и преступления против человечности. Живые свидетельства. – М.: Правозащитная организация «СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАЩИТА», 2015 г. – 160 с.

Report

Ukraine. Torture and crimes against humanity. First-hand testimonies – М.: Human Rights Organization SPRAVEDLIVAYA ZASCHITA, 2015 – 160 p.

ISBN – 978-5-716406-45-2

ББК – 67.99 (4Ук)

Настоящее издание представляет собой сборник реальных историй, рассказанных гражданами Украины, жителями Луганской и Донецкой областей, которые незаконно удерживались в плену украинскими силовиками в разное время в период с 2014 по 2015 год. Книга будет полезна специалистам в области прав человека, общественных отношений и политики, а также всем, кто интересуется текущей ситуацией в Донбассе и на Украине.

This publication contains real stories of the citizens of Ukraine, residents of the Donetsk and Lugansk regions who were held captive by the Ukrainian militants during the period of 2014 – 2015. The report might be useful for experts in human rights, politics, and public relations, and for everyone interested in the situation in Donbass and Ukraine.

ISBN – 978-5-716406-45-2

ББК – 67.99 (4Ук)

Правозащитная организация

**Справедливая
Защита**

Содержание

Часть I.

Методология, цели и основные выводы исследования **8**

Часть II.

Нарушения прав человека. Юридическая оценка действий
украинских силовиков с точки зрения украинского
и международного права..... **16**

Часть III.

Свидетельства и показания потерпевших
в результате пыток и бесчеловечного обращения **22**

Contents

Part I.

The methodology of investigation, its goals and the main findings. **9**

Part II.

Human rights violations.

The legal assessment under International
and Ukrainian Laws. **17**

Part III.

Testimonies and evidence of the victims

of torture and inhuman treatment. **23**

ЧАСТЬ I.

Методология, цели и основные выводы исследования

В докладе, который вы держите в руках, представлены истории 35 человек, побывавших в плену у Вооруженных сил Украины (ВСУ) и незаконных вооруженных формирований, действующих в зоне боевых действий в Донбассе.

Опрос осуществлялся на территории города Донецка летом 2015 года. Цель опроса четко разъяснялась интервьюируемым, также от них были получены разрешения на обработку персональных данных.

В связи с тем, что у некоторых из опрошенных остаются родственники на территории Украины и они опасаются преследования со стороны украинских властей, фамилии в данной книге не указываются, имена изменены.

Собранный в результате интервью фактический материал о действиях украинских силовиков (здесь и далее под этим наименованием будут пониматься как сотрудники СБУ и МВД, так и военнослужащие ВСУ и националистических батальонов) **является серьезной доказательной базой совершаемых ими военных и иных преступлений не только в отношении военнослужащих, но и в отношении гражданских лиц.** Факты, озвученные интервьюируемыми, позволяют выявить грубые нарушения украинскими силовиками как международных правовых документов (ст. 12–16 Женевской конвенции об обращении с военнопленными; ст. 2–7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и положений, закрепленных в Международной конвенции

PART I.

The methodology of investigation, its goals and the main findings

The report you are holding in your hands contains the stories of 35 people who were held captive by the Armed Forces of Ukraine and illegal armed formations acting in the combat zone of Donbas.

The survey was conducted throughout the territory of Donetsk in summer 2015. Its goal was clearly explained to the respondents who kindly gave their permissions for processing of their personal data.

Taking into account the fact that relatives of some respondents still live on the territory of Ukraine and fear persecution of the Ukrainian authorities, the respondents' last names are not specified in the book and their names have been changed.

The factual evidence about the actions of Ukrainian militants (not only personnel of the Security Service of Ukraine (SSU) and the Ukrainian Ministry of Interior (MOI) but also the military staff of the Armed Forces of Ukraine and nationalist battalions hereinafter will be referred to as “Ukrainian militants”) **is a serious evidential basis of not only the military crimes they commit against the military but also of different crimes committed against civilians.** The facts voiced by the interviewees reveal gross violations of not only international legal documents by the Ukrainian militants (the Geneva Convention relative to the Treatment of Prisoners of War, Articles 12-16; the International Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms set forth in the International Convention against the Taking of Hostage, Articles 2-7) but also of the Ukrainian Legislation (the Constitution of Ukraine, Articles 22-30; Intended Grievous Bodily Injury,

о борьбе с захватом заложников), так и законодательства Украины (ст. 22–30 Конституции Украины; ст. 121 «Умышленные тяжкие телесные повреждения», ст. 122 «Умышленные средней тяжести телесные повреждения», ст. 125 «Умышленные легкие телесные повреждения», ст. 126 «Побои и истязания», ст. 127 «Пытки», ст. 129 «Угроза убийством» и ст. 136 «Непредоставление помощи человеку, который находится в опасном для жизни состоянии» Уголовного кодекса Украины).

Опрос проводился с целью выявления и фиксации преступлений геноцида; преступлений против человечества; преступлений, совершенных государством Украиной на своей территории; причиненного данными действиями ущерба физическим и юридическим лицам.

По итогам опроса бывших пленных можно сделать следующие обобщающие выводы:

1. Относительно физического воздействия на задержанных лиц:
 - все, кто попадает в плен или кого похищают украинские силовики, подвергаются жестокому избиению;
 - украинские силовики применяют пытки к пленным и похищенным людям, иногда особо изощренными методами;
 - качественной медицинской помощи в плену люди, как правило, не получают.
2. Относительно юридической организации процесса задержания:
 - задержания производятся с грубыми нарушениями Уголовно-процессуального кодекса Украины;
 - процессуальные документы, обосновывающие задержание, людям либо не предоставляются, либо предоставляются с большой задержкой и на руки, как правило, не выдаются;
 - право на защиту и адвоката задержанным лицам, как правило, не разъясняется. Если адвокат предоставляется, то реальной защиты задержанные лица от него не получают.

С момента задержания и в период нахождения в плену большинство опрошенных лиц подвергалось физическому воздействию со стороны украинских силовиков. Как установлено из рассказов бывших пленных, первые дни пребывания в плену у ВСУ и иных вооруженных формирований характеризуются избиениями, которые заканчиваются физическими травмами разной степени тяжести: переломами ребер, выбитыми зубами, сломанными носами.

Article 121; Intended Bodily Injury of Medium Gravity, Article 122; Intended Minor Bodily Injury, Article 125; Battery and Torture, Article 126; Torture, Article 127; Threat to Kill, Article 129 and Failure to provide help to a person who is in a condition dangerous to life, Article 136 of the Criminal Code of Ukraine).

The goal of the survey was to detect and record crimes of genocide, crimes against humanity and the crimes committed by the State of Ukraine on its own territory and the damage done to physical or legal persons.

According to the results of the survey conducted among the former captives, the following summary conclusions can be made:

1. With regard to physical coercive of the detainees:
 - Everyone captured or abducted by the Ukrainian militants subjects to severe battery;
 - the Ukrainian militants torture the captives and the abducted people, sometimes they use sophisticated methods of torture;
 - as a rule, people held in captive do not get qualitative medical aid.
2. With regard to the legal arrangements of detention:
 - people are detained with gross violations of the Criminal Procedure Code of Ukraine
 - detainees are not provided with the procedural documents validating their detention or if they are, they get them with a long delay. As a rule, the documents are usually not handed directly to the detainees.
 - detainees are usually not explained their right to legal defense and an attorney. Even if a detainee is provided with a lawyer, the latter does not grant real protection.

■■■

Since the moment of detention and during the whole period of captivity, the majority of the respondents were subject to physical coercion by the Ukrainian militants. According to the stories of the former detainees, their first days in captivity of the Armed Forces of Ukraine and its other armed formations were full of battery which resulted in physical injuries of various degrees of severity: rib fractures, knocked out teeth, broken noses, brain concussions, grievous contusions of internal organs and other bodily harm.

Torture was the next step. It is worth noting that the Ukrainian militants apply a wide range of torture against the detainees: beating with the materials at hand (rifle butts, wooden batons, rubber truncheons, etc.), strangulation, drowning, use of stun guns, electrical

ми, сотрясением мозга, серьезными ушибами внутренних органов и прочими телесными повреждениями.

Следующим этапом становится применение пыток. Стоит отметить, что в отношении плененных украинские силовики применяют широкий спектр пыток: избиения с помощью подручных предметов (прикладов автоматов, деревянных лубинок, резиновых палок и т. п.), удушье, утопление, использование электрошокеров, электроприборов, приспособлений «дыба», «карусель» и проч.

Также опрошенные свидетельствовали, что украинские силовики бросали находившихся под пытками в яму со змеями, имитировали отстрел гениталий, выжигали электрошокерами следы на гениталиях и других органах, заставляли пленных играть в «гусарскую рулетку».

Нередки случаи психологического давления, когда похищенному человеку угрожали убийством его семьи, имитировали его собственный расстрел. После возвращения домой из плена у пострадавших отмечались нарушение сна, нервозность, раздражительность и другие психические расстройства.

Можно отметить и тот факт, что всех похищенных поили какой-то жидкостью с горьким вкусом, от которой у людей повышалось давление, появлялись сухость во рту, слабость. При этом медицинская помощь, как правило, не оказывалась. В лучшем случае полученные телесные повреждения просто фиксировались как бытовые.

Опрошенные свидетельствуют также о виденных ими пытках, бесследном исчезновении и убийствах других пленных.

Особой жестокостью в отношении пленных отличаются националистические батальоны «Азов», «Днепр-1», «Днепр-2», «Донбасс», «Правый сектор» (организация запрещена в РФ). Характерно, что задержанием гражданских лиц занимаются именно данные подразделения. При задержании не предъявляются какие-либо обвинения, квартира/дом взламывается силовыми методами, задержанные доставляются не в правоохранительные органы, а на место дислокации указанных батальонов.

Как следует из опросов, люди находились под пытками в плену у националистических батальонов и частей ВСУ от четырех до десяти дней, где из них выбивались признательные показания. Затем задержанных передавали в территориальные управления СБУ, где в их отношении осуществлялись процессуальные действия.

Во время нахождения опрошенных в националистических батальонах вопрос об оказании им правовой помощи не поднимался.

appliance, use of torture instruments such as the rack and the “merry-go-round”, etc.

The surveyed also testified that the Ukrainian militants threw the detainees into the pits filled with snakes, imitated shooting off of the detainees’ genitals, burnt some marks on their genitals and other organs, coerced the detainees into playing the Russian roulette.

Psychological pressure was also a common thing: they threatened to kill a detainee’s families or imitated his execution. After returning home from captivity, the respondents began to suffer from insomnia, nervousness, irritability and other mental disorders.

It is also worth mentioning the fact that all the detainees had to drink some liquid with a bitter taste that raised blood pressure, caused dry mouth and weakness. At the same time, people were not provided with any medical aid. At best, the bodily injuries they received were just recorded as the domestic ones.

The surveyed also testified that they had seen torture, disappearance without trace or killing of other captives.

The following nationalist battalions are distinguished by their extreme brutality against prisoners: Azov, Dnepr-1, Dnepr-2, Donbas, Right Sector (this organization is forbidden in Russia). It is characteristic that no other formations but the above-mentioned ones detain civilians. When detained, people are not brought any charges against them; the representatives of these battalions break into the detainees’ apartments or houses and deliver the detainees not to the law enforcement bodies but to the locations of the battalions.

According to the survey, the nationalist battalions and the military parts of the Armed Forces of Ukraine were holding the tortured people captive from 4 to 10 days in order to coerce them into confessional statements. Then the detainees were transferred to the Security Service of Ukraine, where the procedural actions were taken against them.

During detention at the nationalist battalions, the question of legal assistance to the respondents had never been raised. The detainees were provided with legal aid only after their transfer to the Security Service of Ukraine, and that aid was rather fictitious as a lawyer was present at some of the court sessions but not all, the lawyer did not actually perform his function of defense. He usually advised the detainees to admit the alleged crimes, not to lodge complaints with the investigating authorities to investigate the cases of the inflicted injuries or of improper treatment by the personnel of the institutions where the detainees were held.

Правовая помощь предоставлялась уже после перевода в СБУ и носила, как правило, фиктивный характер: адвокат присутствовал на судебных заседаниях (далеко не во всех случаях), но фактически не выполнял возложенную на него функцию защиты, советуя обвиняемому сознаться в инкриминируемых ему преступлениях, не подавать жалобы в следственные органы о расследовании фактов нанесения ему телесных повреждений или ненадлежащего отношения со стороны сотрудников учреждений, в которых он содержался.

Стоит отметить, что в ряде случаев после проведения всех следственных действий, изменения меры пресечения в суде и освобождения из-под стражи человека опять похищали сотрудники СБУ и передавали на базы ВСУ или националистических батальонов (в основном, «Донбасс» и «Днепр-1»). Там людей заставляли заниматься тяжелым физическим трудом и достаточно часто применяли в отношении похищенных психологическое и физическое давление.

It is worth mentioning that in a number of cases, the person who had gone through all the investigative actions and whose measure of restraint was changed in court and he was released, was captured again by the personnel of the Security Service of Ukraine and transferred to the bases of the Armed Forces of Ukraine and the nationalist battalions (mainly “Donbas” and “Dnepr-1”). The abducted people were forced to do hard physical labor and frequently faced physical and mental coercion.

ЧАСТЬ II.

Нарушения прав человека. Юридическая оценка действий украинских силовикиков с точки зрения украинского и международного права

Юридическая организация процесса задержания всех опрошенных лиц проходила с грубыми нарушениями.

Как следует из пояснений опрошенных, при их задержании использовались грубая физическая сила, доходившая до нанесения телесных повреждений средней степени тяжести, угрозы в адрес семьи задерживаемого лица. Какие-либо процессуальные документы в момент задержания ни в одном из 35 случаев предоставлены не были.

Следует отметить, что указанные действия украинских силовиков напрямую нарушают украинское законодательство. Так, в соответствии с УПК Украины задержание – это временная мера пресечения, которая избирается органом досудебного следствия или органом дознания в случае необходимости предотвращения преступления или его прекращения и заключается в том, что лицо, которое задерживается, лишается свободы на определенный срок.

О факте задержания органом дознания или следователем составляется протокол. В протоколе указываются основания, мотивы,

PART II.

Human rights violations. The legal assesment of the actions of the ukrainian militants under international and ukranian laws

Legal organization of the detention process of all the respondents brutally violated legal regulations.

According to the survey, during the detention process the respondents were subject to brutal physical coercion, which included intended bodily harm of medium gravity and threats addressed to the detainees' families. No procedural documents were provided during the detention process of all of these 35 people.

It is worth noting, that these actions of the security and military services of Ukraine directly have violated the Ukrainian Law. According to the Criminal Procedure Code of Ukraine, the detention is the temporary measure of restraint, which is selected by the pre-judicial investigation bodies or the bodies of inquiry in order to prevent crime or to terminate it. The detention means the deprivation of liberty of a person who is being detained for a certain period of time.

The bodies of inquiry or an investigator must draw up a protocol on the detention. The protocol must indicate the basis for the detention, the motives, the time and the place of the detention, the explanations given by the detainee, the time of drawing up of the protocol and the explanations of the detainee's rights.

время и место задержания, объяснения подозреваемого, время составления протокола и разъяснения задержанному лицу его прав.

После этого протокол подписывается органом досудебного следствия и задержанным. Копия протокола вручается задержанному и посылается прокурору.

Срок задержания исчисляется с момента доставки лица в органы дознания или следственного изолятора, а в случае если задержание проводится по постановлению о задержании – с момента его фактического задержания.

О факте задержания орган досудебного расследования сообщает членам семьи подозреваемого. Кроме того, с самого начала задержанному безотлагательно разъясняются его права, мотивы задержания, предоставляется возможность защищать себя или пользоваться правовой помощью защитника.

Как следует из опросов, плененных людей размещали, как правило, в аэропортах Краматорска и Мариуполя, на базах националистических батальонов. Содержали задержанных зачастую просто в ямах под открытым небом либо в холодильных камерах.

При этом людей постоянно избивали, не оказывали никакой медицинской помощи, не кормили и проводили так называемые следственные действия (допросы), чаще всего с применением пыток. При этом согласно украинскому законодательству местом удержания военнослужащих являются или вышеуказанные изоляторы, или гауптвахты; местом удержания гражданских лиц – специальные камеры для задержанных.

Таким образом, действия украинских силовиков можно квалифицировать как похищение людей и захват заложников, поскольку действующий Уголовно-процессуальный кодекс Украины, как указано выше, дает точное определение понятию задержания, а также четко регулирует порядок такого действия.

Данный вид преступления подпадает под статьи 146 УК Украины («Незаконное лишение свободы или похищение человека») и 147 УК Украины («Захват заложников»).

Более того, больше половины опрошенных на момент пленения являлись гражданскими, не участвующими в вооруженном конфликте лицами, не попадающими согласно международным правовым нормам под статус военнопленных. Факты, представленные в ходе интервью, доказывают, что они были задержаны украинскими силовиками с одной целью – для обмена на военнослужащих ВСУ, находящихся на территории ДНР и ЛНР.

The protocol must be signed by the pre-judicial investigation bodies and the detainee. A copy of the protocol must be given to the detainee and the Prosecutor must be informed in writing about the detention.

The period of the detention shall be calculated from the time when the detainee is delivered to the bodies of inquiry or to the pretrial detention center. If the detention is being performed on the basis of a detention order the period of detention shall be calculated from the moment of the actual detention.

The pre-judicial investigation bodies must inform the suspect's family about the detention. The detainee must be immediately informed about his rights, the motives for detention, the right to defend himself and the right to an attorney.

According to the survey, the captives had been housed in the airports located in Kramatorsk and Mariupol and on the territories of the nationalist battalions. The detainees were held in pits in the open air or in cooling chambers.

At the same time the detainees were constantly beaten, they were not provided with any medical aid, they were not given any food and they were tortured during the "investigative actions" (interrogations). According to the Ukrainian Law, special cells shall serve as the detention facilities for civilian detainees, and special isolation wards or military detention cells - for military men.

The actions of the security and military services can be determined as kidnapping and taking of hostage, as the actual Criminal Procedure Code of Ukraine clearly determines the term of the "detention" and regulates this procedure.

These crimes are defined in Article 146 of the Criminal Code of Ukraine (Illegal confinement or kidnapping of a person) and Article 147 of the Criminal Code of Ukraine (Hostage taking).

More than a half of the surveyed were civilians, who were not involved in any armed conflicts at the moment of the detention and, therefore, were not defined as prisoners of war, according to the international regulations,

The facts provided by the respondents prove that they have been detained by the security and military services of Ukraine for only one purpose – for being exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine who have been on the territory of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic.

Therefore, provisions of the Ukrainian Law and International Law that define the status of hostage are applicable to the kidnapped people.

Из этого следует, что к похищенным применимы положения украинского законодательства и международного права, определяющие статус заложника.

В соответствии со статьей 147 УК Украины заложником является человек, удерживаемый силой с целью заставить кого-либо (родственников, представителей власти и т. п.) совершить определенные действия, выполнить некие обязательства или воздержаться от совершения нежелательных действий ради освобождения заложника, недопущения его убийства или нанесения вреда его здоровью.

В соответствии со статьей 1 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее именуемое как «заложник»), для того чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложника по смыслу настоящей Конвенции».

Согласно статье 4 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, «государства-участники сотрудничают в предотвращении преступлений, указанных в статье 1, в частности путем:

а) принятия всех практически осуществимых мер по предотвращению подготовки в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений в пределах или вне пределов их территорий, включая принятие мер для запрещения на их территории незаконной деятельности лиц, групп и организаций, которые поощряют, подстрекают, организуют или участвуют в совершении актов захвата заложников;

б) обмена информацией и координации принятия административных и других соответствующих мер для предотвращения совершения таких преступлений».

According to Article 147 of the Criminal Code of Ukraine, a hostage is a person who is being held by force with the intent to induce someone (relatives of a hostage or any government agency, etc.) to make or refrain from any undesirable actions as a condition for release of the hostage, prevention of killing of the hostage or harming the hostage's health.

According to Article 1 of the International Convention against the taking of Hostage, "Any person who seizes or detains and threatens to kill, to injure or to continue to detain another person (hereinafter referred to as the "hostage") in order to compel a third party, namely, a State, an international intergovernmental organization, a natural or juridical person, or a group of persons, to do or abstain from doing any act as an explicit or implicit condition for the release of the hostage commits the offence of taking of hostages within the meaning of this Convention".

According to Article 4 of the International Convention against the taking of Hostage, "States Parties shall co-operate in the prevention of the offences set forth in article 1, particularly by:

a. taking all practicable measures to prevent preparations in their respective territories for the commission of those offences within or outside their territories, including measures to prohibit in their territories illegal activities of persons, groups and organizations that encourage, instigate, organize or engage in the perpetration of acts of taking of hostages;

b. exchanging information and co-ordinating the taking of administrative and other measures as appropriate to prevent the commission of those offences".

ЧАСТЬ III.

Свидетельства и показания потерпевших в результате пыток и бесчеловечного обращения

Рассказывает Ярослав, житель города Ждановки:

– До начала конфликта в Донбассе я работал в Ждановской ИК № 3. После событий на Майдане мои друзья предложили мне возить гуманитарную помощь из России, чем я и занимался с конца мая до 9 октября 2014 года, пока не попал в плен.

В июле 2014 года я отправил свою семью в Крым, а 6 октября выехал за ними, чтобы забрать домой. 9 октября на таможенном пункте Чонгар примерно в 22 часа меня задержали люди в черной форме и балаклавах. Кроме меня и моей семьи со мной в машине находились еще двое мужчин, которые также были задержаны.

Причину задержания мне так и не объяснили, а на мои вопросы никто не отвечал. У меня спросили, где я работал. Я ответил, что работал в Ждановской ИК № 3, на что мне сказали: «Ты-то нам и нужен». После этого мы простояли больше часа в наручниках, пока не подъехали инспекторы ГАИ Украины. Они посадили нас в машину и отвезли в город Гениченск Херсонской области, в управление СБУ.

По прибытии нас завели в здание и посадили в какую-то спортивную комнату. Всех троих пристегнули наручниками, не били, не пытали, сказали ждать утра.

Утром в комнату зашли четыре-пять человек в гражданской форме, спросили: «Кто Ярослав?» Я обозначился, после чего мы

PART III.

Testimonies and evidence of the victims of torture and inhuman treatment

Yaroslav, a resident of Zhdanovka.

“I had been working in penal colony 3 in Zhdanovka before the conflict in Donbas broke out. After the events on the Maidan at the end of May 2014, my friends suggested that I should deliver humanitarian aid from Russia. I had been doing it till I was captured on 9 October 2014.

I sent my family to Crimea in July 2014. On 6 October, I went to visit them and bring back home. On our way back, some people in black uniforms and balaclavas detained me at the customs checkpoint of Chongar on 9 October 2014 at about 10:00 PM. The two men who were in the car apart from me and my family were also detained.

No one explained the grounds for the detention, and no one answered my questions. One of those people asked where I worked. I told him I worked in penal colony 3 in Zhdanovka. He said that I was the one they needed. After that we were standing in handcuffs for more than an hour until the arrival of the inspectors of the State Motor Vehicle Inspectorate of Ukraine. We were put into a car and taken to the Security Service of Ukraine in Henichesk, the Kherson Region.

Upon arrival, they got us into the building, in some sports room. They handcuffed us, but neither beat nor torture, just told us to wait till morning.

In the morning, four or five people in plain clothes entered the room and asked who Yaroslav was. I identified myself, and we went to another

прошли в другую комнату, где мои руки сразу заковали за спиной в наручники и начали спрашивать, кто такой В. Я ответил, что не знаю. Меня сбили с ног и начали избивать, при этом повредив два ребра. Медицинскую помощь не оказали – за все время пребывания в плену дали две таблетки анальгина.

Избивали меня несколько часов. Били между ног по гениталиям; избивая, скручивали и сажали в табуретку. Потом завели обратно в спортивную комнату, сбили с ног. Я упал на пол и всю ночь пролежал в наручниках.

На рассвете нас всех троих вывели из спортивной комнаты, надели пластмассовые хомуты на руки, кульки на голову, посадили в какую-то машину и повезли в неизвестном направлении. По дороге не кормили, не поили, в туалет вывели один раз. Приблизительно по времени мы ехали двенадцать-пятнадцать часов. По прибытии на место с меня сняли наручники, пакет и отвели в камеру. Там я узнал, что нахожусь в Харьковском СБУ.

Через час меня отвели в комнату, где опять начали избивать, задавая вопросы о людях с позывными В. и Г. Били около сорока минут, затем отвели обратно в камеру. После этих избиений день или два меня не трогали.

Потом из камеры меня привели в кабинет, где уже ждал человек в гражданской одежде, который представился следователем СБУ Александром. Я сидел на стуле, он не задавал никаких вопросов, молча что-то писал. На вопросы о том, где моя семья, ничего мне не отвечал. После этого меня отвели обратно в камеру. Такие действия со мной сотрудники СБУ повторяли несколько дней. При этом никакой правовой помощи мне оказано не было, право на адвоката не разъяснялось, защитника представители СБУ мне также не предоставили.

На третий день меня вызвал следователь, дал какие-то бумажки и сказал их подписать. Я подписал, и меня отвели обратно в камеру.

В Харьковском СБУ я находился до 26 декабря. На прогулку нас не выводили, в душ сводили только несколько раз за все время моего пребывания там. Кормили три раза в день, но порции были маленькими, а качество еды – низким. Мой вес до плена составлял 75 кг, после – 65 кг.

20-го числа меня вызвали на допрос. Там был человек в гражданской форме по имени Олег. Он мне сказал: «Благовари своего В., он тебя вытягивает, поэтому первый обмен пленными – твой».

room. I was handcuffed behind my back and asked who “V” was. I said that I did not know and they knocked me down, started to beat me and injured 2 of my ribs. The medical assistance was not provided. During the period of captivity I was given only 2 pills of Analgin. They had been beating me for several hours, hitting me between my legs in my genitals, twisting me, putting me into a stool. They brought me back to the sports room and knocked me down. I fell down and spent all the night in handcuffs.

At dawn they took all three of us out of the sports room, put plastic shackles on our hands, put bags on our heads, put us into a car and drove in an unknown direction. During the ride we were not given any food or drink and were taken to a toilet only once. The ride lasted for approximately 12-15 hours. When we arrived I was taken to a room, my shackles and bag were removed and I was put in a cell. As I entered the cell I found out that I was in the Security Service of Ukraine located in Kharkov.

In an hour I was led out of the cell and brought to the room where they started beating me again asking questions about people with code names “V” and “G”. They had been beating me for 40 minutes, and then they brought me back to the cell. After this beating they did not touch me for a day or two.

After that they led me out of the cell into the room where a person in plain clothes introduced himself as Alexander. He was an investigator of the Security Service of Ukraine. I was sitting on a chair. He was not asking me any questions, but was silently writing something. I asked him where my family was but he did not answer. After that I was brought back to the cell. These actions against me had been repeatedly taken by the personnel of the Security Service of Ukraine for several days. At the same time no legal aid was provided to me, the right to an attorney was not explained to me and no lawyer was appointed to me by the Security Service of Ukraine.

The investigator gave me some papers and asked to sign those on the third day after the interrogation. I signed the papers and they brought me back to the cell.

I had been in the Security Service of Ukraine in Kharkov till 26 December 2014. I was never taken out for a walk, and I was let take a shower only a few times during my stay there. We were fed three times a day, but the portions of food were small and the food quality was at a very low level.

My weight was 75 kg before the captivity, and 65 kg - after it.

После этого еще месяц я находился в СБУ города Харькова, потом меня обменяли.

Рассказывает Петр, уроженец города Украинска (Донецкая область):

— До государственного переворота я работал шахтером. Будучи противником событий в Киеве, я начал участвовать в протестных демонстрациях и митингах, которые на тот момент проходили в Донецке и Донецкой области.

11 сентября 2014 года около 22:00 я был схвачен в своей квартире в Красноармейске на глазах у своих детей бойцами батальона «Днепр-1». Меня вывезли на место их базирования в автопарк на ул. Днепропетровской (о чем я узнал, когда с меня сняли мешок). Там меня жестоко допрашивали, требуя подтвердить информацию о поездке в город Донецк, а также назвать цель данной поездки. Поскольку я все отрицал, меня начали пытать: повесили на дыбу (на руки за спиной надели наручники и за руки подвесили на крюк), калечили; сломали ребра — предположительно прикладом автомата, пробили барабанную перепонку; рвали плоскогубцами губы, через тряпку заливали воду в рот (для создания ощущения, что я тону); угрожали расстрелом жены и арестом сына.

После пыток меня передали киевской «Альфе» и рано утром 12 сентября отвезли в СБУ города Мариуполя. Там в этот же день мне предъявили обвинение в терроризме и поддержке ДНР, еще раз допросили и вечером определили в ИВС Мариуполя.

13 сентября Жовтневый районный суд отказался рассматривать мое дело, направленное туда следователем СБУ майором А. А. Фроловым, поскольку я был настолько сильно избит, что не мог нормально передвигаться, разговаривать и слышать. Меня направили на медицинское обследование, однако врач-травматолог побоев и сломанных ребер «не обнаружил».

Спустя пару дней, когда раны затянулись и побои чуть сошли, меня осудили на тридцать дней предварительного заключения и перевезли в СИЗО № 7 города Мариуполя, где я находился с 18 сентября до 2 октября 2014 года. В СИЗО мне посоветовали не писать претензий по поводу пыток, поскольку дома остались сыновья (к старшему сыну после моего ареста стала проявлять повышенное внимание СБУ).

Пока я находился в СБУ, мне был назначен государственный адвокат, реальной защиты от которого я не получил и от услуг

On 20 November 2014 I was summoned for questioning. There was a man in plain clothes, his name was Oleg. He told me, “Thank your “V”, he is releasing you from the captivity, that is why you will be exchanged within the next prisoner swap”. After that I spent 1 more month in the Security Service of Ukraine in Kharkov and on 26 of December I was exchanged as a prisoner.”

Piotr, a native of Ukrainsk (the Donetsk Region).

“I had been working as a miner before the coup in Kiev. As the events in Kiev seemed unacceptable to me I started to take part in the protest demonstrations and rallies, which were held in Donetsk and the Donetsk region at that time.

On 11 September 2014 at about 10:00 PM fighters of the Dnepr-1 battalion captured me in my children’s presence in my flat located in Krasnoarmeysk. I was taken to the Dnepr-1 battalion location, to the fleet on Dnepropetrovskaya street (I found it out when the bag was removed from my head). I was harshly interrogated there. They demanded that I should confirm the information regarding my trip to Donetsk and specify the purpose of the trip. As I denied everything they started to torture me: they hung me on the rack (they handcuffed me behind back and hung my hands on the hook), crippled me and fractured some of my ribs by the butt of a rifle. Apparently they pierced my eardrum, pulled out my lips with pliers, poured water through the cloth into my mouth (in order to create a feeling that I was drowning) and threatened to kill my wife and to arrest my son.

After the torture they handed me over to the Alfa battalion from Kiev. Early in the morning on 12 September 2014 I was brought to the Security Service of Ukraine in Mariupol. That day I was accused of terrorism and support of the Donetsk People’s Republic. They interrogated me once again and sent to the Mariupol temporary detention center in the evening. On 13 September 2014 the Zhovtnevy District Court refused to consider my case, directed there by Major of the Security Service of Ukraine Frolov A.A., because I was so badly beaten that I could hardly not move, speak and hear (because of my injured eardrum). Thus I was undergoing a medical examination. But the traumatologist “did not detect” any injuries or broken ribs.

A couple of days later, when injuries and wounds closed up a bit, I was sentenced to 30 days of preliminary detention and on 18 September I was transferred to Mariupol pretrial detention center 7, where I was till 2 October 2014. When I was in the pretrial detention center,

которого впоследствии отказался. Следователь на допросах пытался склонить меня к сотрудничеству, но благодаря консультации адвоката, нанятого родственниками, по статье 63 Конституции Украины я отказался давать показания. Поскольку у следователя не было никаких доказательств моей вины, кроме показаний других задержанных, меня передали на обмен.

Рано утром 3 октября нашу группу повезли на обмен в Харьков, однако в пути маршрут изменился: нас привезли в Днепропетровск, передали батальону «Донбасс», соединив с другими пленниками, и отправили на учебный полигон батальона «Днепр-1», где снова допрашивали. С 3 по 7 октября мы находились на полигоне, жили в сарае, подвергались всяческим издевательствам со стороны бойцов батальона. Нас заставляли учить гимн Украины и нацистские речовки, имитировали расстрелы тех, кто не соглашался это делать; сажали в ямы, физически издевались, зная, что у всех есть травмы.

7 октября нас снова передали «Донбассу» и отвезли в Днепропетровск, где мы переночевали в камере СБУ. Утром 8 октября нас перевезли в Харьков вместе с пленными из АНР. В Харькове мы пробыли сутки, утром 9 октября нас повезли на обмен. Однако обмен не состоялся и в этот раз. Нас перевезли в город Изюм и закрыли в подвале РОВД, где продержали в наручниках и с мешками на головах пять дней. Кормили раз в сутки пачкой сухой вермишели и бутылкой воды.

14 октября 2014 года нас обменяли возле города Кировска на солдат ВСУ.

После освобождения у меня долго срастались ребра, четыре месяца я не мог свободно дышать, мучили сильные боли по ночам. На данный момент чувствительность к рукам так и не вернулась, также у меня наблюдаются проблемы со слухом и зрением (сказались частые и сильные удары по голове во время пыток и прорыв барабанной перепонки).

Рассказывает Ольга, жительница города Красноармейска (Донецкая область):

– До начала событий на Юго-Востоке Украины я работала частным предпринимателем. После государственного переворота в Киеве я поддержала протестное движение, участвовала в мирных митингах и демонстрациях.

11 мая в Красноармейске проводился референдум о признании независимости Донецкой Народной Республики. Официаль-

they “advised” me not to write any complaints regarding torture because my two sons were staying home (and the Security Service of Ukraine drew too much attention to my eldest son)

When I was at the Security Service of Ukraine, a lawyer was appointed to me by the State, but I did not get any legal help from him. I refused from his service later. The investigator, who summoned me for the interrogation, tried to incline me to cooperation, but owing to the lawyer, who was engaged for me by my relatives, I refused to give evidence according to Article 63 of the Constitution of Ukraine.

As the investigators had no evidence of my guilt, apart from the testimonies of other detainees, I was handed over for the prisoner swap.

Early on the morning of October 3 our group set off to Kharkov for the exchange, but later our route changed and we were brought to Dnepropetrovsk, where we were handed over to the Donbass battalion for joining the group of other captives and then we were transferred to the armament training camp of the Dnepr-1 battalion, where we were interrogated once again. We had been in the armament training camp from 3 till 7 October. We were placed in a barn. The fighters of the battalion brought numerous humiliations upon us: we were forced to learn the national anthem of Ukraine, Nazi slogans, they imitated the execution of those who did not agree to do that; they put those people in pits. They were abusing us physically knowing that everyone had injuries.

On 7 October 2014 we were handed over back to the Donbass battalion, which brought us to Dnepropetrovsk where we spent a night in a cell of the Security Service of Ukraine. On the morning of October 8 they transferred us to Kharkov to join captives from the Lugansk People’s Republic. We spent a day in Kharkov and on the morning of October 9 we set off for the prisoner swap. But the swap did not take place that time either. We were brought to Iziium where we spent 5 days wearing handcuffs and bags on our heads in the basement of the Regional Department of Internal Affairs. We were given a pack of dry pasta and a bottle of water per day. On 14 October we were exchanged for the soldiers of the Armed Forces of Ukraine near Kirovsk.

It took a lot of time for my ribs to heal after the discharge from the captivity, I could not breathe normally for 4 months after the discharge and I suffered from sharp ache at nights. At the moment I still suffer from lack of aesthesia in my hands, I have some problems with aural sense and vision as a result of frequent and strong hitting on my head during the torture and the piercing of my eardrum.”

но в избирательную комиссию я не входила, однако после того как в центре города расстреляли людей, члены комиссии разбежались и мне пришлось собирать избирательные бюллетени.

11 сентября 2014 года я была схвачена в своей квартире в Красноармейске, где проживала со своей семьей, неизвестными людьми в военной форме и балаклавах, вооруженными автоматами. Меня схватили на пороге и выволокли в подъезд. Я попыталась позвать на помощь, но меня ударили прикладом в лицо. Спросили, где муж. Я ответила, что он на рыбалке. Меня опять ударили, затем натянули на голову мешок, заклепили рот, втащили в машину и увезли в неизвестном направлении. Позже выяснилось, что это были бойцы 5-й роты батальона «Днепр-1», которые на тот момент базировались в городе Красноармейске на территории автопарка на ул. Днепропетровской.

В машине мне снова задавали вопросы, где мой муж, я отвечала, что на рыбалке, за это опять били и обзывали матерными словами. Я была уверена, что схватили меня одну. Но как выяснилось, во второй машине везли моего мужа, а перед нашим задержанием схватили еще одного человека, на основании показаний которого нас и арестовали.

На допросе в расположении батальона «Днепр-1» меня спрашивали, чем и сколько я занималась, позывные людей, с которыми была связана. Били, когда молчала, трясли перед лицом какими-то бумагами, якобы распечатками звонков (не показывая, что в них, и не показывая запись с моим голосом), оскорбляли и унижали, говорили, что расстреляют мужа и что на обыске подбросят старшему сыну пару гранат.

Я подтвердила часть показаний, чтобы меня и моего мужа оставили в живых. Рано утром 12 сентября нас передали киевской «Альфе» и повезли в город Мариуполь, в управление СБУ. Там нас держали подвале с мешками на головах и стянутыми пластиковыми шнурами руками. Ближе к 14:00 меня вызвали на допрос. В Мариуполе нас не били, но оказывали очень сильное психологическое давление.

12 сентября мне выдали постановление о задержании с 14:30. То, что нас схватили без объяснений и всю ночь пытали, не упомянуто нигде. 13 сентября после фиктивного медосмотра (врач с ухмылкой спросил, глядя на побои: «Что, упала?») меня отвезли в Жовтневый районный суд Мариуполя, где приговорили к тридцати суткам предварительного задержания. С 12 по 16 сентября

Olga, a resident of Krasnoarmeysk (the Donetsk region).

“I had been running my own business when the protest movements in the south-east of Ukraine started. After the coup in Kiev I joined the protest movements in the south-east of Ukraine and participated in peaceful rallies and demonstrations.

The referendum on recognition of Independence of the Donetsk People’s Republic took place in Krasnoarmeysk on 11 May 2014. I was not officially employed in the election commission. When some people had been shot in the center of the town the commission members had fled and I had to collect voting papers by myself.

On 11 September 2014 armed people in uniforms and balaclavas captured me in my flat located in Krasnoarmeysk, where I had been living with my family. I was captured at the threshold of my flat and was dragged out into the entry to the block of flats.

I tried to ask for help, but I was hit on my face with the butt of a rifle. They asked where my husband was. I said he went fishing. They hit me again and put a bag on my head. They also put some adhesive tape over my mouth. They put me into a car and drove in an unknown direction. Later I found out that these people were from the Dnepr-1 battalion, company 5, located in Krasnoarmeysk on the territory of the fleet on Dnepropetrovskaya street. In the car they asked me again where my husband was. When I replied that he went fishing again, they beat me and called me bad words. I was sure that I was captured alone but it turned out that my husband was in the other car. Before our detention they had captured one more person. We were detained on the grounds of his evidence.

During the interrogation at the Dnepr-1 battalion they asked me what I had been doing and for how long. They also asked questions regarding code names of people I was dealing with. They beat me when I kept silent. They were shaking some papers in front of my face saying that those papers contained a list of my phone calls, but never showed me the documents or records with my voice. They were outraging and humiliating me. They threatened to kill my husband or to plant on a couple of grenades to my son during the search.

I partially confirmed the evidence in order to stay alive and get my husband left alive. Early on the morning of October 12 we were handed over to the Alfa battalion from Kiev and they took us to the Security Service of Ukraine in Mariupol. They put us into a basement. We were wearing plastic shackles on our hands and bags on our heads. By 2:00 PM I was summoned for the interrogation. In Mariupol they did not beat us, but coerced mentally. On 12 October they gave a detention

я находилась в ИВС Мариуполя, а 16 сентября меня перевезли в СИЗО № 7 города Мариуполя. Там меня осмотрел фельдшер, зафиксировал травмы и следы избиений.

Во время нахождения в СИЗО меня неоднократно вызывали на допросы. Следователь запугивал тем, что найдет доказательства моей вины, требовал назвать из телефонного списка людей, связанных с ДНР. Сотрудники СБУ насмехались надо мной, фотографировали на телефоны якобы для коллекции снимков сепаратистов, унижали, орали. Однако мне так и не дали прочитать распечатку моих звонков в город Донецк и не назначили экспертизу голоса. Никаких явных доказательств моей вины не было.

2 октября должна была состояться очная ставка между мной, моим мужем и человеком, на основании показаний которого нас задержали. Нас привезли в СБУ Мариуполя. Следователь сообщил, что все мы занесены в список обмена военнопленными. Мы подтвердили свое согласие на обмен. Адвокат написал ходатайство в суд, который состоялся вечером. Нам изменили меру пресечения на домашний арест, но обвинений так и не сняли.

3 октября нашу группу в составе тринадцати человек повезли на обмен. Покатав нас по Донецкой и Харьковской областям, вечером передали батальону «Донбасс» и соединили еще с двенадцатью пленными (везли, не разрешая поднять голову, издеваясь и оскорбляя). Ночью привезли под Днепропетровск на заброшенную ферму, в расположение батальона «Днепр-1». Там мы находились до 7 октября. Снова проходили допросы, расспросы; женщин не били, только оскорбляли и унижали, а мужчин «воспитывали» и физически, и морально. Жили военнопленные в сарае, как скот.

7 октября в 15:00 нас вывезли с полигона, привезли в Днепропетровск, где мы переночевали в камерах СБУ, а утром, соединив с другими военнопленными из ЛНР, перевезли в наручниках в Харьков. Там мы пробыли сутки. Утром 9 октября меня в составе группы из двенадцати человек повезли на обмен, который вновь не состоялся.

Вечером того же дня нас перевезли в РОВД города Изюма, где мы пять дней сидели в подвале на голом бетонном полу, скованные наручниками и с мешками на головах. 13 октября нас снова, все так же в наручниках и с мешками на головах, повезли на обмен на Бахмутскую трассу. Обмен состоялся на следующий день, 14 октября 2014 года.

order out to me. That document was saying that I was detained at 2:30 PM, but the facts that we had been tortured all the night through and had been detained without explanations were not mentioned. After a fictitious medical examination (a doctor seeing my injuries asked with a grin if I fell down) on 13 September 2014 they transferred me to the Zhovtnevy District Court in Mariupol, where I was sentenced to 30 days of preliminary detention. From 12 till 16 September I was detained in the Mariupol temporary detention center and on 16 September I was transferred to Mariupol pretrial detention center 7. A medical assistant recorded my injuries and traumas. During my stay at the pretrial detention center I was summoned for interrogations several times. The investigator threatened to find the evidence of my guilt and demanded that I should give the names of those people from my phone list who were related to the Donetsk People's Republic.

The personnel of the Security Service of Ukraine were mocking at me, were taking some pictures with their phone cameras for their collection of pictures of separatists. They were humiliating me and were shouting at me. However, I was not given any list of my phone calls to Donetsk for reading and the records of my voice were not sent for an expertise. They did not have any clear evidence of my guilt.

A confrontation between my husband, me and the person, on the grounds of whose evidence we were detained, should take place on 2 October 2014. We had been transferred to the Security Service of Ukraine in Mariupol, where an investigator informed us that we were in the list for the exchange of prisoners of war. We confirmed our agreement for the exchange. A lawyer had applied a petition to the court and the trial took place in the evening. Our measures of restraint were changed to house arrest but the charges were not dropped.

Our group of 13 people was sent for the exchange on 3 October 2014. After our ride along the Donetsk and the Kharkov regions we were handed over to the Donbass battalion. We joined 12 more captives (during the ride we were not allowed to raise our heads, we were humiliated and were mocked at). We reached the abandoned cattle-farm occupied by the Dnepr-1 battalion near Dnepropetrovsk at night. We were staying there from 3 till 7 October 2014. They were interrogating us again. They did not beat the women. As for the men – they coerced them both physically and mentally. We lived in a barn, like cattle.

On 7 October at 3:00 PM we were transferred from the armament training camp to Dnepropetrovsk where we spent the night in cells of the Security Service of Ukraine. In the morning we were put in hand-

После пребывания в плену долгое время у меня сохранялось чувство подавленности, появилась депрессия, начались частые истерики и приступы страха; я боюсь возвращаться в квартиру, из которой меня похитили.

Рассказывает Андрей, житель города Донецка:

– После государственного переворота, произошедшего в феврале 2014 года, я находился в Новогородовке и занимался частными перевозками. В апреле-мае 2014 года в городе начали распространяться общественные движения, направленные на непризнание людей, незаконным путем пришедших к власти на Украине. Я принимал непосредственное участие в митингах и собраниях, помогал в организации и проведении референдума, участвовал в строительстве баррикад, патрулировании города с целью обеспечения правопорядка.

25 июня 2014 года я и трое моих товарищей пришли на улицу Гагарина к дому, где проживала семья Б., члены которой неоднократно угрожали нам расправой, и мы подозревали их в совершении поджогов автомобилей сторонников «Антимайдана». Около подъезда возникла словесная перепалка, и члены семейства Б. вызвали милицию.

На вызов приехали около двадцати вооруженных милиционеров, которые по приказу начальника милиции А. Ананьева без объяснения причин задержали нас с применением физического воздействия и угрожая оружием. Нас отвезли в Красноармейск и в здании Красноармейского отдела милиции (ОБОП) передали бойцам батальона «Днепр-1». Нас сразу же начали избивать и угрожать расстрелом: ставили к стенке и передергивали затворы автоматов. Потом надели мешки на голову и повезли в сторону Межевой. По дороге вывели в лесополосу для расстрела, но поступил звонок, что с нами кто-то хочет поговорить, и нас повезли дальше. По прибытии на место нас сразу вытащили из машины и начали избивать – ногами, руками, прикладами и какими-то металлическими предметами. Я потерял сознание. Очнулся, когда кто-то ножом открывал мне рот и пытался что-то влить, при этом я слышал голос, который говорил: «Приведи его в чувство, я хочу, чтобы он чувствовал боль».

Нас привезли примерно в обед и избивали до самого вечера, после чего выволокли на край оврага или канавы, поставили на колени, головы прижали автоматами к земле и демонстративно,

cuffs and transferred to Kharkov together with prisoners of war from the Lugansk People's Republic. We spent 24 hours there (from 8 till 9 October). On 9 October our group of 12 people was brought for the exchange which didn't take place again.

In the evening we were transferred to Iziium Regional Department of Internal Affairs. We were kept in shackles for 5 days there. All the time we wearing bags on our heads and sitting on the cement floor in the basement.

With our hands shackled together and bags on our heads we were brought for exchange to the Bakhmut highway on 13 October 2014. The exchange took place the next day, on 14 October 2014.

For quite a long period of time after the captivity I suffered from depression, hysteria, phobia and I was afraid of coming back to the apartment where I was kidnapped.”

Andrey, a resident of Donetsk.

“After the coup in February 2014 I lived in Novogradovka and was engaged in private transportation. The social movements, aimed to non-recognition of those who came to power illegally, began to spread in Novogradovka in April and May 2014. I took part in rallies and the demonstration, helped to organize and hold the referendum, participated in building of barricades and patrolled the town to ensure the rule of law. On 25 June three friends of mine and I went to the block of flats on Gagarina street where family B. had been living. We suspected that family in the car arsons of Anti-Maidan supporters. Members of the family repeatedly threatened to punish me and other Anti-Maidan supporters. Near the entry to the block of flats we quarreled with them and they called the police.

About 20 armed policemen came and detained us without explanations of the reasons, threatening to use weapons and using physical coercion by order of the chief of the police A. Ananiev. We were transferred to the Krasnoarmeysk police department and handed over to the Dnepr-1 battalion there. They immediately started to beat us, they threatened to shoot, and they put us against the wall and racked the slides of rifles. They put bags on our heads and moved us towards Mezhevaya urban-type settlement. On our way they led us to a forest belt for execution, but somebody phoned and said that he needed to speak to us and they took us further. Upon arrival, they took us out of the car and started kicking and pummeling and beating with the rifles butts and some other items made of metal. I lost consciousness and regained it only when someone

чтобы все слышали, отдавали команды на расстрел каждого по очереди. При этом выстрелы производились около головы. Я потерял сознание, очнулся, когда меня подняли и поволокли в какое-то здание, где начали задавать вопросы о Пургине и Пушилине, при этом продолжая избивать. Уже ночью приехали бойцы батальона «Донбасс» во главе с Семенченко (Гришиным), который представился и сказал: «Вы дослужились, если даже я за вами приехал, чтобы отвезти вас в «Днепр», где с вами будут разговаривать совсем по-другому». На подъезде к Днепропетровску, на заправке, я услышал голоса членов семейства Б., которые также нас сопровождали.

В Днепропетровске нас привезли в расположение «Правого сектора» – об этом нам сообщили при выгрузке. Там нас опять начали избивать чем попало, при этом говоря, что мы попали в ад. Я неоднократно терял сознание; приходил в сознание, когда меня тащили по лестнице. Также меня пытали электрошокером и снимали все на камеру.

Это продолжалось около трех суток. Нам не давали спать, пить, есть, заставляли петь украинский гимн, имитировали расстрелы. Также имитировали отстрел мужского достоинства: разводили ноги, приставляли автомат, а из другого автомата производили выстрел. Помимо этого, мне нанесли удар прикладом автомата по горлу и сломали кадык, после чего отнесли в камеру и каждые пятнадцать минут приходили будить и били.

Примерно 27 июня нас завели в какой-то спортзал. На спортивных матах было много крови, и человек с позывным Гриня начал нам говорить, что «перед вами уже троих отравили на тот свет, обрезали уши и носы, это и вас сейчас ждет». Потом он подошел ко мне, начал рассматривать мои наколки, говоря, что у них есть специалист Черкес, который эти наколки очень аккуратно вырежет.

В этот момент в спортзал зашел полковник украинской контрразведки вместе с охраной и сказал, что есть указание нас не расстреливать. Гриня начал возмущаться, говоря, что мы являемся их трофеями и они с нами могут делать все что угодно. Полковник начал ему объяснять, что мы нужны ему живыми и что якобы был звонок от Коломойского относительно наших жизней.

Появились люди с камерами, нас обмыли и начали снимать, спрашивая, имеем ли мы претензии. Перед этим был проведен инструктаж по поводу желательных ответов.

tried to open my mouth with a knife in order to pour something in. I heard somebody saying, “Bring him around. I want him to feel the pain”. We had arrived at lunchtime and they had been beating us till the evening. After that they dragged us out to the edge of a gully or a ditch and made us kneel down, clasped our heads to the ground and ordered loudly in an emphatic manner to shoot us one by one. They shot next to our heads. I lost consciousness and regained it when someone lifted me and dragged me in some building where they started asking questions regarding Purgin and Pushilin and continued beating. Fighters of the Donbass battalion led by Semenchenko (Grishin) arrived at night. Semenchenko introduced himself and said: “You have made good progress, so that I personally have come to bring you to “Dnepr”, where they would talk to you in the other manner”. At a gas station in the outskirts of Dnepropetrovsk I heard the family “B” speaking. They were also accompanying us.

We were transferred to the Right Sector battalion location in Dnepropetrovsk. We were informed about it when we left the vehicle. They started to beat us using everything at hand, saying that we were in hell. I lost consciousness several times. I regained consciousness when I was dragged along the stairs. They tortured me by the stun gun and shot a video. They did not let us sleep, did not give us any food or drink, forced us to sing the national anthem of Ukraine and imitated the execution for three days. They imitated shooting off my genitals: they opened my legs, placed a rifle against the genitals and shot from another rifle.

They also hit my throat with a rifle butt and broke my Adam’s apple.

They dragged me away to a cell and were coming every 15 minutes to wake me up and beat me. Probably on 27 June they brought us to a gym. I saw a lot of blood on floor-mats. The man with the code name “Grinya” told us that he had killed three people before we came and he had cut their noses and ears and that the same would happen to us. He came to me and started looking at my tattoos. He said that they had the specialist, called “Cherkes”, who would cut my tattoos out very carefully. The Colonel of counterintelligence of Ukraine entered the gym together with his guards when Grinya was telling me that. The Colonel said that he had been ordered not to shoot us. Grinya was outraged and said that we were their spoils of war and that they would do whatever they wanted. The Colonel explained that he needed us alive and that he had got a call from Kolomoisky regarding our lives.

Then people with cameras arrived. When we had been washed they asked us in front of the cameras if we had any complaints. Before that we were instructed on how to answer these questions. The fighters of the

Потом приехали бойцы батальона «Днепр-1», нас посадили в машину и отвезли в ОБОП города Днепропетровска. Когда нас рассадили по разным комнатам, сотрудники милиции начали проводить допрос. Сути допроса я не помню, так как был тогда в полудобморочном состоянии, но на столе видел бумаги из Селидовского РОВД, подписанные начальником Боркавцем.

После этого всех повезли в ИВС, но там нас отказались принимать. Вызвали врачей скорой помощи, которые после освидетельствования оказали нам первую медицинскую помощь. В итоге нас все-таки посадили в ИВС, где мы провели дня четыре, после чего под конвоем приехали в СИЗО. Там нас также поначалу не принимали, поэтому всех повезли в травматологическую больницу, произвели осмотр и фиксацию телесных повреждений, после чего опять отвезли в СИЗО. При этом каких-либо документов нам не показывали.

В СИЗО я провел недели две, после чего меня вывезли на допрос в СБУ, предоставили адвоката по имени Григорий (фамилию я не помню), который присутствовал при допросе. Меня ознакомили с решением суда о взятии под стражу на тридцать дней по подозрению в совершении преступлений по статьям 109, 110, 258 УК Украины. Родственники наняли мне другого адвоката по имени Александр (фамилию также не помню). Он добился, чтобы меня перевели в санчасть для оказания медицинской помощи, которую я фактически не получал. Также он пытался обжаловать мой арест. В СИЗО было проведено судебное заседание в режиме видеоконференции, на котором мне было отказано в изменении меры пресечения. По окончании тридцатидневного срока арест был продлен до шестидесяти дней.

8 августа меня и моих товарищей привезли в СБУ Днепропетровской области, где продержали полдня, потом отправили в СБУ Харьковской области. Когда там нас не приняли, отвезли в СБУ города Изюма, кинули в подвал и пристегнули наручниками к стене. Выводили в туалет и кормили один раз в день, постоянно угрожали смертью. В таком состоянии мы провели неделю.

14 августа нас вывезли в Константиновку, пересадили в другие машины и повезли на обмен с военнослужащими украинской армии.

Во время нахождения в плену мне повредили гортань, сосуды. Поскольку часто и сильно били по голове, был ушиб головного мозга. Я перенес инфаркт. Телесные повреждения были зафиксиро-

Dnepr-1 battalion arrived. They put us into a car and transferred to the Dnepropetrovsk Organized Crime Investigation Division. They placed us in separate rooms and started interrogating us. I do not remember the main point of the interrogation as I was in subconscious state, but on the table I saw some papers from the Selidovo Regional Department of Internal Affairs signed by the chief Borkavets. Then they transferred us to the temporary detention center. The temporary detention center personnel refused us to take us over. An ambulance was called and the doctors examined us and provided us with medical aid. Finally we were imprisoned in the temporary detention center, where we spent 4 days. Then a security escort transferred us to the pretrial detention center, where we were not taken over at first either. That is why they brought us to the traumatologic hospital, where we were examined and our injuries were recorded. We were brought to the pretrial detention center again. At the same time nobody showed us any documents. I had been in the pretrial detention center for 2 weeks. After that I was summoned for interrogation to the Security Service of Ukraine. The lawyer whose name was Grigory (I do not remember his last name) was appointed to me. He was present at the interrogation at the Security Service of Ukraine. I got acquainted with the court decision regarding my detention for 30 days as I was suspected of committing crimes under Articles 109, 110, 258 of the Criminal Code of Ukraine. My relatives hired another lawyer whose name was Alexandr (I don't remember his last name either) who managed to transfer me to a hospital, so that I could get medical assistance, which actually I had not got before. He tried to appeal against my arrest. The judicial sitting in the format of a video conference took place in the pretrial detention center. The court refused to change the measure of restraint. After 30 days of detention, my arrest was extended to 60 days.

On 8 August they brought the friends of mine and me to the Security Service of Ukraine in the Dnepropetrovsk region. We were held there for half a day and then transferred to the Security Service of Ukraine in the Kharkov Region, where we were not taken over. We were transferred to the Security Service of Ukraine in Izium, where we were thrown into the basement and shackled to the wall. We spent a week that way there. We were taken to a toilet and given some food only once a day during the whole period of the detention there. Also we were repeatedly threatened to be killed.

On 14 August 2014 we were brought to Konstantinovka, were put into other vehicles and were transferred for the exchanged for soldiers of the Armed Forces of Ukraine.

рованы врачами скорой помощи Днепропетровска при помещении меня в ИВС, а также врачами травматологической больницы Днепропетровска при помещении меня в СИЗО. Некоторые документы есть и в больнице Калинина (Донецк), где я проходил лечение после освобождения. До сих пор наблюдаю у себя психические расстройства: по ночам снятся кошмары, просыпаюсь в поту, периодически кричу, ноги сводит судорогами.

Рассказывает Владимир, уроженец села Артемовки (Николаевская область, Украина):

– Примерно с апреля 2014 года я принимал участие в протестном движении и помогал обустройству блокпостов в Славянском районе Донецкой области, на волонтерских началах снабжал продуктами активистов ДНР, дежуривших на блокпостах.

Сразу хочу отметить, что я не принимал участия в каких-либо боевых или вооруженных столкновениях.

5 июля 2014 года в вечернее время, около 17:00, я закрывал магазин, где осуществлял предпринимательскую деятельность. В этот момент туда ворвались четыре человека в камуфляжной форме, трое из них были в масках. Стали задавать вопрос: «Где телефоны?» При этом один из них приставил мне пистолет к голове и крикнул: «Где телефон, или я тебя пристрелю!» Я объяснил, что телефон где-то в магазине, сказал им номер и попросил набрать. Я не оказывал сопротивления, растерялся, был в шоке от таких действий и толком не мог объяснить им, где лежит телефон.

Эти люди рассредоточились по моему магазину, я увидел, как кто-то из них стал забирать деньги из кассы, карты пополнения счетов для мобильных телефонов. В магазине они нашли мешок, который надели мне на голову, связали руки скотчем, забрали ключи от двух моих машин, а также бумажник, где лежали техпаспорта на эти машины. В момент обыска в магазин зашел покупатель. Один из ворвавшихся людей вытолкнул его, сказав, что здесь милиция. Из этой фразы я понял, что меня задержали сотрудники милиции.

Затем меня вывели из магазина и уложили в багажник автомобиля, на котором они, видимо, приехали. Марку, номер автомобиля я не видел. Мы ехали минут двадцать, после этого машина остановилась, меня вытащили. Я не понял, где мы находимся, поскольку мешок с меня не снимали.

Меня сразу стали избивать, я чувствовал удары по лицу, голове, туловищу. Меня били руками и ногами; я понимал, что меня

During the period of captivity my larynx and blood vessels were injured. As I had been frequently beaten in my head, I had got a brain contusion and an infarct. The bodily harm that I had got was recorded by the emergency doctors in Dnepropetrovsk when I was handed over to temporary detention center and also by the doctors of the traumatologic hospital in Dnepropetrovsk when I was handed over to the pretrial detention center. Some of the records are being kept in the hospital named after Kalinin in Donetsk, where I have undergone medical treatment after the discharge. At the moment I suffer from psychical disorders: I have nightmares, I wake up sweating, I cry when I sleep and my legs are twitching.”

**Vladimir, a resident of the Artyomovka village
(the Nikolayev region, Ukraine).**

“I took part in protest movements and was providing security checkpoints with the necessary facilities as a volunteer in the Slaviansk District of the Donetsk region. I also was providing the Donetsk People’s Republic’s activists on duty at the checkpoints with foodstuff since April 2014.

I would like to point out that I have never taken part in any armed conflicts. On 5 June 2014 at 5:00 PM I was closing the shop where I carried on my business. That moment four people in uniforms broke into the shop. Three of them were wearing masks. They asked where the phones were. One of them placed a gun against my head and shouted: “tell me where the phone is or I will shoot you”. I explained that the phone was in the shop, told the phone number and asked to dial it. I did not show any resistance, I was bewildered and shocked of such actions and thus could not explain where exactly the phone was.

These people scattered over the shop, I saw one of them taking the money from the cash register and recharge cards for cell phones. They found a bag, which they put on my head, tied my hands with adhesive tape, took the keys from two of my cars and the wallet which contained the registration certificates for the cars.

During the search a buyer entered the shop. One of those people pushed him out of the shop saying that the police was there. That phrase helped me to understand that I was detained by the police officers.

They pulled me outside and put me into the trunk of the car, by which they apparently came. I could not see the plate number and the model of the car. We were riding for about 20 minutes. Then they stopped and pulled me out of the trunk. I could not understand where we were as the bag was not removed from my head.

бьют одновременно несколько человек. При этом они задавали только один вопрос: «Где оружие?» Между собой эти люди говорили на русском языке, но что именно они говорили, я не помню, поскольку кто-то взял меня через мешок за голову и несколько раз ударил об землю. Я потерял сознание и очнулся, когда меня затаскивали в помещение, которое, как я понял, являлось автомобильным КУНГом.

Там я смог приподнять мешок и увидел, что в этом КУНГе находились девять человек, тоже с мешками на головах. Мы пытались разговаривать. Я понял, что со мной находились люди разных профессий – таксист, электрик и другие. Кто-то сказал, что его схватили, когда он шел на рыбалку.

На следующий день всех нас вывели на так называемую площадку АТО в селе Долгеньком. Я услышал это название из разговоров солдат. С нас начали снимать мешки, поставили на колени, заставляли кричать «Слава Украине!», «Путин х..ло!». Это были люди в камуфляжной форме, с оружием, примерно двадцать-тридцать человек. Все это носило характер издевательств, поскольку сопровождалось угрозами убийства. Многие из бойцов выкрикивали в отношении нас призывы к расстрелу. Все это снималось на фото- и видеоаппаратуру.

После этого меня и еще четверых мужчин поставили на колени перед выложенным на земле оружием. За нами встали бойцы, и нас сфотографировали. Впоследствии я нашел эти фотографии в интернете: они были опубликованы в рамках новости о том, что СБУ ликвидировала террористическую группу в Славянском районе Донецкой области.

После фотографирования на нас надели мешки и отвели к КУНГу, где снова избили и заставили стоять на коленях около трех или четырех часов. Потом отвели к яме. Шел дождь, яма была размером примерно полтора на полтора метра, глубиной около двух метров. Туда приказали забраться тринадцати пленным, в том числе и мне. Украинские военные называли это «распаковкой».

Один из бойцов увидел, что я связанными впереди руками немного поправил мешок, поскольку мне было больно (был сломан нос), и с криком: «С..., подглядываешь!» – забрался в яму и стал меня бить, нанося удары по всему телу.

В этой яме мы сидели около суток, спали друг на друге. В яму нас опустили вечером 6 июля 2014 года. На следующий день, бли-

They started beating me in the face, the head and the body. They were kicking and pummeling me. I understood that a few people were beating me at once. They were asking only one question, “Where was the weapon?”

The people were speaking Russian to each other, but I could not recall what they were speaking about, because one of them hit my head with the bag on it against the ground several times. I lost consciousness and regained it when I was dragged into the building, which was, as far as I could judge, a unified body of zero (normal) dimension.

I could take the bag a bit off and see that there were nine people wearing bags, as well, in the unified body of zero (normal) dimension. We tried to speak and I found out that these people were of different occupations: a taxi driver, an electrician, etc. Somebody said that he had been captured when he had been going fishing.

Next day we were led into the so-called “Zone of Anti-Terrorist Operations in Dolgenkoe village”. I got the name of the village from the soldiers’ talk. They started removing the bags from our heads, they made us kneel down, and forced us to shout “Glory to Ukraine” and to shout out some offensive words addressed to Mr. Putin. It was humiliation, as there were 20-30 uniformed people who threatened to kill us. Some of the soldiers shouted out suggestions to shoot us. They shot a video and took some pictures.

They made 4 men and me kneel down in front of weapons that were on the ground. Some of the soldiers stood behind us and took pictures. Later I found these pictures in the internet. The pictures were published within the news about elimination of a terrorist group in the Slaviansk district of the Donetsk region.

After taking pictures, they put the bags on our heads and brought us back to the unified body of zero (normal) dimension. They beat us again and made us kneel for 3 or 4 hours. Then we were taken to a pit, 1,5 meters in width and length and 2 meters in depth. It was raining. They ordered 13 people including me to get in the pit. The Ukrainian soldiers called that action as “unpacking”.

One of the soldiers saw me adjusting the bag on my head by my shackled hands, as my broken nose hurt. He got into the pit, shouting, “You are peeping, b...”, and started to beat my body.

We spent about 24 hours in that pit, we slept on each other. We got into the pit on 6 July 2014 in the evening and we got out it next afternoon. They put us into a car to transfer to the Security service of Ukraine Kharkov.

же к вечеру, вывели и посадили в машину, чтобы отвезти в СБУ города Харькова.

Хочу отметить, что один раз меня из ямы вывели в туалет, и боец, который меня конвоировал, сказал мне: «Ну що, з рідними попрощався?», затем передернул затвор автомата и спустил курок. Я очень испугался, однако выстрела не произошло, видимо, автомат был не заряжен.

7 июля примерно в 23 часа состоялся допрос в СБУ Харькова. Мне задавали вопросы относительно моего участия в протестном движении. Сообщили, что в отношении меня заведено уголовное дело. Я отвечал, что только помогал продуктами и несколько раз привозил шины на блокпосты.

Потом меня перевели в СИЗО № 27 города Харькова (оно называется «Холодная гора»), где я находился вплоть до освобождения.

За время нахождения в СИЗО меня дважды возили в суд для избрания меры пресечения и продления срока содержания под стражей.

Также мне дали бесплатного адвоката, который никак не отреагировал на мой рассказ о том, как меня избили при задержании. Я понял, что этот адвокат хочет только выяснить у меня информацию относительно людей, принимавших участие в протестном движении.

Я позвонил из камеры своему родному брату и попросил его нанять другого адвоката. Он нанял адвоката в Харькове и еще двух из Славянска. Они пытались изменить меру пресечения, писали ходатайства на основании моего слабого здоровья (я страдаю тахикардией), однако им было отказано.

20 сентября около шести утра в камеру зашел надзиратель и сказал, что меня отпускают. Я собрался, мне вручили справку об освобождении, постановление о прекращении уголовного дела и вывели на КПП, где уже было около двадцати человек. На выходе из СИЗО нас встретили сотрудники СБУ, надели наручники и посадили в микроавтобус для перевозки заключенных. Привезли в здание СБУ, затем посадили в автобус и повезли на обмен.

Рассказывает Михаил, житель города Ждановки (Донецкая область):

– С января по август 2014 года я работал на Енакиевской птицефабрике. Никакого участия в протестном движении в Донбассе

Once I was taken to a toilet under convoy of the soldier who said, “Well, have you said good-bye to your relatives?” He racked the slide of the rifle and pulled the trigger. I was very afraid, but a shot was not fired, as the rifle apparently had not been loaded.

On 7 July at 11:00 PM I was interrogated in the Security service of Ukraine in Kharkov. They questioned me about my participation in protest movements. They informed me that a criminal case against me had been initiated. I said that I had only been providing with foodstuff and had been bringing tires to security checkpoints a few times.

I had been transferred to Kharkov pretrial detention center 27 (they call it “cold mountain”) where I had been staying till my discharge.

During my stay in the pretrial detention center I was taken to the court twice for choosing a measure of restraint and extending the term of detention.

A free lawyer was appointed to me. He did not react on my description of battery during the detention. I understood that the lawyer only wanted to get information about the people who had been involved in the protest movement.

In the cell I phoned my brother and asked him to find another lawyer. He hired a lawyer in Kharkov and two more lawyers from Slaviansk. These lawyers tried to change the measure of restraint, applied the petitions based on my weak health to the court (I had been suffering from tachycardia), but the petitions were rejected.

On 20 September 2014 a warden entered the cell and said that I was being discharged. As I got ready they gave me the certificate of release, the resolution on the termination of the criminal case and took me to the checkpoint. There were about 20 people at the checkpoint. At the exit from the pretrial detention center we were met by the personnel of the Security Service of Ukraine. They put handcuffs on us and took us into the van for detainees’ transfer. They transferred us to an office of the Security Service of Ukraine, then put us back into the van and transferred for the exchange.”

Mikhail, a resident of Zhdanovka (the Donetsk region).

“I had been working at Enakievo Poultry Farm from January till August of 2014. I had not been taking part in any of protest movements in Donbass. On 21 October 2014 when I had been hitchhiking from Kirovskoe to Enakievo to visit some of friends of mine I was detained at the checkpoint of the Security Service of Ukraine. While they were doing checks on my documentation they noticed that I had served in

я не принимал. 21 октября 2014 года, направляясь на попутном автомобиле из города Кировского в город Енакиево к знакомым, я был задержан на блокпосту ВСУ.

При проверке документов ко мне начали предъявлять претензии по поводу моей службы в ВС СССР, так как при мне был военный билет. Дальше меня начали обыскивать и нашли в моем кармане патрон от карабина, который я подобрал по дороге, следуя в сторону блокпоста до того момента, как меня подобрала попутная машина. После этого меня сразу сбили с ног. Один из бойцов произвел выстрелы из автомата Калашникова по моим ногам, но промахнулся, пули только поцарапали мне ноги. Мне связали руки скотчем, надели мешок на голову и отвели в солдатский блиндаж.

В блиндаже я находился сутки. За это время меня несколько раз выводили и призывали к сотрудничеству с военными, говоря при этом, что меня считают диверсантом и расстреляют, если я откажусь. Я пытался им доказать, что не имею никакого отношения к ДНР и воинской службе; говорил им, что проходил службу в СССР не в строевом подразделении, так как был годен только к нестроевой службе, о чем имеется запись в военном билете. Но украинских военных это не устраивало, и они продолжали меня избивать: наносили удары прикладами автоматов, били ногами и руками по разным частям тела. Во время избиений мне повредили локтевой сустав левой руки.

За сутки меня выводили из блиндажа и избивали раз пять, при этом требуя, чтобы я признался в сотрудничестве с ДНР. Не в силах больше терпеть избиения, я начал давать лживые показания, говорить, что я собирал сведения о местах расположения ВСУ и передавал их человеку, который связан с ДНР.

Потом военные устроили голосование по поводу моей дальнейшей судьбы: меня хотели либо расстрелять, либо передать в СБУ. В итоге проголосовали за то, чтобы передать меня в СБУ. На следующий день за мной на блокпост приехала машина, мне надели мешок на голову и отвезли в какой-то подвал, где он находился, я не знаю. Там я пробыл примерно двое суток, после чего мне снова надели мешок на голову, закинули в багажник автомобиля и увезли в другое место, где снова поместили в подвал какого-то строения – судя по кирпичной кладке, старого. Там я провел сутки, потом меня опять кинули в багажник и повезли дальше. По пути меня несколько раз пересаживали из одного автомобиля в другой. В итоге я оказался в ИВС города Полтавы.

the Armed Forces of the Union of Soviet Socialist Republics, because I had the military card with me. They searched me and found a cartridge from a carbine in my pocket, which I had picked up on my way towards the checkpoint before hitchhiking. Right after that they knocked me down. One of the soldiers shot at my legs but missed, the bullets only scratched my legs. They tied my hands with tape, put a bag on my head and took me to soldiers' blindage.

I spent 24 hours in the blindage. During that time they were taking me out of the blindage and were trying to incline me to cooperation with the military men saying that they considered me to be a saboteur. They said that they would shoot me if I rejected their offer. I tried to prove that I had nothing to do with the Donetsk People's Republic or military service. I said that I had served in the Armed Forces of the Union of Soviet Socialist Republics in noncombatant corps, as I had not been pronounced medically fit for service in combatant corps and that had been specified in my military card.

But the Ukrainian soldiers were not satisfied with my answers and they continued beating me. They were beating me with rifle butts, were kicking and pummeling me and injured my left elbow joint.

During these 24 hours that I had spent in the blindage, they had been taking me out for about 5 times for beating and were demanding that I should confirm my cooperation with the Donetsk People's Republic. As I could not stand that battery any longer I started to give false evidence about my cooperation with the Donetsk People's Republic. I told that I had been collecting information about locations of the Armed Forces of Ukraine and had been forwarding it to the person related to the Donetsk People's Republic. Then the soldiers started to vote regarding my future. There were two options: to shoot me or to hand me over to the Security Service of Ukraine. Finally they voted for handing me over to the Security Service of Ukraine. Next day a car arrived at the checkpoint to take me to some basement. They put a bag on my head so I did not know where the basement was located. I spent 2 days there. They put the bag on my head again, put me into the trunk of a car and transferred to some other place, where I was put again into a basement of a building, as I could judge from the brickwork. I spent 3 days there. After that they put me again into the trunk and drove further. During the ride we were changing cars several times. Finally I reached the Poltava temporary detention center. In three days I was delivered to Oksana, an investigator, who informed me that I was in Poltava and that she would be dealing

Через трое суток меня доставили к следователю по имени Оксана, которая сообщила, что я нахожусь в Полтаве и что она будет вести мое дело. Я продолжил давать ей лживые показания по поводу своего сотрудничества с ДНР, так как боялся дальнейших избиений. Меня обвиняли в сотрудничестве с террористической организацией. Первый допрос состоялся 27 октября 2014 года, после него меня отвезли в суд, где дали адвоката – Андрея Анатольевича Бражникова.

В суде я уже начал давать действительные показания, говоря о том, что предыдущие были мною даны с целью сохранения жизни, так как мне угрожали расстрелом и постоянно избивали. В суде я продемонстрировал следы от пуль на ногах и обуви. Суд вынес решение об избрании мне меры пресечения в виде ареста, но поручил следователю произвести освидетельствование и проверку показаний. После этого меня направили в СИЗО, где я находился до 25 декабря.

Мне известно, что мой адвокат подавал апелляцию по факту моего ареста, но апелляционная комиссия оставила решение суда первой инстанции в силе. Также адвокат подавал жалобы по факту моего избиения и пулевых ранений: меня возили на освидетельствование, где имеющиеся на мне повреждения были зафиксированы.

25 декабря меня доставили в суд, где объявили об изменении меры пресечения на личное обязательство и вручили три повестки о явке в суд – на 30 декабря 2014 года, а также на 4 и 15 января 2015 года. После этого меня отвезли в СБУ Полтавы, поместили в спортивный зал, в котором на тот момент находилось еще сто пятьдесят человек. На следующий день в 4:00 нас погрузили в автобусы и отвезли в Харьков, где к нам добавилось еще два автобуса. Мы поехали в сторону Славянска. Из Славянска нас доставили в Ясиноватую, где обменяли на украинских военных.

Рассказывает Светлана, жительница города Донецка:

– До государственного переворота в Киеве я была домохозяйкой, проживала в селе Новоалександровке Красноармейского района Донецкой области. Мои три сына и другие родственники состояли в ополчении в батальонах «Кальмиус», «Оплот».

В плен я попала 23 декабря 2014 года, приблизительно в 15:00. Я приехала домой после того, как провела в Донецке своих сыновей. Успела растопить печку, после чего ко мне в дом с авто-

with my case. I continued giving false evidence about my cooperation with the Donetsk People's Republic as I was afraid of further battery. I was accused of cooperation with the terrorist organization. The first interrogation took place on 27 October 2014. Then I was taken to the court where Andrey Anatolievich Brazhnikov, a solicitor, was appointed to me.

At the court I started to give true evidence. I explained that the previous false evidence had been given by me under the threat of execution and battery. I explained that all I wanted was to stay alive. I demonstrated the scratches from the bullets on my legs and the bullet holes in my shoes. The court selected arrest as a measure of restraint and ordered the investigator to get me medically examined and to check my evidence. After that I was transferred to the pretrial detention center. I had been there till 25 December 2014. I was aware that my lawyer applied a petition regarding my arrest to the court, but the appeals instance upheld the decision of the court of the first instance. The lawyer also allied the petition regarding the battery and the bullet scratches. I was taken for a medical examination where my injuries were recorded.

On 25 October 2014 I was delivered to the court, where the measure of restraint was changed to personal commitment and they gave me out three summons to the court on 30 December 2014, on 4 January and on 15 January 2015. I was taken to the Security Service of Ukraine in Poltava, where I was placed into the gymnasium where there 150 more people were that moment. Next day at 4:00 AM we were put into buses and transferred to Kharkov, where two more buses joined us and we set off towards Slaviansk. They transferred us from Slaviansk to Yasinovataya, where we were exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine.”

Svetlana, a resident of Donetsk.

“I had been a housewife before the coup took place. I lived in Novoaleksandrovka village of the Krasnoarmeysk district of the Donetsk region. My three sons and other relatives were serving in the “Kalmius” and in the “Oplot” battalions.

I was captured on 23 December of 2014 at about 3:00 PM. I came home after I had visited my sons in Donetsk. I had heated the stove when 7 fighters without any identification marks but with rifles broke into my house. They did not injure me; they ordered me to get dressed and to go with them for questioning. At the same time they did not ac-

матами ворвались семеро бойцов без опознавательных знаков. Телесных повреждений мне не нанесли, просто сказали одеться и проехать с ними, чтобы мне задали несколько вопросов. При этом никаких обвинений, никаких процессуальных документов мне не предъявили. Еще один мой сын проживает через дом от меня, его тоже арестовали, надели мешок на голову и вместе со мной отвезли в Краматорск. Моего сына также не избивали.

В Краматорске меня и сына развели по разным камерам в подвале. Что конкретно это за здание было, сказать не могу, нам не объяснили. В камере мне дали чай и бутылку для туалета. В этот же день ко мне зашел человек и спросил: «Ты знаешь, почему ты здесь?» Я ответила, что не знаю, и он ушел.

24 декабря ко мне в камеру опять зашел этот же человек, предложил поесть. Я отказалась. При этом я узнала, что моего сына забрали из камеры. Я услышала автоматные очереди, и мне показалось, что потом носили какие-то мешки. О судьбе сына я узнала уже после своего освобождения: он был отпущен в этот же день.

Ночью 25 декабря, приблизительно в три часа, меня отвели в спортзал, где начали допрашивать. Меня не избивали, дали ручку и бумагу и сказали писать пояснения, где находятся мои сыновья. Я отказалась писать что-либо, после чего меня отвели в «стакан» (это можно сравнить с вытяжной трубой размером метр на метр). Там я провела несколько часов, после чего меня опять отвели в спортзал и опять начали допрос. Пугали тем, что отправят рыть окопы, а также тем, что привезут моих дочерей и будут над ними издеваться. Естественно, после таких угроз я подписала пояснения, что мои сыновья состояли в ополчении.

Кто меня допрашивал, сказать не могу, поскольку они мне не представлялись. После того как я подписала документы, меня отвели в комнату на втором этаже, пристегнули руки наручниками к батарее. В этой комнате я провела полдня.

В этот же день, 25 декабря, меня вывели, надели шапку на глаза, посадили в машину и отвезли в СИЗО города Харькова. После обеда вызвали к следователю. Следователь предлагал сотрудничество с СБУ, но я отказалась, после чего на меня было оказано психологическое давление, меня начали запугивать тюремным сроком.

В изоляторе я просидела до обмена, который состоялся 21 февраля 2014 года. За это время меня ни разу не вызывали на допрос, никаких судов не проводили, никаких обвинений не предъявляли, не избивали и не пытали.

cuse me of anything and did not provide me with any procedural documents. One of my sons was living next door but one to me. He was also arrested; they put a bag on his head and took both of us to Kramatorsk. They did not beat my son either.

In Kramatorsk they placed us into two separate cells in the basement. I don't know what a building it was. They did not tell us either. In the cell they gave me some tea and a bottle that would serve to me as the toilet. The same day a man entered my cell and asked if I knew why I was there. I said that I did not know and he walked away.

On 24 December the same person entered my cell again and offered me some food. I refused. I got to know that my son was taken out of the cell. At the same time I heard a burst of automatic fire. And it seemed to me that they were carrying some bags in the basement after the burst of fire. I found out what had happened to my son after my discharge: he had been released the same day.

On 25 December 2014 at 3:00 AM they brought me to a gymnasium, where they started to interrogate me. They did not beat me; they gave me a pen and told me to write explanations as to where my sons were. I refused to write anything and they placed me into a "glass", a 1 m by 1 m segregated prisoner compartment (which can be compared to a ventilation pipe). I spent a few hours there in the "glass". They took me back to the gymnasium, and started to interrogate me again. They threatened to send me to dig trenches and threatened to bring my daughters there to mock at them. After these threats I naturally signed my evidence against my sons who had been in the militia.

I did not know who were interrogating me, because they did not introduce themselves. After I signed the documents they took me to a room on the first floor and handcuffed me to the heating radiator. I spent half a day in that room.

The same day, on 25 December, they took me out of the room and pulled a cap over my eyes and put me into a car. I was brought to the Kharkov pretrial detention center. In the afternoon they summoned me to an investigator. The investigator suggested that I should cooperate with the Security Service of Ukraine but I refused. They started to coerce me mentally. I was threatened with imprisonment.

I was in the pretrial detention center till the prisoner swap, which took place on 21 February 2014. During the detention they never summoned me for interrogation, they did not accuse me of anything, they did not beat or torture me."

Рассказывает Григорий, житель города Харцизска:

– До государственного переворота на Украине я работал в частном охранным агентстве в Донецке. После государственного переворота, противником которого я являлся, начал принимать участие в митингах «Антимайдана». Там я познакомился с другими активистами, после чего работал в различных структурах ДНР.

3 сентября 2014 года я и еще трое моих соратников выехали в поселок Александровку. Поскольку дорогу в данный населенный пункт никто не знал, мы заблудились и выскочили на блокпост ВСУ, расположенный в населенном пункте Нижняя Крынка.

Опознавательных знаков на блокпосту не было, и мы подумали, что это блокпост армии Донецкой Народной Республики. Нас остановили солдаты, мы предъявили удостоверения сотрудников ДНР, после чего на нас сразу же навели артиллерийскую пушку, пулеметные расчеты, а из палаток выскочили около тридцати солдат ВСУ.

Нас всех положили на землю, руки связали изоляцией за спиной, на лицо также накрутили изолянту, чтобы нам ничего не было видно. Меня сразу ударили прикладом в горло, отобрали все документы и продолжили бить дубинками и автоматами, при этом приговаривая: «О какая птица нам попалась!» Нас избивали минут сорок, после чего кинули в машину и отвезли на базу 25-й бригады ВСУ. На момент попадания в плен у меня был сахарный диабет, когда меня избивали, мои соратники кричали об этом украинским солдатам, однако их эта информация не остановила.

На базе 25-й бригады ВСУ я пробыл около трех дней. Нас содержали в вырытой яме, ни еды, ни воды не давали. Руки были все время связаны, на лица были надеты мешки. Лично меня при этом никто не избивал, связано это было, скорее всего, с моей болезнью. Ребят, которые находились со мной в яме, постоянно избивали и допрашивали.

После этого нас перевезли в город Краматорск, как мне кажется, на аэродром. В какое время суток нас туда привезли, сказать не могу, поскольку на нас были мешки. Ребят, которые были со мной, посадили в бетонный подвал, а меня – в холодильную камеру. Мешок с головы при этом не сняли. Со мной в этой камере находились еще двое солдат. Медицинской помощи как диабетик я при этом не получил.

Grigory, a resident of Khartsyzk.

“I had been working in a private security agency in Donetsk before the coup took place in Ukraine. After the coup I started to take part in Anti-Maidan rallies because I was against the coup.

While I had been taking part in the rallies I had got acquainted with other Anti-Maidan activists. I worked for some structures of the Donetsk People’s Republic later.

On 3 September 2014 three of my team-mates and I set off to Aleksandrovka village. As nobody knew the way to the village we got lost and found ourselves at the checkpoint of the Armed Forces of Ukraine located in Nizhnyaya Krynka urban-type settlement.

As there were no identification marks at the checkpoint we thought that it belonged to the Armed Forces of the Donetsk People’s Republic. The soldiers stopped us and we showed our identification documents of personnel of the Donetsk People’s Republic. Right after that they trained an artillery cannon on us and about 30 soldiers of the Armed Forces of Ukraine leapt out of the tents on us.

They put us on the ground, tied our hands behind back with tape and also put some tape on our faces so that we could not see anything. They immediately hit my throat by a rifle butt, and took away all my documents and continued beating with truncheons and rifles saying, “What a bird we got!” They had been beating us for about 40 minutes, then they put us into a vehicle and transferred to the base of the 25th battalion of the Armed Forces of Ukraine.

I suffered from diabetes mellitus when I got captive. My team-mates were shouting out that information when soldiers were beating me, but the information did not stop them.

I spent about 3 days at the base the 25th battalion of the Armed Forces of Ukraine. We were kept in pits and we were not given any food or drink. We were wearing handcuffs on our hands and bags on our heads all the time. I personally had not been beaten due to my disease. But those who were with me in the pit were constantly beaten and interrogated.

They transferred us to Kramatorsk. As I thought that was an air-drome. I did not know what time of day or night we arrived there, because we were wearing the bags on our heads. Those captives who had been with me were placed into a cement basement; I was placed into a cooling chamber. At the same time they did not remove the bag from my head. There were two more soldiers in the cooling chamber. As diabetic I had not got any medical aid.

В холодильной камере я находился три ночи. Днем меня выводили оттуда и избивали, снимая это все на камеру, а также заставляли что-то подписывать. Очень сильно били по голове.

По истечении трех дней нас отвезли в Полтаву, при этом мы уже шестой день были в наручниках и с мешками на головах. По дороге меня били по всему телу, особенно по голове. Избивали ногами, прикладами и дубинками.

В Полтаве нас доставили в СБУ, посадили в камеру, и я думал, что смогу хоть чуть-чуть отдохнуть, однако в 23:00 к нам в камеру пришел пьяный сотрудник СБУ по кличке Кубик и начал над нами издеваться.

Меня он душил, топил в ведре, лил воду на мешок, который находился на голове, потом начал колотить дубинкой по лицу. Издевался он надо мной примерно около часа. Нас всех спасло то, что в камеру ввели других заключенных, а нас забрали в суд. По прибытии в суд с меня сняли мешок, я увидел время – было полпервого ночи. На мой вопрос по поводу того, как можно судить ночью, мне сказали, что на меня не распространяется законодательство Украины.

Суд продлился около часа, после чего на меня опять надели мешок и наручники и отвезли в камеру СБУ, где я провел еще два дня. Меня уже не избивали, однако я не мог ничего есть из-за большого горла (после удара прикладом) и сломанной челюсти.

По истечении двух дней меня перевели в СИЗО города Полтавы, где дали первый раз нормально помыться. В тот момент, когда принимал душ, я понял, что у меня сломаны ребра. Подтвердить этот диагноз смог мой сокамерник, который имел хирургическое образование.

Пока я был в СИЗО, медицинской помощи мне не оказывали, единственное, что мне дали, – это слабительные таблетки, поскольку до этого я не ходил в туалет на протяжении тринадцати дней.

В СИЗО меня не допрашивали и уже не избивали; нас кормили три раза в день, однако сам я есть не мог, поэтому меня кормили сокамерники, предварительно разжевывая пищу.

Обменяли меня 20 сентября 2014 года в Донецкой области, конкретный населенный пункт назвать не могу

После всех пережитых избиений меня мучают частые головные боли, я до сих пор лечусь. Из психологических расстройств появились очень сильная мнительность, чувство тревоги, беспокойство. Из-за всего этого я не могу устроиться на работу.

I had spent 3 nights in the cooling chamber. During the day they were taking me out of the cooling chamber and were beating my while shooting a video. They were forcing me to sign some papers. They were hitting me badly in my head.

In three days they transferred us to Poltava, at the same time we had been wearing handcuffs on our hands and the bags on our heads for six days already. On the way to Poltava they were beating me all over my body, especially on my head. They were kicking me, were beating with rifles butts and with truncheons.

When we have been delivered to the Security Service of Ukraine in Poltava, we were put in a cell. I thought that I could have a rest for a while but the drunk officer of the Security Service of Ukraine with the nickname, Cube, entered our cell at 11:00 PM and started to mock at us.

He started to strangle me and to drown me in a bucket. He poured water on the bag that was on my head and beat my face with a truncheon. He had been mocking at me for half an hour. The other detainees had been brought into the cell and we were “rescued” from that cell. They took us to the court and removed the bag from my head. I looked at the clock. It was 12:30 AM. I asked if it was possible to try me at night. They answered that the Ukrainian Law did not extend to me.

The trial lasted for one hour, after that they put the bag on my head and handcuffs on my hands again. They transferred me to a cell of the Security Service of Ukraine. I spent two more days in the cell after the trial. They did not beat me during these two days but I could not eat anything because of my injured throat (caused by the blow of a rifle butt) and broken jaw-bone.

In two days they had transferred me to the Poltava pretrial detention center, where I was given an opportunity to take a shower for the first time. When I was taking a shower I understood that my ribs had been fractured. My cellmate who had a surgical education confirmed that diagnosis.

During my stay at the Poltava pretrial detention center I had not got any medical help. I was only given purgative pills, because I had not been going to a toilet for 13 days. They did not interrogate or beat me in the pretrial detention center. We were given food 3 times a day. However, I could not eat and my cellmates were feeding me. They were masticating my food themselves.

I was swapped somewhere in the Donetsk region on 20 September 2014. I can not tell the name of that settlement.

Рассказывает Мирослава, жительница города Донецка:

– С марта 2013 года я проживала в Киеве и работала заместителем директора общественной организации.

После государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года я стала поддерживать антимайданные движения в Донецке, собирала помощь в виде продуктов питания и медикаментов. Состояла в самообороне Джанкоя, мы собирали данные о присутствии «Правого сектора» в Крыму.

10 июля 2014 года я направлялась в Донецк из Крыма на поезде. В Мелитополе ко мне под видом проверки документов подошли работники СБУ, забрали все личные вещи и документы и отвезли в Запорожье.

Там меня поместили в комнату в местном отделении СБУ. На мои вопросы никто не отвечал, причины задержания не назывались. В таком состоянии я провела трое суток. 15 июля ко мне пришли оперативный работник и следователь СБУ, которого я видела еще в Крыму, и на словах объяснили, что я обвиняюсь по статье 111 УК Украины. При этом меня начали допрашивать на предмет предоставления информации о сотрудниках ГРУ РФ.

После допроса меня переместили в ИВС Запорожья, где я пробыла до 17 июля. В этот день меня отвезли в районный суд Мариуполя, где за полчаса до судебного заседания мне предоставили адвоката. Адвокат пообещал оказать мне помощь и согласился сообщить моим родным, что я задержана. В суде мне избрали меру пресечения в виде шестидесяти суток содержания под стражей, после чего 18 июля перевели в СИЗО Мариуполя.

В СИЗО ко мне приходил мой адвокат, который предлагал сотрудничество с правоохранительными органами Украины, однако я отказалась.

Приблизительно через неделю меня перевели в СИЗО № 11 Вольнянского района Запорожской области. После перевода через своих родственников я смогла нанять частного адвоката. Он предложил подписать договор с СБУ, за который я должна была заплатить 11 000 долларов США.

Ко мне приезжали сотрудники СБУ, пытались склонить к сотрудничеству. После того как они поняли, что это бесполезно, началось давление на мою семью: начали вызывать на допросы моего отца, выдвинули обвинение сестре по статье 110 УК Укра-

After all these beatings I suffer from frequent headaches. I still have to undergo medical treatment. As to psychological disorders, I suffer from suspiciousness, anxiety, nervousness. I cannot get a job because of all these disorders.”

Miroslava, a resident of Donetsk.

“I had been working as a deputy director of a non-government organization since March of 2013.

After the coup in Kiev in February 2014 I started to support Anti-Maidan movements in Donetsk. I helped to collect foodstuff and medicaments. I was a member of self-defence forces of Dhankoy, where we were collectin the information about the Right Sector battalion’s presence in the Crimea.

I was going by train to Donetsk from the Crimea on 10 July 2014. In Melitopol officers of the Security Service of Ukraine came up to me. Under the show of checking of my documents they took away all my personal belongings and documents. Then they brought me to Zaporozhye.

As we arrived in Zaporozhye, they placed me into a room of the local office of the Security Service of Ukraine. Nobody answered my questions and reasons for my detention were not explained to me. In 3 days, on 15 July 2014 an operative and an investigator of the Security Service of Ukraine came to me. I had seen the investigator in the Crimea. They orally explained to me that I was accused of crime according to Article 111 of the Criminal Code of Ukraine. They started to interrogate me about the personnel of Main Intelligence Directorate of the Russian Federation.

After that interrogation they transferred me to the Zaporozhye temporary detention center, where I had been till 17 July 2014. That day they took me to the Mariupol District Court, where an attorney was appointed to me 30 minutes before the trial. The attorney promised to help me and agreed to inform my relatives about my detention. The court selected a measure of restraint in the form of 60 days’ detention. On 18 July 2014 they transferred me to the Mariupol pretrial detention center.

My attorney came to the pretrial detention center and offered me to cooperate with the law enforcement bodies of Ukraine but I refused.

In a week or so I was transferred to pretrial detention center 11 of the Vilniansk District of the Zaporozhye region. After the transfer my relatives helped me to hire another attorney, who offered me to sign an

ины. Вследствие психологического давления мой отец скончался, по сестре до сих пор идут судебные разбирательства.

В СИЗО я находилась до изменения меры пресечения. После того как суд избрал мне меру пресечения в виде домашнего ареста, меня отвезли на обмен в Харьковское СБУ. Это было 30 октября. На следующий день, 31 октября, меня забрали оттуда бойцы батальона «Донбасс» и вывезли на свою базу в Днепропетровск. Там меня поместили в подвал, где я пробыла две недели. 12 ноября 2014 года меня обменяли на военнослужащих ВСУ и привезли в Донецк.

Рассказывает Виталий, житель города Донецка:

– Я пенсионер, инвалид третьей группы. До августа 2014 года я проживал в городе Мариуполе. После государственного переворота в феврале 2014 года я стал сторонником возникшего в Мариуполе протестного движения: принимал участие в организации палаточного городка перед зданием горисполкома Мариуполя и охране правопорядка, а также в организации референдума о статусе ДНР.

После ввода в Мариуполь вооруженных сил Украины и батальонов «Азов», «Днепр-1», «Днепр-2» и «Святая Мария» я занялся сбором информации относительно расположения блокпостов, воинских частей и незаконных вооруженных формирований, передавал ее в Донецк.

12 августа 2014 года примерно в девять часов утра я заехал к сварщику на базу механизации на ул. Таганрогской, где был схвачен бойцами батальона «Азов». Во время задержания мне нанесли удар прикладом автомата по голове, потом надели мешок на голову, связали руки и на моей машине отвезли на место дислокации батальона – в аэропорт Мариуполя. По прибытии меня вытащили из машины, бросили около административного здания и начали избивать. Поскольку я был связан и лежал, били меня в основном ногами. Это продолжалось минут тридцать, потом меня потащили в подвал здания аэропорта.

В подвале я увидел сильно избитого человека, который не смог сообщить мне свое имя, так как не мог даже разговаривать. Около 20:00 меня подняли на допрос. Куда меня завели, сказать не могу, но из здания аэропорта меня не выводили. Могу сказать, что там был человек, одетый в гражданскую одежду, который и задавал вопросы. Вопрос, в принципе, был один: «Рассказывай!» Но пере-

agreement with the Security Service of Ukraine, which would cost me 11 000 USD.

Apart from it, the personnel of the Security Service of Ukraine were coming to me trying to incline me to cooperation with them. When they understood that it was impossible they started to coerce my family mentally. The personnel of the Security Service of Ukraine started summoning my father for interrogations and accused my sister of crime according to article 110 of the Criminal Code of Ukraine. Later my father passes away because of the mental coercion. And my sister is still involved in the trial.

I had been in the pretrial detention center till the measure of restraint was changed to house arrest by the court. They transferred me to the Security Service of Ukraine in Kharkov for the exchange on 30 October 2014. Next day, on 31 October, soldiers of the Donbass battalion transferred me to their base in Dnepropetrovsk. They put me into the basement where I spent 2 weeks. On 12 November 2014 I was exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine and was brought to Donetsk.”

Vitaly, a resident of Donetsk.

“I am a retired man, a person with disability of the 3d group. I had been living in Mariupol till August of 2014. After the coup in February of 2014 I supported the protest movement in Mariupol. I took part in organization of the campground in front of the building of the Mariupol Executive Committee. I took part in law enforcement and in organization of the referendum on the status of the Donetsk People’s Republic.

After the Armed Forces of Ukraine and the Azov battalion, the Dnepr-1 battalion, the Dnepr-2 battalion and the St. Maria battalion had entered Mariupol, I started to collect the information about locations of checkpoints, military parts and illegal armed formations and forwarded it to Donetsk.

I was captured by servicemen of the Azov battalion on the territory of the base of mechanization on Taganrogskaya street, when I came to see a welder there, on 12 August 2014 at about 9:00 AM. During the detention they hit my head with a rifle butt, put a bag on my head, shackled my hands with handcuffs and drove my car to the location of the Azov battalion in the Mariupol airport. When we arrived at the airport, they took me out of the car and threw me near the administrative building of the airport. A few people started to beat me. As I was shackled with handcuffs and was laying on the ground they were mainly

спросить, что именно рассказывать, я даже не успевал, поскольку меня сразу начинали бить с применением спецсредств – ПР-73 и еще какой-то самодельной дубины. После этого меня выволокли на улицу и посадили в «стакан» – место в машине для перевозки арестованных, рассчитанное на одного человека, где я пробыл до следующего допроса, примерно до 18:00 13 августа. Следует отметить, что находиться внутри было очень тяжело: машина стояла на солнце в сильную жару.

На новом допросе начали требовать имена других лиц, которые могли собирать сведения военного характера и передавать их в Донецк. При этом меня опять избивали, применяли электрошокер, предварительно облив меня водой, делали уколы какого-то вещества, после которых начиналась тахикардия, повышалось давление, бросало в жар, затуманивался рассудок, голова становилась ватной. Кроме того, после этих уколов у меня сильно крутило суставы.

Примерно в 24:00 меня вернули обратно в автозак, однако уже не в «стакан». В автозаке я находился с мужчиной по имени Максим, который оказался обычным гражданским человеком, не принимавшим участия в протестных движениях и не состоявшим ни в каких организациях.

На следующий день вечером меня опять забрали в допросную, разложили на полу крестообразно, один из военных начал мне на руке выжигать дорожку электрошоком. Далее мне сняли с головы мешок, накинули на лицо тряпку и начали лить на нее воду. Я начал задыхаться, при этом у меня, возможно, лопнул капилляр, поскольку в голове стрельнуло так, будто меня уколола сразу тысяча иголок. От болевого шока я смог скинуть двоих военных, которые держали меня за руки. После этого меня продолжили избивать. Вызвали врача, который сделал мне какой-то укол, дал таблетку и какую-то горькую жидкость. Этот допрос с избиением продолжался до 23:00, после чего меня вернули в автозак.

15 августа меня и Максима перевели в неработающую морозильную камеру без света и вентиляции с обитыми железом стенами, которая открывалась только снаружи. В туалет нас водили с мешками на головах, при этом пока вели по коридору, постоянно били прикладами.

16 августа меня опять отвели в допросную, где продолжили пытать, при этом приставляя пистолет к глазу и угрожая убийством. Постоянно били по голеностопу, угрожали отрезать ноги.

kicking me. The beating lasted for 30 minutes. They dragged me into the basement of the airport.

In the basement I saw a man who was beaten so badly that he could not tell me his name. He could not even speak. At about 10:00 AM I had been summoned for interrogation. I did not know where they brought me to, but it was inside the airport. There was a man in plain clothes who was asking questions. There was only one question, "Tell us!" I could not even ask what to tell them as they started to beat me right after the question. They used special devices for beating, such as truncheon PR-73 and another handmade truncheon. They dragged me outside and put me into a segregated prisoner compartment (a place in a car for a detainee's transfer for 1 person). I had been there till the next interrogation. It took place on 13 August 2014 at 6:00 PM. That car was near the airport building and stood in the hot sun, it was very tough to sit inside the car, as it was very hot outside.

During the next interrogation they demanded that I should tell them the names of the other people who could also collect some sort of military information and could forward it to Donetsk. At the same time they continued beating. They used a stun gun after they had poured some water on me. They injected me with some substance that caused tachycardia and raised my blood pressure. I was in fever, my judgments became clouded and I felt heaviness of my head. My joints became to ache after the injections. After the interrogation at about 12:00 AM they took me back to a prisoner transport vehicle, but not to the segregated prisoner compartment. In the prisoner transport vehicle I was staying together with Maksim, who was a civilian man and who had never taken part in any protest movements. He was not a member of any organization.

The next evening they took me to the interrogation room and put me on the floor crosswise. One of the soldiers started to burn a track on my hand by a stun gun. They removed the bag from my head, put a cloth on my face and started to pour water so that I started to suffocate.

I thought that I had got a burst capillary. The pain in my head was very sharp as if I was pricked by a thousand of needles at one. Because of the pain shock I threw two soldiers away from my hands. They continued beating me and called a doctor, who made an injection, gave me a pill and some bitter liquid. The interrogation with battery lasted till 11:00 PM. Then they brought me back to the prisoner transport vehicle. On 15 August 2014 they transferred Maksim and me to the non-operating cooling chamber without any source of light and without ventilation. The walls of the chamber were made of iron. And the cool-

У меня поднялось давление, поэтому меня притащили обратно в морозильную камеру и вызвали врача, который измерил мне давление (было выше двухсот) и сделал укол.

Замечу, что воду и еду нам давали, однако есть не хотелось, поскольку психологическое состояние было очень подавленное, плюс ко всему при избиваниях не есть было легче.

17 и 18 августа меня снова допрашивали и избивали. После допроса 18 августа меня связали и кинули в багажник автомобиля ВАЗ-21099. По направлению движения и поворотам автомобиля я понял, что меня везут в центр города, как я узнал позже, – в здание СБУ Мариуполя. Там меня достали из машины и облили водой. Связанного, меня отконвоировали в кабинет следователя В. В. Романенко, где предъявили обвинение в хранении и изготовлении оружия.

В районе 18:00 следователь позвонил помощнику судьи. О чем они говорили, я не знаю. После разговора помощник сказала: «Приходите, будем судить».

В этот же день, 18 августа, меня отвезли в суд, где избрали меру пресечения в виде ареста на два месяца, при этом адвоката мне никто не предоставлял. Потом повезли в больницу скорой помощи в сопровождении двух сотрудников СБУ, которые приказали ничего не говорить об избиваниях. Врач описал все побои, опись мне позже выслали по электронной почте. Из больницы меня перевезли в городской ИВС.

Утром 19 августа меня привезли в СИЗО, однако врач отказался меня принимать из-за очень серьезных повреждений, и мы вернулись обратно в ИВС. В течение трех дней меня пытались перевести в СИЗО. С помощью частных врачей сотрудники СБУ все-таки сделали мне документы, и примерно 21 августа меня перевели в СИЗО Мариуполя, где я пробыл дней десять.

Из СИЗО постоянно вывозили на допросы в СБУ, где я давал показания, о которых просили, поскольку опасался за свою жизнь. В первых числах сентября меня и еще порядка тридцати человек перевезли в СИЗО Запорожья. Там меня лично поместили в камеру с психически больными людьми, в ней я пробыл дней десять без каких-либо допросов и проведения иных следственных действий.

Примерно в середине сентября меня и еще нескольких человек вернули в СИЗО Мариуполя, при этом отобрали все медицинские документы. Перед переводом в СИЗО Запорожья нам устроили «проводы»: заставили пройти через строй охранников гусиным

ing chamber could be opened only outside. They were taking us to the toilet with the bags on our heads. While they were leading us along the corridor, they were constantly beating us by rifle butts.

On 16 August they brought me to the interrogation room again and continued torturing me. They placed a pistol against my eye and threaten to kill me. They were constantly beating my ankle and threatening to cut my legs off. After that torture my blood pressure raised. They took me back to the cooling chamber and called a doctor, who measured my blood pressure (it was higher than 200 mmHg) and made an injection.

They were giving us some food and drink but we did not want to eat because of prostration. Moreover it was easier not to eat having these beatings.

On 17 and 18 August I was interrogated and beaten again. After the interrogation on 18 August they tied me up and put into the trunk of the car model VAZ 21099. Judging by the direction and the turns I understood that they were driving towards the city center. As I got to know later they brought me to the Security Service of Ukraine in Mariupol. They took me out of the trunk and poured water on me. Right after that they brought me tied to the room of V.V. Romanenko, an investigator. I was accused of storing and producing arms.

At about 6:00 PM the investigator phoned a judge assistant. I did not know what they were speaking about, but in the end of the conversation the assistant said, "You can come and we will try."

The same day I was taken to the court where a measure of restraint in the form of 2 months' detention was selected. At the same time no attorney had been appointed to me. Then two servicemen of the Security Service of Ukraine brought me to the emergency hospital. They ordered me not to tell anything about battery. A doctor had detected all the injuries and sent the description to me by e-mail later. They transferred me from the hospital to the Mariupol temporary detention center.

On the morning of August 19 they brought me to the pretrial detention center, but the doctor refused to take me over because I had grievous bodily injuries. They took me back to the temporary detention center and had been trying to transfer me to the pretrial detention center for three days. Private doctors helped the personnel of the Security Service of Ukraine to make the necessary documents and on 21 August I was transferred to the Mariupol pretrial detention center, where I spent 10 days.

They were constantly taking me from the pretrial detention center to the office of the Security Service of Ukraine for interrogations where I

шагом, с руками, сомкнутыми на затылке, при этом каждый охранник наносил нам удары резиновой палкой.

В СИЗО Мариуполя я пробыл до 25 декабря. За это время меня периодически вызывали на допросы, продлевали сроки содержания под стражей. Медицинская помощь не оказывалась, хотя было достоверно известно, что я являюсь инвалидом третьей группы по контузии, полученной в Афганистане.

25 декабря меня доставили в суд, где отменили меру пресечения, после чего привезли в подвал СБУ. Там я находился в течение суток. 26 декабря примерно в три часа ночи меня и еще около ста человек вывели к автобусу, стянули руки пластиковыми стяжками, замотали глаза скотчем, посадили в автобус. Везли несколько часов (как я потом понял, через Запорожскую, Харьковскую, Днепропетровскую области) и где-то около Донецка на трассе обменяли на военнослужащих ВСУ.

После пребывания в плену я стал более раздражительным, появились повышенная утомляемость, чувство постоянного беспокойства по поводу возможного ареста в дальнейшем (мания преследования), боязнь замкнутого пространства, из-за которой не могу пройти МРТ головного мозга; мучают ночные кошмары.

Рассказывает Кристина, уроженка города Украинска (Донецкая область):

— До начала протестных движений на Юго-Востоке Украины я работала продавцом в Украинске. После государственного переворота в Киеве я поддержала протестное движение: принимала участие в мирных митингах, демонстрациях, ходила на голосование на референдум о признании независимости Донецкой Народной Республики. В дальнейшем, при появлении вооруженных сил Украины, я стала собирать о них сведения и передавать в Донецк, также занималась расклеиванием листовок в городе с призывом не подчиняться незаконной украинской власти.

7 декабря 2014 года в 15:00 в магазин, где я работала, зашли пять человек в гражданской одежде и сказали, что они из СБУ, забрали у меня сразу телефон, спросили, где мой паспорт. Я ответила, что он дома. Тогда меня привели домой, провели обыск, забрали флешнакопители, блокноты, телефонные книги; нашли листовку. При этом никаких документов на проведение обыска не показывали и протокол изъятых вещей не составляли, понятых также не приглашали.

was giving the evidence which they had been asking me to give, because I was afraid for my life.

In the beginning of September 2014 they transferred me and about 30 more people to the Zaporozhye pretrial detention center. They put me into a cell together with mentally ill people. I spent 10 days there without any interrogations or other investigative actions. In the middle of September they brought me and some other people back to the Mariupol pretrial detention center. They took away all the medical documents from me. Before the transfer to the Zaporozhye pretrial detention center they organized “seeing-off” for us. They forced all the detainees to put the hands on the back of their heads and to goose-step through the line of the security guards. At the same time every security guard hit each of us by a truncheon.

I stayed in the Mariupol pretrial detention center till 25 December 2014. They were constantly summoning me for interrogations and extended the terms of my detention. They did not provide me with any medical assistance despite the fact that I was a person with disability of the 3d group due to the battle fatigue that I had got in Afghanistan.

On 25 December 2014 they transferred me to the court where the measure of restraint was cancelled. Then they brought me to the basement of the Security Service of Ukraine where I spent 24 hours. On 26 December 2014 at about 3:00 AM they brought me and 100 more people into a bus, put plastic shackles on our hands, put some tape over our eyes and put us into the bus. We were riding for several hours through (as I could understand later) the Zaporozhye region, the Kharkov region and the Dnepropetrovsk region to be exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine.

After the captivity I became more irritable. I suffer from undue fatigability, continuous anxiety with regard to possibility of further arrest (delusion of persecution), nightmares and claustrophobia which prevents me from going through the procedure of the magnetic resonance imaging.”

Kristina, a native of Ukrainsk (the Donetsk region).

“Before the protest movements in the south-east of Ukraine I had been working as a shop-assistant in Ukrainsk. After the coup in Kiev I supported the protest movement: I took part in peaceful rallies and demonstrations, and took part in the referendum on recognition of Independence of the Donetsk People’s Republic. After the appearance of the Armed Forces of Ukraine I started to collect the informa-

После обыска мне надели мешок на голову, посадили в машину и увезли в неизвестном направлении. Ехали мы где-то часа два. Подъехали к зданию, меня вывели из машины и спустили в подвал, посадили на стул и приковали наручниками к трубе. Как я потом узнала, это была какая-то база СБУ в городе Краматорске.

Просидела я так около двух часов. Потом пришел человек в военной форме и балаклаве и стал кричать, чтобы я все ему рассказала и во всем призналась. Я не поняла, в чем мне было необходимо признаваться, и сказала ему об этом. Он взял автомат и произвел пару выстрелов у меня над головой, стал угрожать расстрелом, если я не признаюсь, оскорбил несколько раз и ушел. До утра меня никто не беспокоил.

Утром меня перевели в «стакан», помещение размером метр на полтора, где не было ни света, ни стула, на полу лежал кусок поролона. Находясь в этой комнате, я слышала, как в соседнем помещении допрашивали мужчин, их сильно избивали, они кричали от боли. В этой комнате я просидела до вечера 8 декабря или дня 9 декабря, точно сказать не могу. Потом пришли три человека в черной форме, перевели меня в другую комнату и начали допрашивать.

По вопросам, которые мне задавали, я поняла, что они владеют информацией о моей деятельности на территории Украинска и что у них есть все распечатки моих разговоров по телефону. Под их диктовку я написала пояснения о своей деятельности. Они говорили, что если я это все напишу, меня отпустят домой.

После допроса меня опять отвели в «стакан». На следующий день пришли двое других военных, которые тоже были в балаклавах, но в военной форме песочного цвета. Общались они со мной на украинском языке, так как им было тяжело говорить на русском. При этом они снимали все на камеру. Потом меня перевели в другую комнату, где приковали наручниками к батарее отопления.

Утром 11 декабря мне надели на голову мешок, посадили в машину и увезли в СБУ города Харькова. Там меня бросили в камеру, где уже было человек шесть. В этой камере я находилась два с половиной месяца. За это время меня один раз, 23 декабря, выводили на допрос – со слов охранников, к следователю. Человек в гражданской одежде предложил мне подписать документ о сотрудничестве с гарантией моего освобождения, что я и сделала.

tion about them and to forward it to Donetsk. I was also distributing within the town the leaflets which called not to obey the illegal Ukrainian authorities.

On 7 December 2014 at 3:00 PM five men in plain clothes entered that shop where I had been working and introduced themselves as officers of the Security Service of Ukraine. They immediately took my phone away from me and asked where my passport was. I said that it was at home. They took me home, searched my flat, took away flash drives, notebooks, phone books and found a leaflet. At the same time no documents that would validate the search were shown. They did not write a protocol on the withdrawal of the above-mentioned items. No attesting witness was present.

After the search they put a bag on my head, put me into the car and drove in an unknown direction. We were riding for two hours or so. When we had arrived they took me out of car and brought me into a basement, sat me on a chair and shackled me to the pipe. As I got to know later, it was the base of the Security Service of Ukraine in Kramatorsk. I had been sitting like that for two hours when a man in a military uniform and a balaclava came to me and started to shout that I should tell him all the truth and confess it all.

I did not understand what I should tell him and told him about that. He took the rifle and fired two shots over my head. He started to threaten to shoot me if I did not confess. He insulted me several times and walked away. Nobody bothered me till the morning.

In the morning they brought me into a segregated prisoner compartment (a 1m by 1,5 m room) without any source of light. There was no chair in the room, but there was a piece of foam-rubber on the floor. When I was in the room I could hear the men who were interrogated in the next room, they were beaten badly and they were shrieking with pain. I had been sitting in that room till the evening of 8 or 9 December (I could not tell exactly) when three men in black uniforms transferred me to another room and started to interrogate.

Judging by the questions that they asked me I understood that they had information about my actions on the territory of Ukrainsk and that they have a list of all my phone calls. I wrote explanation on my activities at their dictation. They said that if I wrote that all they would release me. After the interrogation they brought me again into the segregated prisoner compartment. Next day two other officers in balaclavas and uniforms of sand color came. They were speaking Ukrainian with me, as it was hard for them to speak Russian. At the same time they were shoot-

21 февраля 2015 года меня и еще двадцать семь человек вывели во двор СБУ, посадили в автобус и повезли в сторону Луганска для обмена. Ночью 22 февраля в районе города Северодонецка был произведен обмен.

Рассказывает Иван, уроженец города Донецка:

– До переворота я работал в Донецке слесарем. Активно участвовал в митингах. После одесской трагедии 2 мая 2014 года и событий 22 июня 2014 года в Донецке пошел по идейным соображениям добровольцем в батальон «Кальмиус» артиллеристом.

4 сентября 2014 года в ходе боя за аэропорт Донецка я был контужен и попал в плен в составе группы из шести человек. В ходе пленения на голову мне надели мешок, связали руки и бросили в БТР. После этого нас привезли в здание аэропорта. Стали спрашивать, кто старший. Никто не признавался. Украинские военные посчитали, что старший я, и прострелили мне ногу из автомата Калашникова. После этого наш комбат сказал, что старший он, и его стали избивать: я услышал звуки ударов и его стоны. Меня тоже били – прикладами автоматов и ногами. В момент нахождения в аэропорту я слышал польскую речь, видимо, переговаривались между собой иностранные военные.

В аэропорту мы пробыли один день, вечером нас погрузили в машину – как я понял из разговоров украинских военных, в джип «Хаммер». После этого нас повезли в Краматорск на аэродром. Там мы пробыли две ночи, примерно до 7 сентября. В Краматорске нас очень сильно пытали: топили, закапывали, имитировали расстрелы, пытались использовать пленных в качестве живых мишеней, натравливали собак, били по пяткам палками, прикладами и ногами по ребрам и голове, подносили к ушам включенные болгарки. Меня также пытали водой: один из солдат садился на живот, второй заливал воду мне в рот через тряпку. На протяжении всего времени пыток моя голова была в мешке, но я очень хорошо запомнил, что везде стоял трупный запах.

По разговорам военных я понял, что нас пытали представители националистических батальонов. За время пыток мне сломали ребра, отбили копчик, выбили все зубы. В Краматорске нас не кормили. Пытал нас военный с позывным Коллиматор, который, судя по разговорам украинских военных, являлся одним из командиров. Лица его я не видел, запомнил только голос.

ing a video. They transferred me into another room. There was a heating radiator in the room, so they shackled me to it.

On the morning of December 11 they put me with the bag on my head into a car and brought me to the Security Service of Ukraine in Kharkov. They put me into the cell, where there were 6 more people. I spent two and a half months in that cell. During my detention they summoned me to an investigator (from the security guard's words he was an investigator) for interrogation only once. That was on 23 December 2014. A man in plain clothes suggested that I should sign the agreement on cooperation. He guaranteed my release, so I signed that.

On 21 February 2015 they took me and 27 more people into the yard of the Security Service of Ukraine. They put us into a bus and drove towards Lugansk for the exchange. On 22 February at night they exchanged us near Severodonetsk.”

Ivan, a resident of Donetsk.

“Before the coup in Kiev I worked as a locksmith in Donetsk. I took an active part in rallies. After the Odessa tragedy on 2 May 2014 and the events happened on 22 June 2014 in Donetsk I joined the Kalmius battalion as an artilleryman voluntarily, for ideological reasons.

On 4 September I was captured during the battle for the Donetsk airport. I was contused. I was among the group of six people who were captured. During the detention they put a bag on my head, put me in handcuffs and put me into an armoured personnel carrier. They took us to the airport building. They asked who the senior was. Nobody confessed and the Ukrainian soldiers decided that I was the senior and shot at my leg from the AK. After that the commander of our battalion confessed that he was the senior. They started to beat him and I could hear the blows and his moans. I also was kicked and beaten by rifle butts. When I was in the airport I could hear the Poles speaking. Apparently, the foreign servicemen were speaking to each other.

We spent 1 day at the airport. In the evening they put us into a vehicle. As I understood from the talks of the Ukrainian soldiers, that was a Hummer. They brought us to the Kramatorsk airdrome. We spent two nights there and had been staying there till 7 September. In Kramatorsk we were severely tortured. They were drowning us, burying us, imitating execution, were trying to use captives as the live targets, they were setting the dogs on us, they were beating our heels with sticks, they were kicking and beating us in our ribs and heads with the butts of rifle. They were placing operating angle grinders near our ears. I was also tortured

7 сентября 2014 года нас повезли в полтавское СБУ, затащили в подвал и там опять избили. В Полтаву нас перевозили уже вдесятером: до переезда к нам добавили четверых гражданских, работников Донецкой ОГА. В полтавском СБУ мы пробыли четыре-пять дней. Каждый день нас водили на допросы, где пытались вменить, что мы расстреливали мирных жителей Донецка из артиллерии. Во время допросов не били. В СБУ нам всем предоставили адвокатов, мне досталась адвокат-полька, которая плохо говорила порусски. Работала она формально, реальной защиты не предоставляла. Протокол о задержании на меня составили 7 сентября, на три дня позже даты реального задержания.

9 сентября мне предъявили обвинение по статье 258-3 УК Украины, после чего отправили в ИВС, где я пробыл одну ночь. Там сотрудники ИВС давили на меня психологически и избивали. Ни в полтавском СБУ, ни ранее в Краматорске медицинской помощи я не получал. С нами был гражданский, у которого был сахарный диабет, ему также помощи оказано не было.

Рано утром 10 сентября нас отвезли в СИЗО Полтавы, 11 сентября повезли в Харьков на обмен. Там нас сутки содержали в каком-то тюремном здании, а 12 сентября обменяли в Константиновке.

Первое время после освобождения меня мучили ночные кошмары, несколько суток не мог спать.

Рассказывает Максим, уроженец города Донецка:

– На момент государственного переворота на Украине я работал в охране аэропорта Донецка. Изначально я был против Майдана, никогда его не поддерживал. Когда все началось в Донецке, встречался с людьми, которым симпатизировал, помогал обеспечивать проведение референдума в Авдеевке. Когда начали стрелять в аэропорту, остался без работы, уехал в Волновихский район к родителям.

Находясь в Волновихском районе, я начал передавать ребятам информацию о передвижении и местах дислокации ВСУ. Был задержан украинскими силовиками 17 января 2015 года. Они заехали ко мне в дом, избили, сломали нос. Это были либо представители «Правого сектора», либо бойцы батальона «Киев-2», точно сказать не могу. Мое задержание происходило в присутствии внучки, которой на тот момент было девять лет. Когда в дом зашли

by water. One of the soldiers sat on my stomach while another one was pouring water through the cloth into my mouth. I was wearing the bag on my head during the torture. I remembered that putrid smell. As I got from the talks of the soldiers, we were tortured by representatives of the nationalist battalions. The torture resulted in my broken ribs, my damaged coccyx and the loss of all of my teeth. They did not give us any food in Kramatorsk. We were tortured by the person with the code name “Collimator”, who was one of the commanders, according to the Ukrainian soldiers. I have not seen his face, but I remember his voice.

On 7 September 2014, after the torture, they brought us to the Security Service of Ukraine in Poltava. They put us into the basement and beat us again. Four more civilian captives who had been working in the Donetsk Regional State Administration joined us before the transfer to Poltava. So, we arrived in Poltava in the group of ten people. We spent 4 or 5 days at the Security Service of Ukraine in Poltava. Every day they summoned us for interrogations. They tried to force us to admit the alleged crimes of artillery shooting at civilians of Donetsk. They were not beating us during the interrogations. In the Security Service of Ukraine they appointed attorneys to all of us. They appointed a Pole-attorney to me, who could not speak Russian well. Her work was rather fictitious and she did not perform her function of the defense. The protocol on my detention was written on 7 September, that was three days later the actual date of detention.

On 9 September they accused me of crime according to Article 258-3 of the Criminal Code of Ukraine. They had sent me to the temporary detention center, where I spent a night. Personnel of the temporary detention center were coercing me mentally and were beating me. I was provided with no medical aid either in the Poltava Security Service of Ukraine or in Kramatorsk. There was a civilian with us who suffered from diabetes mellitus. They did not provide him with any medical aid either.

Early on the morning of September 10 they transferred us from the temporary detention center to the Poltava pretrial detention center. On 11 September they took us for the exchange to Kharkov. We were kept in some prison there. On 12 September they exchanged us in Konstantinovka.

After the captivity I suffered from the nightmares and could not sleep for a few nights and days.”

Maksim, a resident of Donetsk.

“When the coup took place in Ukraine I had been working at the security of the Donetsk airport. From the very beginning I was against the

сотрудники СБУ, один из солдат сказал, что никто меня не бил, я ударился сам об печку.

После задержания примерно двое суток я провел в Волновахе, скорее всего, в отделении милиции. На меня надели шапку, голову обмотали скотчем. В милиции меня очень сильно били, в основном по голове. Били ногами, руками, несколько раз я терял сознание. После избиений меня поместили в камеру. Допросы проходили каждый день, и каждый раз их проводили разные люди; на меня пытались повесить расстрел автобуса под Волновахой, который произошел 13 января 2015 года. 20 января меня перевезли в СБУ города Мариуполя.

В СБУ Мариуполя состоялся новый допрос, после которого меня отвезли в суд, где составили протокол задержания от 19 января (на двое суток позже официального задержания). В суде меня осудили на два месяца предварительного заключения по части 3 статьи 258 УК Украины, после чего перевезли в СИЗО города Каменска (под Мариуполем).

Адвоката мне предоставили перед судом. Хочу отметить, что он действительно пытался меня защищать: подавал запросы на проведение судебно-медицинской экспертизы, на пересмотр статьи, по которой мне было вынесено обвинение. Однако по всем запросам адвоката был получен отказ.

Пока я находился в СИЗО, медицинская помощь мне не предоставлялась. Один раз приходил врач и мерил давление.

В СИЗО Каменска я провел месяц, после этого был суд, где с меня сняли обвинения, предъявленные при предварительном заключении. Сразу после суда мне надели на голову шапку, замотали голову скотчем, на руки надели наручники и увезли из Каменска. Везли долго, в итоге доставили в СБУ города Харькова. Там я провел двое или трое суток. 21 февраля 2015 года меня обменяли.

Рассказывает Андрей, житель города Тореза:

– До переворота в Киеве, который состоялся в феврале 2014 года, я работал в Торезе, а также учился на заочном отделении университета в Киеве. Во время киевского Майдана принимал активное участие в движении «Антимайдан» в Киеве. В 20-х числах февраля 2014 года вернулся домой в Торез и занялся частным извозом.

В мае 2014 года, после ввода на территорию Донецкой области украинских войск, я записался в ополчение и убыл на линию

Maidan and never supported it. After the rallies had started in Donetsk I met some like-minded people, whom I helped to hold the referendum in Avdeevka. When the Ukrainian Armed Forces started shooting at the airport I lost my job and moved to my parents' place in the Volnovakha district.

During my stay in the Volnovakha district I collected the information about the movement and the location of the Armed Forces of Ukraine. I was detained on 17 January 2015. They broke into my house, beat me and broke my nose. I did not know exactly if those people were representatives of the Right Sector battalion or of the Kiev-2 battalion. I was captured in my grand-daughter's presence, who was a nine year old girl. When servicemen of the Security Service of Ukraine entered the house, the soldier who had captured me said that nobody had beaten me and I had hit myself against the stove.

After the detention I spent two days in Volnovakha, most probably in the police station. They put a cap and adhesive tape over my head. They were severely beating me, especially in my head, at the police station. They were kicking and pummeling me. I lost my consciousness several times. After the beating they put me into a cell. They were interrogating me every day. And every day new people were holding these interrogations. During the interrogations they tried to force me to admit the alleged crimes of shooting at the bus, which took place on 13 of January 2015. On 20 January they transferred me to the Security Service of Ukraine in Mariupol.

At the Security Service of Ukraine they summoned me for another interrogation and took me to the court, where they wrote a protocol on my detention as of 19 January 2015 (two days later the actual detention). They sentenced me to 2 months' preliminary detention according to Article 258, Part 3 of the Criminal Code of Ukraine. After that they transferred me to the Kamensk pretrial detention center (near Mariupol). They appointed an attorney to me right before the trial. He really tried to defend me: he inquired the forensic medical examination for me, and required the review of the Article according to which I was accused of crime. But all the inquiries were rejected.

When I was in the pretrial detention center no medical aid was provided to me. A doctor came and measured my blood pressure only once.

I spent 1 month in the Kamensk pretrial detention center. Then another trial took place and all the charges that had been brought against me at the preliminary detention were dropped. Right after the trial they put the cap and adhesive tape over my head, handcuffed me and took me

соприкосновения. Когда оставили Славянск (4–5 июля 2014 года), я вернулся в Торез и вновь отправился на линию соприкосновения в районе Саур-Могилы, где и попал в плен при следующих обстоятельствах.

6 августа 2014 года во время боестолкновения я был ранен в ногу осколком мины, после чего потерял сознание, очнулся уже в плену с пакетом на голове. В расположении украинского воинского подразделения, которое меня захватило, находился примерно сутки. Медицинскую помощь мне не оказывали, издевались, избивали, вдавливали осколок, торчавший из ноги, обратно в ногу (в кость), угрожали передать бойцам «Правого сектора», а также расстрелять.

После этого меня и еще нескольких человек со связанными руками и пакетами на головах погрузили в микроавтобус и, как я потом узнал, повезли в СБУ города Чернигова. При передаче сотрудникам СБУ меня поставили на колени и специально нанесли удар ногой в область ребер, в результате чего два ребра были сломаны.

Затем меня подняли на второй этаж здания СБУ, где сняли пакет и пригласили медсестру, которая уколола мне антишоковое и обезболивающее средство, а также вытащила осколок из ноги. Однако зашить рану ей не дали, сказав: «С него хватит», – несмотря на то что медсестра настаивала на транспортировке меня в больницу.

После того как медсестра ушла, сотрудники СБУ стали меня допрашивать, записывая все это на видеокамеру. Допросы длились больше суток, меня периодически переводили из одного кабинета в другой. Между допросами я спал прямо на полу в кабинете под присмотром сотрудников СБУ.

8 августа 2014 года примерно в восемь утра меня перевели в следственный кабинет, где находились двое помятых и, как мне сказали, адвокат, в присутствии которых составили протокол о моем задержании. Замечу, что адвокат в меру своих возможностей пытался оказать мне правовую помощь на надлежащем уровне.

После составления протокола меня отвезли в больницу, где врач, не проведя даже визуального осмотра, подписал документы, что я здоров, хотя я был ранен в ногу и не мог на ней стоять. Потом меня отвезли в суд, где избрали меру пресечения в виде лишения свободы сроком на два месяца по части 1 статьи 258 УК

away from Kamensk. The ride took quite a long time. Finally we reached the Security Service of Ukraine in Kharkov. I spent two or three days there. On 21 February 2015 I was exchanged.”

Andrey, a resident of Torez.

“Before the coup in Kiev in February 2014 I had been working in Torez and had been studying distantly at a University in Kiev. During the Maidan in Kiev I took an active part in Anti-Maidan movements in Kiev. After 20 February 2014 I returned home to Torez and started private transportation.

In May 2014, after the Armed Forces of Ukraine had entered the Donetsk Region, I joined the militia and departed for the line of contact. After the Armed Forces of Ukraine had captured Slaviansk (on 4-5 July 2015) I came back to Torez. Then I departed again for the line of contact near Saur-Mogila where I was captured under the following circumstances.

A fragment of mine struck my leg during the battle on 6 August 2014. I lost consciousness. When I regained it I was wearing a bag on my head as I had been captured. I spent about 24 hours at the Ukrainian military unit. No medical assistance was provided to me. They were mocking at me, beating me, were pressing down the mine fragment (that struck me and was in my leg) into the leg (into the bone). They threatened to hand me over to the Right Sector battalion and to shoot me.

They had put me and some other captives with the bags on the heads and with handcuffs on the hands into a van and had taken us to the Security Service of Ukraine in Chernigov, as I got to know later. While I was handed over to the Security Service of Ukraine in Chernigov they made me kneel down and kicked me in my ribs. As a result, two ribs were fractured. They took me to the first floor of the building of the Security Service of Ukraine, removed the bag from my head and called a nurse, who injected me with anesthetic and anti-shock medicine and took the mine fragment out of my leg. They did not let her sew up my wound. They said that it was enough for me despite the fact that the nurse insisted on transferring me to a hospital. After the nurse left the room the servicemen of the Security Service of Ukraine started to interrogate me while shooting a video. The interrogations lasted for more than 24 hours and they were taking me from one room to another. Between the interrogations I was taking a nap right on the floor in the room under the eyes of the servicemen of the Security Service of Ukraine.

On 8 August 2014 at about 8:00 AM I was transferred to an interrogation room where there were two attesting witnesses. As they said, an

Украины. После суда меня отвезли в СИЗО, где я находился два месяца.

4 октября мне продлили арест на два месяца – до 4 декабря. С 4 декабря арест был продлен еще раз, до 4 февраля 2015 года. За это время меня один раз вызывали на допрос, я был ознакомлен с материалами уголовного дела. Все жалобы и заявления адвоката были отклонены судом апелляционной инстанции. В ноябре 2014 года мое дело было направлено в суд города Славянска.

12 марта 2015 года я был осужден по части 2 статьи 260 УК Украины и приговорен к пяти годам лишения свободы. После суда меня доставили в СБУ города Харькова, где я находился еще два месяца, до 27 мая. За время нахождения там я периодически подвергался избиениям и издевательствам со стороны сотрудников СБУ. Это заключалось в следующем: сотрудники СБУ открывали смотровое окно камеры, засовывали туда автомат, передергивали затвор и говорили, что будут расстреливать всех, находящихся в камере; постоянно оскорбляли; из камер не выводили, прогулок не было; в баню выводили один раз в три недели. Провинившихся заводили в душевую и избивали. В СБУ Харькова я был избит, после освобождения у меня был диагностирован ушиб спинного мозга. Непосредственно в СБУ Харькова медицинской помощи мне никто не оказывал.

27 мая 2015 года около 7:00 меня и еще нескольких человек посадили в автобус и повезли в сторону Красноармейска-Марьинки, где был произведен обмен.

Рассказывает Евгения, жительница города Донецка:

– В период Майдана в Киеве, с 30 ноября 2013 года по 21 февраля 2014 года, а также после смены власти на Украине я была домохозяйкой, ухаживала за малолетним сыном, ни в каких политических акциях участия не принимала. В мае 2014 года через село Преображенку (Ореховский район Запорожской области), где я тогда проживала, в сторону Донецка начала проходить военная техника. Я сообщала об этом в Донецк по телефону горячей линии, который увидела по телевизору (там была бегущая строка с просьбой сообщать о появлении военной техники по указанному номеру телефона). Кроме того, дежурившая там девочка по имени Оксана дала мне номер своего личного телефона, по которому мы иногда созванивались и общались на разные темы.

attorney was also present there. A protocol on my detention was written in their presence. The attorney tried to fulfill his responsibilities of defense properly.

After the protocol they had transferred me to the hospital where a doctor signed all the documents proving that I had no disease without visual medical examination despite that fact that I had a wound on my leg and I could not stand on it. They took me to the court where a measure of restraint in the form of 2 months' detention was selected according to Article 258, Part 1 of the Criminal Code of Ukraine. After the trial I had been taken to the pretrial detention center where I spent two months.

On 4 October 2014 my detention was extended by two months till 4 December 2015. During that time they summoned me for interrogation once. That time I got acquainted with the materials of my criminal case. All the complaints and written requests of the attorney were rejected by the court of appeal instance. In November 2014 my case was forwarded to the Court of the City of Slaviansk.

On 12 March 2015 according to Article 260 Part 2 of the Criminal Code of Ukraine I was sentenced to 5 years' detention. After the trial I had been delivered to the Security Service of Ukraine in Kharkov where I had spent two more months. I had been there till 27 May 2015. During my stay there servicemen of the Security Service of Ukraine were beating me and mocking at me including the following actions: the servicemen of the Security Service of Ukraine were opening inspection windows of the cells, placed a rifle into it, racked the slide and were saying that they would shoot all of those in the cell; they were constantly insulting us; they were not taking us out of the cells for a walk; they were taking us to the bathhouse only once in three weeks. Those who were guilty in something were taken to a shower room and were beaten there. In the Security Service of Ukraine in Kharkov I was beaten up. After the release I was diagnosed with a spinal cord contusion. In the Security Service of Ukraine Kharkov nobody provided me with medical aid.

On 27 May 2015 at about 7:00 AM they put me and some other people into a bus and drove towards Krasnoarmeysk and Marinka where we were exchanged.”

Evgeniya, a resident of Donetsk.

“During the Maidan that had been held in Kiev from 30 November 2013 till 21 February 2014 and after the change of power I had been a housewife, I took care of my small son and did not participate in any political actions.

6 ноября 2014 года ко мне в дом пришли военные в балаклавах, произвели обыск помещений и хозяйственных построек – искали оружие. Никаких документов на проведение обыска они не предоставляли и сами не представлялись. Забрали мои телефоны, устроили допрос моему малолетнему сыну, сказали, чтобы я собиралась и шла вместе с ними. Я отвела сына к соседям, села в их машину. Мне надели мешок на голову, на руки – наручники и отвезли в Волноваху.

В Волновахе меня отвели в подвал, который находился в здании около железнодорожного вокзала (я слышала звуки закрывающихся дверей ж/д вагонов). Потом ко мне зашли четыре человека и сказали, что если я не буду говорить на камеру то, что им надо, моего мужа и ребенка отдадут бойцам «Правого сектора», которые запытают их до смерти. При этом они произвели несколько выстрелов из автомата над моей головой.

Затем меня подняли в кабинет, где была камера, и на камеру я произнесла обвинительный текст в отношении моих соседей о том, что они сотрудничают с ДНР. Потом меня опять опустили в подвал, но чуть позже завели в кабинет и сказали подписать какую-то бумагу, при этом предупредив, что если я откажусь, то в мой дом, где находятся мои муж и ребенок, влетит граната. Документа я не видела, они направили мою руку в нужное место, и я подписала. Перед подписанием документа меня ударили по голове.

Утром 7 ноября мне надели наручники, мешок на голову и повезли в СБУ города Мариуполя. Мы подъехали к СБУ и очень долго стояли перед ним, так как на меня не были оформлены какие-то документы. Я попросила сопровождавших лиц отвести меня в туалет, после этого один из них ударил меня в область сердца. Тем не менее с меня сняли мешок, завезли на территорию СБУ, после чего опять вывели. При этом я увидела рядом со зданием СБУ, около гостиницы, сотрудников ООН, Красного Креста, ОБСЕ, которые пили кофе. Чтобы сотрудники международных миссий не увидели на мне мешок, на меня не стали его надевать, а наручники на моих руках прикрыли вещами.

Около 20:00 того же дня меня отвели в подвал СБУ в помещение тира, потом – к следователю Величко, который составил протокол моего задержания и в присутствии понятых, одна из которых была несовершеннолетней, заставил меня подписать этот протокол. Потом отвели в подвал, после чего отвезли в ИВС, но периодически перевозили опять в подвал СБУ.

In May 2014 weapons and military equipment were transferred via Preobrazhenka village (the Orekhov district of the Zaporozhye region), where I was living, towards Donetsk. I called the hot line to inform about that fact. (When I was watching TV I saw the creeping line with the request to call the hot line in case of appearance of the weapons and military equipment). Moreover, Oksana, an operator of the hotline gave me her personal phone number. We used to call each other and have conversations on various subjects.

On 6 November 2014 servicemen in balaclavas entered my house and searched the messuage. They were looking for weapons. They provided me with no documents validating the search and they did not introduce themselves. They took away my phones and interrogated my small son. They told me to get ready and go with them. I brought my son to my neighbors and sat in their car. They put a bag on my head and shackled me with and brought me to Volnovakha.

In Volnovakha they put me into the basement which was in the building near a railway station. I understood that because I could hear the noise caused by closing doors of the wagons. Four men came to me and said that if I did not say what they would tell me in front of the camera, they would hand my husband and son over to the Right Sector battalion, which would torture them to death. At the same time they fired some shots over my head.

They took me to a room where the camera was and in front of the camera I was accusing my neighbors of cooperation with the Donetsk People's Republic. They had put me into the basement again and somewhat later took me to the room where I was asked to sign some documents. At the same time they told me that if I did not sign those, a grenade would be fired into my house where my husband and son were staying. I did not see the document, they directed me where I should put my signature.

On the morning of November 7 they put a bag on my head and took me to the Security Service of Ukraine in Mariupol. We approached the Security Service of Ukraine and were waiting for quite a lot of time in front of the building because the documents for me had not been issued. I asked the attendants to take me to the toilet and one of them hit me in my heart. Nevertheless they removed the bag from my head and brought me to the territory of the Security Service of Ukraine and then led out from it. At the same time I saw personnel of the UN, the Red Cross, the CSCE drinking coffee near the hotel which was near the building of the Security Service of Ukraine. In order to prevent the personnel of the in-

10 ноября меня доставили в суд, где уже присутствовала адвокат Е. С. Царева, которая отказалась со мной общаться, просто посидела в зале суда, пока мне избирали меру пресечения в виде взятия под стражу на тридцать суток. Потом меня отвезли в СИЗО, где я находилась до 4 декабря, когда мне изменили меру пресечения с ареста на личное обязательство.

В этот же день меня отправили в СБУ города Харькова, где я пробыла до 26 декабря 2014 года, то есть до момента моего обмена.

Рассказывает Дмитрий, уроженец города Макеевки:

– До войны в Донбассе я занимался промышленным альпинизмом. После начала боевых действий записался добровольцем в ополчение, проходил службу в специальном батальоне «8-я рота». 10 августа 2014 года участвовал в бою, который проходил за Иловайском, в районе насыпи (там строился мост). Все описанное происходило до Иловайского котла.

В ходе боя на насыпи вызвал огонь противника на себя, в результате чего был контужен прямым попаданием снарядов АГС. Очнулся на насыпи, попытался снять разгрузку и достать аптечку, но не смог этого сделать, поскольку был серьезно ранен в голову. Левую руку разорвало, правая не слушалась. Когда я очнулся, то увидел рядом с собой мертвого солдата противника, предположительно иностранца. После прихода в сознание долго не мог понять, что происходит, окружающие звуки практически не различал.

Через некоторое время на насыпи появились солдаты противника, иностранцы, вооруженные винтовками М-16, на шевронах – черный след какого-то животного (собаки или волка). Было видно, что это не рядовые солдаты, а профессионалы. Они прошли по насыпи, осмотрели место боя, подошли ко мне и забрали сумку с документами (находилась при мне). Один из солдат взял меня за ногу и потащил вниз с насыпи. Ташил меня до дороги, больше пятидесяти метров. После того, как дотащили до дороги, меня побили, затем бросили в джип.

После этого меня отвезли в противоположную от Иловайска сторону, возможно, в Кутейниково. Там наложили шину на левую руку и отвезли в госпиталь, где без наркоза зашили руку и голову. На следующий день я был допрошен с применением пыток, но

ternational organizations from seeing me with the bag on my head they had not put it on and they were covering the handcuffs by things.

At about 10:00 PM they brought me into the rifle range located in the basement of the building of the Security Service of Ukraine. After that they took me to the investigator Velichko, who wrote a protocol on my detention. He made me sign it in the presence of attesting witnesses, one of which was underage. Then they brought me back in the basement and after that took to the temporary detention center. From time to time they were taking me to the basement of the Security Service of Ukraine.

On 10 November 2014 I was delivered to the court, where E.S. Tsareva, my attorney, was present. She refused to communicate with me. She was just seating in the courtroom. The courts selected a measure of restraint in the form of 30 days' detention. Then I was brought to the pretrial detention center. I had been there till 4 December 2014 when the measure of restraint was changed to personal commitment. The same day I was taken to the Security Service of Ukraine in Kharkov. I had been there till 26 December 2014 when I was exchanged.”

Dmitry, a resident of Makeevka.

“I had been dealing with the industrial mountaineering before the war in Donbass started. When the military operations had started I joined the militia and served in the 8th Separate Mobile Brigade. I took part in a battle near Ilovaysk on 10 August 2014. The battle took place near the mound where the bridge had been built. The above-mentioned actions had been taking place before the Ilovaysk Kettle.

During the battle near the mound I had drawn the enemy's fire and was wounded by a direct hit from the automatic grenade launcher. When I regained consciousness I tried to take off my load bearing vest to get the first aid kit but I could not as I had been badly wounded in my head.

My left hand was badly injured while my right hand did not obey me. When I regained consciousness I saw a dead enemy soldier next to me. I supposed he was a foreigner. When I regained consciousness I could not understand what was going on for quite a long time and could hardly distinguish sounds.

After a while the enemy servicemen came to the mound. Those people were foreigners armed with the M-16 rifles. There was the black footprint of an animal (a dog or a wolf) on their chevrons. The servicemen were obviously professionals, not just ordinary soldiers. They went along the mound, looked over the battlefield, came to me and took away my

говорить я не мог. При допросе пытали электрошокером, жгли пальцы на ногах, остро заточенной ложкой зацепляли нервы на груди. Причиненные во время допроса повреждения зафиксированы не были.

После этого меня бросили в яму. Там уже сидел солдат, украинец, которого посадили за то, что отказывался воевать. Ночью, пока я лежал в яме, был сильный озноб (поднялась температура), мне поставили капельницу прямо в яме. Затем зачем-то облили спиртом и завернули в пленку.

Всего в яме я провел сутки. Затем меня достали и повезли в какой-то другой населенный пункт. До него ехали долго, видимо, через Мариуполь (часть пути ехали по дороге из плит). Когда добрались до места, я увидел бараки и украинских десантников. Там я находился два дня. За это время был избит одним из украинских солдат за то, что «посмотрел на него вызывающе». Поскольку есть и пить самостоятельно не мог, меня кормили и поили другие пленные.

Через два дня меня перевезли на новое место, там был врач, который оказал мне медицинскую помощь. Меня положили в госпиталь, где за мной ухаживали, в принципе, делали это хорошо. Сколько всего пролежал на новом месте – не помню, потерял счет дням. В госпитале привели в порядок, отдали часы и отправили на обмен. Меняли поздно ночью меня и еще шестерых человек. Обменяли еще до всех официальных обменов. Паспорт остался на Украине, документы не вернули.

После ранения заново учился говорить, ходить, владеть собственным телом. До сих пор разрабатываю руки, говорю с трудом.

Рассказывает Ренат, уроженец города Харькова:

– До 22 февраля 2014 года я занимался частным бизнесом (ремонт квартир, установка сигнализации и прочее). 22 февраля в Харьков приехали первые украинские националисты, после этого я начал принимать активное участие в сопротивлении. В основном работал как журналист, но в то же время старался связывать людей из сопротивления между собой, помогал материально. Участвовал в сопротивлении как волонтер.

Утром 16 ноября ко мне домой ворвались шестеро человек (трое из СБУ в гражданском, трое в балаклавах, предположительно из группы «Альфа»). Задержали меня и родного брата, кото-

bag with the documents. One of the soldiers took my leg and dragged me downwards to the road from the mound. It was more than 50 meters to the road. When I had been dragged to the road I was beaten and thrown into a jeep.

They took me to opposite direction from Ilovaysk - probably, towards Kuteynikivo. They fixed a splint to my left hand and transferred me to the hospital where they sewed up the wounds on my hand and head without anesthesia. Next day they interrogated and tortured me but I could not speak. During the interrogation they were using a stun gun, were burning my toes and were hooking nerves on my chest with a sharpened spoon.

They threw me in a pit. There was a Ukrainian soldier in the pit. They put him in the pit for refusing to fight. When I was in the pit I had a very high fever at night. I was put on a drip right in the pit. Then they poured alcohol over me for some reason and wrapped me in the film.

I had spent 24 hours in the pit before I was taken out and transferred to another settlement. The ride took quite a long time. We probably were going via Mariupol (a part of the road was made of slabs). When we arrived I saw Ukrainian paratroopers and barracks. I had spent two days there. I was beaten by a Ukrainian soldier because "I had been boldly staring at him". As I could not eat and drink without assistance, other captives were helping me.

In two days they brought me to a new place, where a doctor provided me with medical aid. They put me in the hospital, where I got good treatment. I had no idea how many days I had spent there as I lost track of the days.

They had cured me, gave me my watch back and sent for the prisoner swap. They swapped me and 6 people more before the official swap. I was not given my passport and other documents back, they were left in Ukraine.

After the battle fatigue I was learning to speak, to walk and to control my body again. I am still trying to increase strength and flexibility in my hands. I can hardly speak."

Renat, a resident of Kharkov.

"I had been running a business (I had been dealing with flat renovation, alarm installation, etc.) till 22 February 2014 when first Ukrainian nationalists come to Kharkov and I joined opposition. I was participating in these events as a journalist. At the same time I tried to connect the people from the opposition. I provided financial aid to the opposition

рый не имел никакого отношения к движению (позднее его отпустили).

После задержания меня сразу отвезли в СБУ города Харькова. С самого начала немножко попинали, били по ногам, по голове. По голове били книгой, по ногам били ногами, в основном между мышцами. Били по затылку, лицо не трогали. Все время допроса на голову была натянута шапка, руки были связаны пластиковой стяжкой. Били профессионально, не оставляя следов. Когда сидел на стуле, били по ножке стула ногами, при этом спинка стула была по спине, из-за чего получил травму спины.

В СБУ Харькова проводили перекрестный допрос, как минимум были задержаны три человека. Слышал голоса членов группы. Били ориентировочно первые три часа, задавали много вопросов. Медицинская помощь после допроса мне не оказывалась, а позднее на освидетельствовании врач зафиксировал, что травм нет, все в порядке. Когда находился в СИЗО, заболел зуб, обратился за помощью, которую предоставили через десять дней, когда она была уже не нужна. Амбулаторного и стационарного лечения в заключении не было.

В дальнейшем стали составлять протоколы, показывали фотографии, пытались выяснить, знаком ли с людьми, изображенными на фото. Помимо этого, просматривали мои аккаунты в соцсетях.

17 ноября допросы продолжились, но уже без применения физического воздействия. Однако меня настолько сильно избивали накануне, что я не мог стоять на ногах. Помимо физического воздействия, ко мне применяли методы психологического давления: угрожали расправой в отношении семьи; обещали закинуть в спецкамеру, бросить в негашеную известь, отдать батальону «Айдар», вывезти в лес и застрелить.

Через мой аккаунт в социальной сети «ВКонтакте» связались с человеком, который помогал движению, задержали его и жестоко избили. Избиение происходило при мне. Ему выкрутили руки и стянули сзади наручниками (наручники специально выбрали минимального размера), положили на пол. Один из эсбэушников сел ему на спину, другой стоял над ним и выворачивал ему руки. Потом начали бить его трубой, то ли пластиковой, то ли металлопластиковой, затем закатали одежду и били по голому телу куском провода. Подпаливали волосы на гениталиях, затем опять начинали избивать. Избивали ногами, растягивали ноги, били в пах. По-

movement (financial help to members of the opposition). Also I participated in the movement as a volunteer.

When I was at home six people (three of them in plain clothes were servicemen of the Security Service of Ukraine and others in balaclavas were probably from the Alfa battalion) broke into my house on the morning of November 16. They captured my brother and me. My brother who had not been involved in any movement was released in a while.

After the detention they delivered me to the Security Service of Ukraine in Kharkov. They started with kicking me and beating my head and legs. They were beating my head with a book. When they were kicking my legs they were directing their blows between the muscles. They were not beating my face, but the back of my head. During the interrogation I had a cap pulled over my head and plastic shackles on my hands. They were beating professionally, leaving no injuries. When I was sitting on a chair, they were hitting a chair leg while the chair back was hitting my back. That caused a spinal injury.

They arranged a cross-examination in the Security Service of Ukraine in Kharkov. At least three more people were detained. I heard the voices of the group members. There were a lot of questions and beating during the first three hours. I was not provided with any medical aid after the interrogation. At the medical examination no injury was recorded by the doctor. When I had been in the pretrial detention center I had a toothache. I had asked for medical assistance which was provided to me 10 day later, when I did not need it any longer. No treatment (either inpatient or outpatient) was provided to the detainees.

Then they started writing protocols; they were showing some pictures of people and were trying to understand if I knew those people. They were looking through my accounts in social networks.

On 17 November they continued interrogation but without physical coercion. However I was so badly beaten before that I could not stand upright. Apart from physical coercion they also used mental coercion: there were threats addressed to my family, threats to put me into a special cell, threats to put me into quicklime, threats to hand me over to the Aidar battalion and threats to take me to the forest and shoot me.

They communicated via my VK account with the person who had been helping the movement. He was detained and badly beaten. They were beating him in my presence. They shackled his hands inside out behind his back. They had chosen the handcuffs of the smallest size for purpose. They put him on the floor. One of the servicemen of the Security Service of Ukraine sat on his back, the other serviceman stand-

том начали бить металлическим прутом по ягодицам. Где сейчас находится этот человек, я не знаю.

18 ноября с утра меня опять привели на допрос, заставили переписать заявление, к обеду официально оформили задержание. От 18 ноября есть протокол задержания, от 19 ноября – обвинение по статье 258, пункт 3 (участие в террористической организации). При допросах говорили, что обвинение будет идти по пяти статьям: 110, 111, 258-3, 258-5, 263. До 18 ноября, в течение трех дней, никаких процессуальных действий по поводу моего задержания не осуществлялось.

После предъявления обвинения 18 ноября меня и еще двух задержанных повезли в больницу № 4 города Харькова на медицинское освидетельствование. Внешних повреждений у меня и еще одного человека не было, а у третьего на теле были множественные гематомы, руки и голова были очень сильно повреждены. После освидетельствования нас привезли в ИВС на улице Камышева. Там я пробыл до 21 ноября.

20 ноября был суд, всем задержанным дали по два месяца. После суда отвезли в СБУ Харькова, потом в ИВС, а 21 ноября – в СИЗО Харькова, где мы находились до 26 декабря. Один раз (8 декабря) меня и еще двух человек отвозили в СБУ, где брали мазок на анализ ДНК. Зачем это делают, не объяснили. В СИЗО нас не били.

Утром 26 декабря меня и еще одного человека забрали из СИЗО, выдали справку об освобождении, бумаги о закрытии уголовного дела и посадили в автобус. Хотя изначально говорили, что отпустят домой, отправили в СБУ и повезли на обмен в составе группы. Таким образом, с 26 декабря 2014 года я нахожусь в Донецке.

После этого домой, в Харьков, приходило два письма. Первое – о том, что ведется следствие по 282-й статье и мое местонахождение неизвестно (письмо от 13 февраля 2015 года). Второе – о том, что я ограничен в конституционных правах (письмо от 29 мая 2015 года).

Также 29 декабря родителям выдали справку, что я нахожусь в СИЗО Харькова с 21 ноября, хотя обмен на тот момент уже произошел (справка об освобождении из СИЗО была выдана 26 декабря 2014 года, причем в ней отмечено, что моя виновность не доказана).

ing over him was twisting his hands. They started hitting him with the pipe which was made of plastic or repoussage. They were also beating him with a piece of wire. After that they rolled his clothes upwards and started to beat his naked body with the piece of wire. Then they were burning the hair on his genitals. In a while they switched to hitting and kicking him again. They were stretching his legs and were kicking him in the groin. I do not know where he is now.

On the morning of November 18 they brought me to interrogation again. They made me rewrite my statement. In the afternoon they wrote a protocol on my detention. On 19 November I was accused of crime according to Article 258, Part 3 (Setting up a terrorist group or terrorist organization). During interrogations they told me that I would be accused of crimes according to 5 following Articles: 110, 111, 258-3, 258-5, 263. No procedural actions on my detention had been taken during three days till 18 November.

The charge had been brought on 18 November. Then they took me and two more people to the hospital for a medical examination (Hospital 4 in Kharkov). Two of us did not have any external injuries. But the other person had a lot of hematomas on his body and head and his hands were badly injured. After the medical examination we were transferred to the temporary detention center on Kamysheva Street. I had been there till 21 November 2014.

The court took place on 20 November and all the detained were sentenced to two months' detention. After the trial they transferred us to the Security Service of Ukraine in Kharkov and to the temporary detention center. On 21 November they brought us to the Kharkov pretrial detention center. We had been there till 26 December 2014. They took me and two more people to the Security Service of Ukraine to swab us for DNA analysis on 8 December. They did not explain why they were doing it. We were not beaten up in the pretrial detention center.

They took me and one more person out of the pretrial detention center on the morning of December 26. They gave me the certificate of release, the resolution on the termination of the criminal case and put me into the bus, however they initially told me that they would release me. They took me to the Security Service of Ukraine and sent me in a group of other captives for the prisoner swap. Thus, I have been in Donetsk since 26 December 2014.

After these events two letters arrived to my place in Kharkov. The first letter said that the investigation was being conducted according to Article 282 and my location was not defined (the letter as of 13 February

Рассказывает Константин, уроженец города Мариуполя:

– До войны я занимался столярными работами, работал частным образом. После начала протестного движения в Донбассе принимал активное участие в обороне Мариуполя от украинской армии. В июне 2014 года, после того как ВСУ взяли Мариуполь, я ударился в бег.

Спустя примерно полгода, осенью 2014-го, меня взяли на квартире (как потом понял, контрразведка СБУ). При задержании сразу сломали нос, начали пытать. Надели на голову пакет и стали избивать, после чего я потерял сознание.

Меня вывезли в какой-то подвал, где он находился, я не знаю. Пока находился в подвале, подвергался регулярным пыткам: меня пытали электрошокером, топили, душили, имитировали расстрелы, избивали руками и ногами. Практически не кормили. Давили психологически: угрожали, что привезут в подвал мою семью и будут пытать.

После нескольких дней пыток меня вывезли и отдали в какой-то националистический батальон – как я понял, на расстрел. В расположении батальона меня приковали к полу и продолжили избивать. Там мне отбили почки и сломали два ребра. Рядом со мной находился человек, которому отрезали ухо и позднее расстреляли.

В батальоне я пробыл примерно полторы-две недели, под конец моего пребывания там мне тоже хотели отрезать ухо и расстрелять. Однако меня из расположения забрал, как я потом понял, батальон МВД Украины «Сокол». За все время пыток (и в подвале, и в батальоне) у меня на голове находилась маска, которую не снимали. Медицинской помощи после пыток мне никто не оказывал.

После того как меня забрали из расположения националистического батальона, я был передан следователям, которые привезли меня в Мариуполь. Там мне предъявили обвинение и этапировали в город Запорожье, в Запорожский ИВС, а затем – в СИЗО Запорожья, где я находился до марта 2015 года.

Из Запорожского СИЗО меня перевели обратно в СИЗО Мариуполя, где я пробыл до августа 2015 года. 16 августа оттуда меня забрали сотрудники СБУ и отвезли на обмен в Краматорск. Однако в этот день обмен не состоялся, и десять дней я провел в подвале со связанными руками и завязанными глазами. 26 августа 2015 года меня обменяли на военнослужащих ВСУ.

2015). The second letter said that my constitutional rights were limited (the letter as of 29 May 2015).

On 29 December 2014 my parents were given a document saying that I had been in the Kharkov pretrial detention center from 21 November till the date indicated in the document. (I was given the certificate of release on 26 December 2014) It was also indicated that my guilt had not been proven in the certificate of release. “

Konstantin, a resident of Mariupol.

“I had been working as a carpenter when the war started. I was actively defending Mariupol from the Ukrainian army after the begging of the protest movement in Donbass. In June 2014 the Armed Forces of Ukraine took control of Mariupol and I fled.

Half a year later, in autumn 2014, I had been captured in my flat by the counterintelligence of the Security Service of Ukraine, as I understood later. During the detention they broke my nose and started to torture. When they put a bag on my head and started beating me I lost consciousness.

They put me into a basement. I did not know where it was located. During my stay in the basement I was subject to torture. I was tortured with a stun gun. They were drowning and strangling me, were imitating shooting, were kicking and pummeling me. They were not giving me any food. They were coercing me mentally: they threatened to bring my family into the basement and torture them.

After a few days of torture they handed me over to a nationalistic battalion for shooting. At the battalion's place they shackled me to the floor and continued beating. My kidneys were badly injured and my two ribs were fractured. They cut off one ear of the man who was next to me. They shot him later. I had been in the battalion for 1,5-2 weeks. They also wanted to cut off my ear and shoot me at the end of my stay there. However the Sokol battalion of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine (as I got to know later) had taken me away from them. During the whole period of torture (in the basement and in the battalion) I was wearing the mask on my head. I had not been provided with any medical assistance after torture.

After they took me away from the nationalist battalion they handed me over to the investigators who transferred me to Mariupol. The charge against me was brought and I was convoyed to Zaporozhye. From the Zaporozhye temporary detention center they had transferred me to the Zaporozhye pretrial detention center. I had been there till March 2015.

**Рассказывает Виктор, житель
города Донецка:**

– До государственного переворота в Киеве я трудился на заводе «Азовсталь» города Мариуполя.

После событий в Одессе 2 мая 2014 года и в Мариуполе 9 мая 2014 года, когда карательные батальоны украинской армии расстреливали мирных граждан, избивали ветеранов Великой Отечественной войны, я присоединился к протестному движению в Донецкой Народной Республике.

25 августа 2014 года я находился в частном секторе у знакомых и родственников, когда туда прибыло два микроавтобуса с людьми, которые окружили дом. При себе они имели полные боевые комплекты. Указанные люди ворвались в дом, где были женщины и малолетние дети. Люди эти были в балаклавах, представились сотрудниками СБУ. Нас всех (включая женщин и детей) положили на пол, на меня надели целлофановый пакет, погрузили в микроавтобус и отвезли в аэропорт города Мариуполя. По дороге меня избивали прикладами и ногами.

После прибытия в аэропорт меня вывели из машины, поставили возле какой-то двери. Вокруг стоял характерный трупный запах. Затем меня начали избивать четыре человека, пакет с головы не снимали. Били ногами, прикладами. Продолжалось все это около получаса, после чего меня посадили в промышленный холодильник, где было темно и не было вентиляции.

В этой камере мне дали немного отдохнуть. Ночью опять избивали прикладами и ногами. Потом вывели на улицу якобы на расстрел. Мешок с головы мне никто не снимал. Через определенную часть пути меня остановили, я услышал выстрел, прямо возле уха, и упал на землю. Меня опять стали избивать ногами, после чего снова отвели в холодильную камеру. Каждые три часа ко мне кто-то заходил и спрашивал, жив ли я.

На следующий день меня вытащили из холодильника и отвели в туалет, оттуда – в какую-то маленькую комнату. Пакет с головы не снимали. В этой комнате меня поставили на колени и пристегнули к какому-то металлическому предмету. Официальных должностей и имен люди, пытавшие меня, не озвучивали. Затем начался допрос. Спрашивали о моих связях, деятельности; адреса и фамилии знакомых мне людей – сторонников ДНР; о местах нахождения оружия; задачах и планах, которые стояли передо мной. Периодически во время допроса меня душили пакетом, который

From the Zaporozhye pretrial detention center I had been transferred back to Mariupol pretrial detention center. I had been there till August 2015.

On 16 August servicemen of the Security Service of Ukraine transferred me from the Mariupol pretrial detention center to Kramatorsk for the prisoner swap. But the swap did not take place on that day. They put me handcuffed and blindfolded into the basement for ten days. On 26 August 2015 they swapped me for military men of the Armed Forces of Ukraine.”

Viktor, a resident of Donetsk.

“I had been working at the Azovstal plant before that coup in Kiev.

After the events in Odessa on 2 May 2014 and in Mariupol on 9 May 2014 when punitive battalions of the Ukrainian army had been shooting civilians and beating veterans of World War II, I joined the protest movement in the Donetsk People’s Republic.

On 25 August 2014 I had been at my relatives’ private household when two vans arrived there. The people who came by vans surrounded the house. They had full combat ammunition loads with them. Those people broke into the house, where women and small children were. Those people were wearing balaclavas and introduced themselves as servicemen of the Security Service of Ukraine. As they broke into the house they put all of us including women and children on the floor. They put a plastic bag on my head and took me into the van and transferred me to the Mariupol airport. They were hitting me by the butts of rifles and were kicking me.

As we arrived at the airport they took me out of the van and put me near a door. I felt the putrid smell. Four people started to beat me. Nobody removed the bag from my head. They had been kicking me and hitting me with the butts of rifles for half an hour. They put me into a cooling chamber without any source of light and ventilation.

I could have some rest in the cooling chamber till 1:00 AM. Then they beat me again. After the kicking and beating with the butts of rifles they took me outside for shooting. Nobody removed the bag from my head. As we had passed a certain part of our way they stopped me and fired a shot near my ear. I fell down and they started to kick me.

They brought me to the cooling chamber again. Every three hours someone was checking if I was alive.

Next day they took me to the toilet from the cooling chamber. Then they put me into a small room. Nobody removed the bag from my head.

находился у меня на голове, применяли электричество (не шокер), провода подключали к шее, ногам и гениталиям, били по ступням обычной палкой. Несколько раз я терял сознание, после чего мне давали какую-то жидкость, от которой начиналась тахикардия.

Допрос продолжался несколько часов, между избиениями и пытками мне давали возможность немного отдохнуть и перекурить, потом все повторялось. После допроса меня опять отвели в холодильную камеру, где уже находились несколько человек из города Мариуполя и близлежащих сел. Медицинскую помощь мне никто не оказывал, хотя повреждения у меня уже были – были гематомы на теле, очень болела поясничная часть спины.

Ночью, насколько я могу вспомнить, меня не избивали, однако даже просто находиться в камере уже было тяжело, так как из-за большого количества людей не хватало воздуха. Места для нормального сна не было, спали мы сидя. Каждое утро к нам в камеру заводили еще по одному пленному.

Утром меня опять отвели на допрос, где задавали те же самые вопросы, при этом избивая палками и прикладами по ногам и спине. На допросе я постоянно находился привязанным к железному предмету, стоя на коленях, руки при этом были за спиной.

После допроса во второй половине дня меня и еще несколько человек отвезли в СБУ города Мариуполя. Ночевал я в тире, в подвале здания СБУ. Там пыток и избиений в отношении меня не было, мне дали немного поесть, и я смог поспать на полу.

Утром ко мне спустился следователь СБУ Вячеслав Витальевич Романенко, поинтересовался моим самочувствием, провел инструктаж, как правильно вести себя в здании суда, запретил жаловаться на состояние здоровья – пугал расправой в отношении моей семьи. При этом по тембру его голоса мне показалось, что этот человек присутствовал при моих пытках в аэропорту.

Меня отвезли в суд, где заставили переодеть задом наперед окровавленную футболку, чтобы судья не видел пятен крови. Поскольку меня запугивали расправой моей семьи, я согласался со всеми словами обвинителя. Адвоката мне не предоставили, права на обжалование судебного постановления тоже. В суде я пробыл недолго, около часа, после чего мне избрали меру пресечения в виде содержания под стражей.

После меня отправили на медицинское обследование. Травмы были зафиксированы, однако в справках указывалось, что получил я их в бытовых условиях. После прохождения медобследа-

In the room they made me kneel down and shackled me to an item made of metal. Nobody voiced the official occupations and the names of those who tortured me. They started to interrogate me. They asked about my contacts, my occupation, about the address and the last names of my friends who had been supporting the Donetsk People's Republic. They asked about the places where weapons were kept and about my plans and targets. During the interrogation they were repeatedly strangling me using the bag that was on my head. They were using electrical appliance (not the stun gun). They put the cords on my neck, feet and genitals. They were hitting my feet with a stick. I had been losing consciousness several times. After that they gave me to drink some bitter liquid that caused tachycardia.

The interrogation had lasted for several hours. I had been given an opportunity to have a rest and smoke between the repeating beatings and tortures. They put me into the cooling chamber again after the interrogation. There were several people from Mariupol and nearby settlements in the cooling chamber when I entered. No medical aid was provided to me, though I had some injuries on my body and the lumber part of my back was aching badly. They were not beating me at night, as far as I could remember. However, it was tough to be in the cooling chamber due to the lack of fresh air and a large number of people inside. There was not enough space for us to sleep normally so we were sleeping in a sitting position. Every morning they put a new captive into our cooling chamber.

In the morning they summoned me for interrogation again. They were asking me the same questions while they were beating me in my legs and back with sticks and the butts of rifles. During the interrogations I was on my knees, shackled to the item made of metal and my hands were behind back.

After the interrogation, in the afternoon they brought me and some other people to the Security Service of Ukraine in Mariupol. I spent the night in the rifle range, which was in the basement of the building of Security Service of Ukraine. They did not torture or beat me there. I was given some food and could sleep on the floor. In the morning Vyacheslav Vitalievich Romanenko, an investigator of the Security Service of Ukraine came to me, asked how I felt and gave me instructions on my behavior in the courtroom. He forbade me to complain about my state of health under the threat of savage punishment of my family. His voice seemed familiar to me. I thought that he had been present at torture in the airport. After the instruction I was taken to the court. They made me

ния меня отвезли в ИВС города Мариуполя, а следующим утром – спецконвоем в город Запорожье.

По дороге в Запорожье меня и еще нескольких человек, которых везли вместе со мной, не поили и не кормили. Места в машине было мало. По прибытии в Запорожье меня отвели на медобследование, где сотрудниками медицинского учреждения был составлен документ, что все травмы мною получены в бытовых условиях по собственной неосторожности.

Меня поместили в СИЗО Запорожья – сначала в одну камеру, а на следующее утро перевели в другую, где находились люди, подконтрольные администрации исправительного учреждения. Я отказался сидеть вместе с ними и попросил перевести меня. Сотрудники СИЗО отвели меня в так называемый бокс и начали избивать. Били по корпусу, рукам, ногам, в частности, по бедрам. Все это они проделывали резиновой палкой. Избиение происходило несколько раз в течение четырех часов.

В итоге меня все-таки перевели в другую камеру. Это было помещение с земляным полом, окно-кормушка было заварено.

В этой камере со мной находился гражданин Швейцарии, являвшийся владельцем сети ресторанов в Запорожье, и еще один человек, осужденный по части 1 статьи 115 УК Украины.

Там я находился до 17 сентября. В этот период, приблизительно 12 сентября, меня один раз вывели в допросную комнату, где сотрудник СБУ проводил опознание некоего человека по имени В.

В период нахождения в СИЗО Запорожья меня не избивали, на свежий воздух не выводили, кормили три раза в день.

17 сентября сотрудники СИЗО меня и еще одного парня вывели из камеры в коридор и начали избивать резиновыми палками. Парня забили до бессознательного состояния и за ноги куда-то оттащили, о его дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

Меня избili несильно, досталось палкой по ногам, пояснице и спине. Потом посадили в машину и перевезли в СИЗО № 7 города Мариуполя, где поместили в камеру. Сотрудники СИЗО относились ко мне нормально, избиваний не было. Несколько раз вызывали на допросы в СБУ Мариуполя. Перед каждым допросом закрывали в подвале и избивали палками. Это повторялось несколько раз, после чего мне удалось связаться с родными и нанять адвоката.

На допросах в СБУ на меня оказывалось психологическое давление, в частности, запугивали угрозами в адрес моей семьи.

put on my blood-stained T-shirt inside out, so that the judge would not see the blood stains. They appointed an attorney to me as well as the right for defense (the right to appeal against the court resolution) I had not spent much time at the court. It took about an hour. They selected the measure of restraint in the form of custody.

Under the threat of savage punishment of my family I agreed with everything the prosecutor said.

After the selection of the measure of restraint they took me for a medical examination. They recorded all the injuries but as domestic ones. They took me to the Mariupol temporary detention center. In the morning they convoyed me from Mariupol to Zaporozhye.

They did not give any food or drink to me or to people who were being convoyed together with me. There was not enough space for all of us into the vehicle. As we arrived in Zaporozhye they sent me for a medical examination. The medical personnel issued a document that was saying that all my injuries were domestic ones and that I had got those due to my carelessness.

I had been transferred to the Zaporozhye pretrial detention center. They had put me in a cell and next morning they put me in the other cell with those who were controlled by the administration of the penal institution. At first I refused to be imprisoned in that cell and asked to transfer me to another cell. The pretrial detention center personnel took me to the so-called “box” and started to beat me. They were beating me in my body, legs, hands and hips with a rubber truncheon. They had beaten me several times during four hours. Finally I had been transferred to another cell with the earth floor and the feeding slot welded shut into the door. A citizen of Switzerland was imprisoned in the same cell. He was the owner of a restaurant chain in Zaporozhye. Another prisoner in our cell was found guilty under Article 115, Part 1 of the Criminal Code of Ukraine.

I had been imprisoned in that cell till 17 September 2014. I had been taken once for interrogation on 12 September. A serviceman of the Security Service of Ukraine who was present at interrogation carried out the identification of a person whose name was “V”.

During my detention in the Zaporozhye pretrial detention center I was not beaten, was not taken for a walk either. They were feeding us three times a day.

On 17 September 2014 I was taken out of the cell to the corridor and the personnel of the pretrial detention center started to beat me and one more prisoner with rubber truncheons. They had beaten that young man

Одним из способов морального давления был так называемый «велосипед». Суть его состоит в том, что человека каждый день переводят в разные камеры, где ему приходится делиться своими вещами с другими людьми, и по истечении некоторого времени человек остается ни с чем.

В конце октября мне удалось нанять адвоката, после чего отношение сотрудников СБУ изменилось – перестали избивать и оказывать меры психологического воздействия. Адвокат был моим знакомым, несколько раз он приезжал ко мне в СИЗО, несколько раз присутствовал при следственных действиях и один раз представлял меня в суде во время рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения.

В СИЗО № 7 города Мариуполя я находился до 24 декабря. В этот день меня перевели в СБУ, где формировалась группа из людей, подлежащих обмену. 25 декабря постановлением Жовтневого районного суда города Мариуполя мне изменили меру пресечения и 26 декабря 2014 года обменяли.

Рассказывает Антон, уроженец города Харькова:

– С 2005 по 2010 год я состоял на партийной работе в «Партии регионов», с 2006 по 2010 год был депутатом, с 2010 по 2013 год состоял на административных должностях. Принимал активное участие в «Антимайдане». После государственного переворота на Украине в феврале 2014 года я возглавил одно из неформальных протестных движений. 19 сентября 2014 года организовал акцию по вывешиванию баннеров Новороссии в городе Днепропетровске.

22 сентября 2014 года я был задержан бойцами спецподразделения «Альфа» СБУ Украины в результате силового штурма моей квартиры. При этом я не оказывал никакого сопротивления, но был избит сотрудниками СБУ. В результате у меня было сломано четыре ребра с правой стороны, что подтверждено снимком флюорографии, сделанным при оформлении меня в ИВС Днепропетровска. При задержании мне не предъявлялись какие-либо документы, обосновывающие правомерность моего задержания. Я был погружен в автомобиль и доставлен в СБУ Днепропетровской области. 23 сентября начальником СБУ полковником Ю. Ю. Солонейчуком был оформлен протокол, по которому я якобы был задержан в городе Днепропетровске 23 сентября 2014 года.

unconscious, then took his legs and dragged him away. I did not know what happened to him after that.

I was beaten in my legs and back with a stick but not so badly. They put me into a car and transferred to Mariupol pretrial detention center 7.

As we arrived at Mariupol pretrial detention center 7 they put me in a cell. The personnel of the pretrial detention center treated me fine, they did not beat me. I had been summoned to the Security Service of Ukraine in Mariupol for interrogation several times. Before the interrogations they used to put me into the basement and beat me with sticks. That had repeated a few times before I managed to contact my relatives and hire a lawyer.

I was coerced mentally at the interrogations in the Security Service of Ukraine. Namely, there were threats addressed to my family. One of the methods of mental coercion imposed on me was the so-called “bicycle”. The idea of the method was in transferring a prisoner to a new cell every day. Every time the person had to share his personal belongings with other prisoners, so finally the prisoner would lose all his things.

When I had managed to hire the lawyer in the end of October 2014, the personnel of Security Service of Ukraine started to treat me in the other manner. They stopped beating me and coercing me mentally. The lawyer was a friend of mine. He visited me in the pretrial detention center several times. He was present at some investigative actions and stood for me once in the court when the measure of restraint was being considered.

I had been in Mariupol pretrial detention center 7 till 24 December 2014. That day they transferred me to the Security Service of Ukraine, were a group of prisoners for the swap was being formed. On 25 December 2014 the Zhovtnevy District Court in Mariupol changed my measure of restraint and on 26 December 2014 I was swapped.”

Anton, a resident of Kharkov.

“I had worked for the Party of Regions from 2005 till 2014. I had been a deputy from 2006 till 2010. I had done administrative job from 2010 till 2013. I actively participated in Anti-Maidan. After the coup in Ukraine in February 2014 I was the head of one of the informal protest movements. I arranged the campaign for hanging up Novorossiia banners in Dnepropetrovsk on 19 September 214.

On 22 September 2014 I had been detained by servicemen of the Alfa subdivision of the Security Service of Ukraine who broke into my flat. They beat me though I did not attempt to resist. As a result, I had my

25 сентября мне было предъявлено обвинение по статьям 110 и 263 УК Украины и избрана мера пресечения в виде содержания под стражей, после чего я был переведен в ИВС Днепропетровска. Примерно через три дня я был переведен в СИЗО Днепропетровска. В это же время сотрудники СБУ предложили мне согласиться на обмен военнопленными, который проводился между украинской стороной и представителями ДНР. Я согласился. 2 октября я был доставлен в Бабушкинский районный суд города Днепропетровска, где мне была изменена мера пресечения с ареста на личные обязательства, после чего я в наручниках проследовал в здание СБУ. На следующий день меня и еще двоих ребят перевезли в СБУ Харьковской области.

К нам в камеру посадили еще человек десять из разных областей Украины. Вечером нас передали боевикам батальона «Донбасс», которые отвезли всех в Днепропетровск. Там к нам добавили еще одну группу людей, привезенных из мариупольского СИЗО, и всех вместе отвезли на базу батальона «Днепр-1» в районе города Днепродзержинска. Там нас поместили в небольшое бетонное сооружение, где мы провели четыре дня.

Во время нашего там пребывания нас заставляли заниматься тяжелым физическим трудом: мы корчевали корни деревьев, таскали бетонные плиты, занимались земляными работами и т. п. Нам предупредили, что в случае неповиновения или при попытке побега мы будем расстреляны или помещены в яму со змеями. При этом нам продемонстрировали эту яму. Я точно знаю, что одного парня из нашей группы в эту яму опускали, но ему буквально сразу дали возможность вылезти, и он не подвергся укусам гадюк. Также бойцы батальона периодически стреляли у нас над головами и в стены сооружения, в котором мы находились; иногда мы подвергались легким избиениям.

7 октября нас забрали боевики батальона «Донбасс» и опять отвезли в СБУ Днепропетровской области. Там мы переночевали, а на следующий день нас перевезли в СБУ Харьковской области, где лично я находился до момента обмена, который состоялся 1 ноября 2014 года.

Пока я находился в плену, медицинской помощи мне никто не оказывал, несмотря на то что и я, и многие другие просили сотрудников СБУ и бойцов националистических батальонов предоставить нам врача. Первую медицинскую помощь я получил после освобождения из плена в городе Донецке, в Калининской больни-

4th, 5th, 6th and 7th right ribs broken. Those fractures were confirmed by fluorography images that I got before being transferred to the Dnepropetrovsk temporary detention center. During the process of detention I was not provided with any documents that validated my detention. They put me into a car and delivered to the Security Service of Ukraine of the Dnepropetrovsk Region. On 23 September 2014 the Chief of the Security Service of Ukraine of the Dnepropetrovsk Region, Colonel U.U. Solomeychuk wrote a protocol on my detention. The protocol was saying that I had been detained in Dnepropetrovsk on 23 September 2014.

On 25 September 2014 I was charged according to Articles 110 and 263 of the Criminal Code of Ukraine. Custody as the measure of restraint was selected. I was transferred to the Dnepropetrovsk pretrial detention center. At the same time the servicemen of the Security Service of Ukraine had offered me the prisoner swap which was held by the Ukrainian side and representatives of the Donetsk People's Republic. I agreed. On 2 October 2014 they delivered me to the Babushkinsky District Court in Dnepropetrovsk, where my measure of restraint was changed to personal commitment. They put me in handcuffs and delivered me to the building of the Security Service of Ukraine. Next day they transferred me and two more prisoners to the Security Service of Ukraine of the Kharkov region.

They put 10 more people from different regions of Ukraine in our cell. In the evening all of us had been handed over to the Donbass battalion soldiers, who took us to Dnepropetrovsk. A group of people from the Mariupol pretrial detention center joined us in Dnepropetrovsk. And all of us were handed over to the base of the Dnepr-1 battalion located near Dneprodzerzhinsk. They had placed us in a small cement building, where we spent 4 days. During our stay there we were forced to do hard physical labor: we were removing the roots of trees, were carrying cement slabs and were doing some earthworks. They told us that they would shoot us or put us in the pit filled with snakes if we did not obey or if we tried to escape. They demonstrated that pit with snakes. I knew for sure that one man from our group had been placed into that pit but he had been immediately given an opportunity to get out of the pit and had not been bitten by vipers. The soldiers of the battalion were repeatedly firing shots over our heads and at the walls of the building where we were. Sometimes we were slightly beaten.

On 7 October 2014 we had been handed over to soldiers of the Donbass battalion again who took us to the Security Service of Ukraine of the Dnepropetrovsk region. We spent one night there and were brought

це, куда я был помещен в состоянии средней тяжести, с пневмонией и переломами ребер. На лечении в стационаре я находился примерно полтора месяца.

Рассказывает Валерий, уроженец города Донецка:

– На момент государственного переворота на Украине я проживал в городе Волновахе Донецкой области. Принимал участие в стихийном протестном движении против незаконной смены власти, участвовал в митингах, собраниях, организации референдума. После проведения референдума протестное движение пошло на спад, никаких захватов зданий и сооружений не проводилось, в городе до сентября 2014 года установилась спокойная обстановка.

После Иловайского котла в первой декаде сентября 2014 года в Волноваху начала прибывать военная техника, воинские подразделения и незаконные вооруженные формирования, например, 14-й батальон Черкасской территориальной обороны, а также сотрудники спецслужб, которые начали проводить повальные аресты, допросы с применением физического насилия.

Примерно 12–13 сентября, проехав по окрестностям города Волновахи и Волновахскому району, я собрал сведения о местах дислокации воинских подразделений, военной техники, блокпостов ВСУ и передал их на горячую линию в ДНР. 14 сентября около 10:30 на берегу ставка, который находится в Волновахе, я был схвачен бойцами 14-го батальона и доставлен в линейное отделение милиции города.

Меня завели в камеру и начали избивать, ничего не спрашивая. Избивавших было пять человек. Четверо из них были в балаклавах, а пятый (как я понял, старший) был с открытым лицом. Мне наносили беспорядочные удары ногами, руками, черенком от лопаты. Все это продолжалось минут десять-пятнадцать. Потом мне дали немного прийти в себя и продолжили избивание. Сняли с меня обувь, положили на пол и черенком от лопаты начали бить по пяткам. Это продолжалось минут пять, боль была невероятная, я не могу это описать. Потом был перерыв около часа – как я потом узнал, они привезли мою жену. Открыли двери в ее камеру и в мою, чтобы она слышала мои крики, облили меня водой и двумя электрошокерами начали меня пытать, прислоняя их с двух сторон к телу. Через меня пропустили пять или шесть разрядов.

to the Security Service of Ukraine of the Kharkov region next day. I had been there till the moment of prisoner swap which took place on 1 November 2014.

During the period of captivity no medical assistance was provided to me despite the fact that I personally and many other people were asking the servicemen of the Security Service of Ukraine and the nationalist battalions to call a doctor. I was given medical assistance in the hospital named after Kalinin in Donetsk after the release from the captivity. I was transferred to the hospital with pneumonia and fractured ribs in moderately grave condition. I had spent 1,5 months in the hospital.”

Valery, a resident of Donetsk.

“When the coup in Ukraine took place I was living in Volnovakha, the Donetsk region. I participated in spontaneous protest movement against illegal change of power, in meetings and rallies. I helped to organize the referendum. After the referendum the protest movement went down. Buildings were occupied any longer and the environment remained safe till September 2014.

After the Ilovaysk Kettle in the beginning of September military hardware, military subdivisions, e.g. the 14th Territorial Battalion from Cherkasy, servicemen of special services, started to arrive in Volnovakha. The servicemen started to arrest people and interrogate them using physical coercion.

On 12 or 13 September I had a ride along Volnovakha and the Volnovakha district. I had collected information about locations of military subdivisions, military hardware, checkpoints of the Armed Forces of Ukraine and forwarded that information to the Donetsk People’s Republic hot line. On 14 September at about 10:30 AM on the bank of the pond located in Volnovakha I was captured by servicemen of the 14th battalion and delivered to the transport police station in Volnovakha.

They put me in a cell and started to beat. They did not ask me any questions. Five people were beating me. Four of them were wearing balaclavas and the fifth was barefaced. As I understood he was the senior. They were kicking, pummeling and hitting me with the handle of a shovel. The beating lasted for 10-15 minutes. Then they let me have a rest for a while and continued beating. They removed my shoes and put me on the floor and started to beat my heels with the handle of a shovel. That lasted for five minutes. The pain was very sharp. I could not describe it. Then there had been a break for an hour. As I got to know later they had delivered my wife there. Then they opened the doors of her and

Видя, что я не теряю сознание, один из пытавших меня достал пистолет и начал кричать, что он меня сейчас застрелит. Я сказал, чтобы он побыстрее стрелял. Тогда он начал бить меня рукояткой пистолета по голове. Сколько было ударов, я не знаю, но моя голова была вся в шишках и гематомах. После этого принесли металлический лом. Застегнули мои руки наручниками под коленками, просунули лом так, чтобы он проходил под локтевыми суставами; потом двое взяли этот лом, подняли вместе со мной, один конец поставили на умывальник, другой – на спинку стула и начали меня вращать. Это у них называлось «качели». Боль была очень сильной, я хотел, чтобы в этот момент меня просто пристрелили. Я сильно кричал, они оторвали кусок простыни и сделали из нее кляп, который пытались засунуть мне в рот. Я его выплевывал, тогда один из них взял черенок от лопаты и стал вбивать им этот кляп мне в рот, при этом выбив мне два зуба, разбив губы. У меня до сих пор шатаются все зубы нижней челюсти.

Меня прокрутили около пяти раз и оставили так висеть семь минут – я это знаю точно, так как когда они вошли, их старший стал на них ругаться и говорить: «Вы что, с ума сошли, он уже висит семь минут, а разрешено пять, быстро снимите его!» Меня сняли. Первый вопрос был о моих руках, я сказал, что их не чувствую.

После этого старший предложил мне написать признание, что я передавал сведения в ДНР, и сказал, чтобы я подумал о своей жене. При этом он дал офицерское слово, что мою жену не тронут. Я не отрицал факта передачи мною сведений и сказал ему, что все напишу. Мне принесли бумагу и ручку, я написал признательные показания. Как мне потом стало известно, мою жену действительно отпустили 14 сентября 2014 года в 23:00, предварительно намеренно ударив каблуком берцев в область голеностопа и словив ей пальцы правой ноги.

После того как я дал признательные показания, в камеру вошли двое и продолжили меня избивать, говоря, что я не все написал. Меня побили минут пять и оставили в камере. Была уже ночь, я присел на кровать, но как только я начинал дремать или засыпать, они входили в камеру и начинали меня бить. Это продолжалось всю ночь и практически до вечера следующего дня. Спать мне просто не давали.

15 сентября около 16:00 мне дали поесть, посадили в машину, пристегнули наручниками, предварительно продев их через запас-

my cells in order to let her hear my screams. They poured water over me and started to torture me using two stun guns placing them on both sides of my body. They gave me five or six discharges. As I did not lose consciousness, one of the torturers took the pistol and started to shout that he would kill me. I told him to shoot me as soon as possible. He started to beat my head with the grip of the pistol. I did not know how many blows I had got but there were a lot of injuries over my head. After that they brought a crowbar. They shackled my hands behind knees and put the crowbar under my knees so that it was under the joints of my elbows. Two of them took that crowbar together with me and placed one edge of the crowbar on the washstand and the other edge on the chair back. They started to turn me around the crowbar. This is called a “swing”. The pain was so strong that I only wanted them to shoot me. I was screaming loudly. They tore off a piece of sheet and made a gag of it. They tried to put it into my mouth but I spat it out. Then one of the servicemen took the handle of the shovel and started to drive that gag into my mouth with the handle of the shovel. My two teeth were knocked out and my lip was injured. Now all the teeth on my lower jaw are loosened.

I had been turned around for five times and I was left to hang on the crowbar for seven minutes. I knew that for sure. When they came again their senior started to shout at them, “Are you crazy? He has been hanging for seven minutes already. Only 5 minutes are allowed. Take him down immediately!” They took me down and asked about my hands. I told them that I had no feeling in my hands.

After that the senior suggested that I should write a confession on forwarding of the information to the Donetsk People’s Republic. He asked me to think about my wife and promised that they would not hurt her. I did not deny the fact of forwarding of the information. I told him that I would write it. They brought a pen and paper to me and I put down confessional statements. As I got to know later, they really had let my wife go on 14 September 2014 at 11:00 PM. But first they had beaten her ankle with the heel of the army boots and had broken her toes on the right leg. After I wrote the confessional statements two men entered the cell and continued beating me. They said that I had written not everything. They were beating me for five minutes and left me in the cell. It was night. I sat down on the bed. Every time I began to doze they entered the cell and began to beat me. They did not let me sleep all the night and all the day till the next evening.

On 15 September 2014 at 4:00 PM they gave me some food, put me into a car and put me in the handcuffs that were preliminary passed

ное колесо автомобиля, и в таком положении повезли в СБУ города Мариуполя. Там меня опустили в подвал, в помещение тира, где уже было человек пятнадцать, кто с пакетами на головах, кто так же, как и я, сильно избитый; также там находились женщины, которые тоже были в ужасном состоянии. Около 21:00 меня привели на допрос к следователю Д. Г. Сапегину, который допрашивал меня минут сорок. Около 22:00 меня привезли в ИВС. Там я был осмотрен, но никаких телесных повреждений врачами изолятора зафиксировано не было, и меня оформили в камеру.

На следующий день примерно в десять часов меня отвезли в больницу № 4 города Мариуполя, где меня освидетельствовали, но вновь никаких повреждений не зафиксировали, несмотря на то что все мое тело было синим, а на голове были сплошные шишки и гематомы. У меня было головокружение, меня подташнивало. Я сказал об этом врачу, но он написал, что жалоб нет.

После этого меня отвезли в СБУ на допрос, который проходил с участием государственного адвоката; допрашивал меня следователь А. Ю. Веклов. Потом меня отвезли в ИВС, а на следующий день доставили в суд, где была избрана мера пресечения в виде ареста на два месяца. После суда меня поместили в СИЗО, где при осмотре фельдшер зафиксировал телесные повреждения и дал мне обезболивающие таблетки. В СИЗО я находился две недели, никаких следственных действий за это время в отношении меня не проводилось.

2 октября меня и еще одиннадцать человек привезли в суд и выдали постановление об изменении меры пресечения с ареста на личное обязательство; на нас сразу надели наручники и отконвоировали в СБУ. Там мы переночевали, утром нас погрузили в автобус и повезли в сторону Харькова. Где-то в районе города Изюма мы изменили направление и поехали в сторону Днепропетровска. Под Днепропетровском нас пересадили в военный автомобиль, в котором находилось еще человек десять-двенадцать, в сопровождении бойцов батальона «Донбасс» отвезли в расположение батальона «Днепр-1» и разместили в отдельно стоящем бетонном сооружении, где мы пробыли дней пять. Во время нашего там пребывания нас заставляли заниматься тяжелым физическим трудом под угрозой расстрела.

Также боевики батальона «Днепр-1» проводили имитации расстрелов. В частности, одного из нас заставили самому себе выкопать могилу, поставили на край и выстрелили под ноги.

through the spare wheel of the car. In such a position I had been delivered to the Security Service of Ukraine in Mariupol. They put me into the rifle range located in the basement. There were 15 people there. Some of the people were wearing bags on their heads; some were badly beaten like I was. Some of the women were in shocking condition. At about 9:00 PM I had been summoned for interrogation by the investigator D.G. Saepin, who was interrogating me for about 40 minutes. At about 10:00 PM I was delivered to the temporary detention center. I took a medical examination, but the doctors of the temporary detention center did not record any injuries. Then I was put in the cell.

Next day at about 10:00 AM I was taken to hospital 4 in Mariupol where a medical examination took place but no injuries were recorded either despite the fact that all my body was covered with bruises. There were lots of bumps and haematomas on my head. I was dizzy and felt sick. I told the doctor about that but he wrote that I had no complaints about my state of health. They took me to the Security Service of Ukraine for interrogation where a state lawyer participated. I was interrogated by A.U. Veklov, an investigator. After the interrogation they brought me to the temporary detention center. Next day I was delivered to the court. Two month's detention was selected as the measure of restraint. After the trial they transferred me to the pretrial detention center. At the medical examination the doctor recorded my injuries and gave me anesthetic tabs. I spent two weeks in the pretrial detention center. No investigative actions were taken during that period of time.

On 2 October 2014 they took me and 11 more people to the court. We were given a resolution on the change of the measure of restraint to personal commitment. Right after that we were put in handcuffs and conveyed to the Security Service of Ukraine. We spent a night there. In the morning they put us into a bus and drove towards Kharkov. Near Iziium we changed the direction and went towards Dnepropetrovsk. Near Dnepropetrovsk we changed the bus to a military vehicle where 10-12 people were. Conveyed by soldiers of the Donbass battalion we were delivered to the location of the Dnepr-1 battalion. They placed us in a detached cement building where we spent five days. During our stay there we were forced to do hard physical labor under the threat of shooting.

Soldiers of the Dnepr-1 battalion were imitating shooting of us. They made one of the detainees dig the grave for himself. They put him on the edge of the grave and shot under his feet. They did not give us food. We were sleeping on the cement floor. We were having frost at nights while we were wearing summer clothes. They formed a line of us and made

Нас практически не кормили, мы спали на цементе. По ночам были заморозки, а мы все были в летней одежде. Кроме того, нас выстраивали строем и заставляли кричать лозунги «Украина под усе», «Слава героям, героям слава» и другие. Если не так кричали, заставляли отжиматься и при этом стреляли над головами.

Примерно 9 октября нас перевезли в СБУ Днепропетровска, где мы переночевали, на следующий день – в СБУ Харькова. Там мы находились до 1 ноября 2014 года, когда нас вывезли на обмен.

После освобождения я находился в больнице Калинина на лечении 21 день. У меня были зафиксированы последствия закрытой черепно-мозговой травмы с рассеянной неврологической симптоматикой, цефалгией, рубцово-язвенная болезнь луковицы двенадцатиперстной кишки, нижнедолевая пневмония справа, перелом седьмого ребра, травмы локтевых суставов, бедер, голени, пяточных костей, невриты обоих лучевых нервов. До настоящего времени меня мучают сильные головные боли.

Рассказывает Вениамин, уроженец города Новгородовки (Донецкая область):

– После государственного переворота, произошедшего в феврале 2014 года, я находился в городе Новгородовке по месту жительства. На тот момент я нигде не работал, являлся пенсионером. В апреле-мае 2014 года в нашем городе начали распространяться общественные протестные движения, направленные на непризнание политиков, пришедших к власти в Киеве в результате незаконного переворота. Проводились митинги, собрания, в которых я принимал непосредственное участие. Я помогал в организации и проведении референдума, участвовал в строительстве баррикад, патрулировании города с целью обеспечения правопорядка.

25 июня примерно в десять утра я получил пенсию в «Ощадбанке» и возвращался домой. Я вошел в подъезд; когда поднялся на второй этаж, услышал автоматные очереди возле дома; находясь на третьем этаже, услышал топот вбегавших в мой подъезд людей. Минувя свою квартиру на четвертом этаже, я поднялся на пятый и стал наблюдать.

Люди с автоматами в камуфляжах и балаклавах стали вламываться в мою квартиру. Их было шесть человек. Когда они ворвались, я, услышав крики жены и внука, спустился на площадку своего этажа. Перед входной дверью стояли двое вооруженных людей (остальные были уже внутри). Они у меня спросили, кто я такой.

us shout out slogans “Ukraine above all!”, “Glory to the heroes, Glory to the heroes!” and some others. If they did not like the manner we were shouting they made us push ourselves up from the ground and shot over our heads.

On 9 October 2014 they transferred us to the Dnepropetrovsk Security Service of Ukraine. We spent a night there. Next day they transferred us to the Security Service of Ukraine in Kharkov. We had been there till 1 November 2014 when they took us to the prisoner swap.

After the release from the captivity I had been undergoing medical treatment in the hospital named after Kalinin for 21 days. They recorded the following: consequences of closed craniocerebral injury with disseminated neurologic symptomatology, cephalgia, cicatricial ulcerative deformity of the duodenum bulb, lower lobe pneumonia on the right side, fracture of the 7th rib, injuries of the elbow joints, thighs, cruses, heel bones, neuritis of the both radial nerves. I still suffer from sharp headaches.”

Veniamin, a resident of Novohrodovka (the Donetsk region).

“After the coup which took place in February 2014 I was in Novohrodovka at my own place. I had no job as I was a retired person. In April and May 2014 public protest movements started in Novohrodovka. These movements were against recognition of the politicians who came to power in Kiev after the coup. I participated in rallies, meetings. I helped to organize and hold the referendum. I participated in the building of barricades and patrolled the town to ensure the rule of law.

On 25 June 2014 I was at my place in Novohrodovka. At 10:00 AM I received my pension in “Oschadbank” and was going home. When I reached the first floor in the entry to the block of flats where I lived I heard burst of automatic fire near the block of flats. Being on the 2d floor I heard people breaking into the entry to the block of flats. I passed my flat that was on the 3d floor and went upstairs to the 4th floor. The people with rifles went upstairs and broke into my flat. There were 6 people in uniforms and balaclavas. As they got into my flat I heard my wife and grandson screaming. I went downstairs to the staircase where my flat was. There were two armed men near the entry to my flat. The others were already in the flat. They asked me who I was. I said that I was the owner of the flat. They hit me in my neck with the butt of a rifle. Then they hit me several times more, put me in handcuffs, took me to a car, put me on the floor and put adhesive tape over my eyes.

Ответив, что я хозяин квартиры, сразу получил удар прикладом автомата в шею. Затем меня еще несколько раз ударили, связали руки, вывели к машине, кинули на пол и залепили глаза скотчем.

После этого меня увезли в город Красноармейск. По дороге постоянно избивали, садились на меня, как на скамейку. Уже в Красноармейске ко мне в машину закинули еще одного человека. Тех, кто был с ним, погрузили в другой автомобиль, и нас всех вместе повезли в сторону Днепропетровска. По дороге машины останавливались, нас выводили из машин, учиняли допросы и продолжали избивать: били руками, ногами, прикладами по всему телу.

В 23:00 где-то под Днепропетровском нас высадили из машин, завели в здание (по всей видимости, это была заброшенная школа) и начали опять допрашивать и избивать. Основными вопросами были: почему вы за Россию? почему вы за референдум? почему вам не нравится Украина? Отвечать не давали, сразу наносили удары. Во время этих допросов в барабан револьвера системы Нагана вставляли один патрон, прокручивали и приставляли ствол к виску, говорили, что жить осталось три секунды, нажимали на спусковой крючок. Лично со мной это проделывалось дважды. После холостого выстрела с криком «Тебе повезло!» сразу же наносили удар в затылок. Я практически уже находился в бессознательном состоянии, но еще стоял на ногах, держась за стенку, когда один из пытавших меня сделал несколько выстрелов около моих ног.

Из тех людей, которые меня пытали, могу назвать сотника Майдана Владимира Парасюка, который в настоящее время является депутатом Верховной Рады Украины. Его я узнал, так как он был без балаклавы и его очень часто показывали по телевизору.

пытки продолжались примерно до четырех утра, после чего Парасюку позвонили и наше избивание прекратилось. Он приказал отвести нас в другое помещение.

Мы думали, что поспим, однако через пять минут всех четверых нас поставили к стенке со связанными руками, к нам подошел человек из «Правого сектора» и начал избивать. Бил нас все время по голове. Данное действие продолжалось около двух часов, после чего он ушел спать, а нас оставили в этой же комнате и сказали, что в восемь утра за нами приедет СБУ.

Однако сотрудники СБУ приехали примерно в двенадцать часов. До этого времени нас заставили вымыть полы и убрать помещение, которое было залито кровью, потом развели по комнатам.

They transferred me to Krasnoarmeysk. During the ride they had been beating me and had been sitting on me like on a bench. In Krasnoarmeysk they put one more person into the vehicle where I was. He was not alone. They put the other people who were with him into the other vehicle. And all of us were going towards Dnepropetrovsk. As we were on our way to Dnepropetrovsk they were stopping the vehicles, were taking us out of the vehicles and were interrogating us. At the same time they were kicking, pummeling and beating us over all body with the butts of the rifles.

They took us out of the vehicles and brought us into a building near Dnepropetrovsk at about 11:00 PM. Apparently, that building was an abandoned school. They started to interrogate and beat us again. The main questions were: ‘Why are you all for Russia?’, ‘Why are you all for the referendum?’, ‘Why do you not like Ukraine?’ They did not let us rely but were immediately hitting us. During the interrogation they used to put a cartridge into the cylinder of the Nagant revolver, revolved the cylinder and put the barrel to the temple saying that we had only three seconds left and pulled the trigger. I experienced that twice. After the blank shot they shouted out that I was lucky and hit me in the back of my head. I almost lost my consciousness and could barely stand upright and leaned against the wall when one of the torturers fired a few shots near my legs.

There was Vladimir Parasyuk among the people who tortured us. Vladimir Parasyuk is a Deputy of Verkhovna Rada of Ukraine now. I recognized him because he was not wearing a balaclava and had been frequently shown on TV. The torture continued till 4:00 AM. Somebody phoned Parasyuk and they stopped beating us. He ordered to bring us to another building.

As we were transferred to the other building we thought that we would have a sleep, but in five minutes after the transfer they put all four of us handcuffed against the wall. A man from the Right Sector battalion came to us and started to beat us. He had been beating us in our heads for two hours. Then went off to bed. We were left in the same room. They said that at 8:00 AM servicemen of the Security Service of Ukraine would pick us up.

The servicemen of the Security Service of Ukraine arrived at 12:00 PM. We were made to wash the floor and clean the bloodied building. Then they put us in separate rooms. A servicemen of the Security Service of Ukraine entered my room for interrogating me.

As he had got my background information he asked if I knew the people who had participated in the protest movement against the Ukrainian

Ко мне для проведения допроса зашел сотрудник СБУ. Он выяснил мои анкетные данные и начал спрашивать, кого я знаю из лиц, принимавших участие в протестном движении против украинской власти. Я ему не ответил и получил удар в лицо, после чего допрос закончился. Часа через два приехали военнослужащие, которые забрали нас (пять человек) и отвезли в ОБОП города Днепрпетровска.

В ОБОПе увидели, что мы все избиты, и нас сразу же отвезли в больницу на освидетельствование. У меня были зафиксированы телесные повреждения, многочисленные ушибы и ссадины рук, ног, головы, гематомы по всему телу, сотрясение головного мозга, повышенное артериальное давление. Мне была оказана медицинская помощь в виде таблетки от высокого артериального давления.

После нас отвезли опять в ОБОП, где развели по кабинетам и начали допрашивать. Меня допрашивал майор Колесниченко, который вел себя вполне законно и никаких мер физического или психологического давления не применял. После допроса он удалился на час, а я остался в кабинете. Когда он пришел, то сообщил, что я могу быть свободен.

Меня выпустили из здания ОБОП примерно в два часа ночи 28 июня 2014 года. Через четыре дня я добрался до Донецка, постоянно прячась от милиции и военнослужащих, так как при мне не было никаких документов. По прибытии в Донецк я был помещен в больницу № 14, где находился на лечении около двух недель.

Рассказывает Игорь, уроженец города Киверцев (Волынская область, Украина):

— До войны я проживал на Западной Украине, являлся депутатом от «Партии регионов». Во время государственного переворота в Киеве я был участником «Антимайдана». Находясь на Западной Украине, я очень хорошо ощущал развитие там идей фашизма.

После переворота я ездил в Харьков и Донецк, активно участвовал в протестных движениях, распространял дома литературу, связанную с Новороссией.

Как я узнал позже, в «Партии регионов» был человек, внедренный СБУ, поэтому все наши телефоны легко прослушивались, вся информация с наших собраний попадала в СБУ.

Арестовали меня в начале сентября 2014 года. Я шел по улице, передо мной остановилась машина, из которой выбежали люди в балаклавах, надели на меня наручники, мешок на голову, оскор-

government. I kept silent and he hit me in my face. It was the end of the interrogation. In two hours military men arrived and transferred all five of us to the Dnepropetrovsk Organized Crime Investigation Division.

The personnel of the Organized Crime Investigation Division had seen our injuries and sent us to hospital for a medical examination. They recorded that I had bodily injuries, a lot of bruises and scratches on my hands, legs and head and hematomas over the whole body, brain concussion and hypertension. They provided me with medical aid by giving me antihypertensive pill.

They brought us back to the Organized Crime Investigation Division after the medical examination. They put us in separate rooms and started to interrogate. I was interrogated by Mayor Kolesnichenko who acted quite legitimately and did not coerce me physically or mentally. After the interrogation I was left alone in the room for an hour. When he returned he informed me that I was free. They let me go from the Organized Crime Investigation Division at 2:00 AM on 28 June 2014. I had reached Donetsk in four days. As I had no documents with me I had to hide away from the policemen and the military men all the time on my way there. As I had reached Donetsk I was undergoing medical treatment at hospital 14 for about two weeks.”

Igor, a resident of Kivertsi (the Volyn region).

“I had been living in the Western Ukraine and had been a deputy from the Party of Regions before the war. During the coup I participated in Anti-Maidan. As I was in the Western Ukraine I saw the development of ideas of fascism.

I had been going to Kharkov and Donetsk to take an active part in the protest movements, and had been distributing the literature on Norovossiya in the Western Ukraine after the coup.

As I got to know later, there had been a person from the Security Service of Ukraine in the Party of Regions. That is why the Security Service of Ukraine had been monitoring our phone conversations and had been aware of all our meetings.

I was arrested in the beginning of September 2014. I had been walking when a car stopped in front of me. The people in balaclavas got off the car and came to me running. They put me in handcuffs, put a bag on my head and said insulting words ‘Jewish moscal’ to me, knocked out my front teeth and brought me to some garage. There was a mark on their black uniforms from the back “SBU” (that stands for ‘the Security Service of Ukraine’).

бив при этом фразой «жидовский москаль», выбили передние зубы и отвезли в непонятный гараж. На спине на черной форме у этих людей была надпись «СБУ».

В гараже с меня сняли мешок. Я чувствовал, что за моей спиной стоит человек. Вошел кто-то из старших и начал от меня требовать рассказать все о моей деятельности. На просьбу предоставить мне телефон для того, чтобы позвонить своим родным, я получил удар в голову. После небольшой словесной перепалки мне сказали, чтобы я подумал, потом старший ушел, я остался в этом гараже с охранником.

В гараже я провел около четырнадцати часов, после чего мне на голову опять надели мешок и повели, как я предполагаю, по территории СБУ. Меня завели в кабинет к оперуполномоченному, который потребовал рассказать обо всем, чем я занимался в политическом плане. Я ему отвечал, что ничем не занимался, а в Донецк ездил к своей девушке. Далее в кабинет вошел следователь СБУ и начал в мягкой форме просить меня написать всю информацию. Я отказался это делать, после чего мне показали распечатку моих телефонных звонков и сказали, что против меня могут дать показания два человека. Началось небольшое психологическое давление, меня начали пугать тюрьмой, угрожали посадить в одну камеру с представителями «Правого сектора».

На допросе по моему требованию мне предоставили бесплатного адвоката, однако его деятельность носила чисто технический характер – в основном он уговаривал меня пойти на сделку со следствием.

После нескольких часов допроса меня отвезли в СИЗО города Чертовка, где поместили в отдельную камеру. Адвокат также присутствовал и также пытался уговорить меня пойти на сделку со следствием.

Через день после того, как меня привезли в СИЗО, был еще один допрос – такого же характера, как и предыдущий.

Через три дня после задержания меня повезли в суд, где мне должны были избрать меру пресечения. Когда меня завели в суд, я начал жаловаться, что мне плохо, начал терять сознание, забываться. Сотрудники СБУ предоставили мне своего врача, тот сделал укол, от которого у меня начала кружиться голова. Так как в сознание я толком не пришел, сотрудники СБУ поволокли меня в зал суда на второй этаж. Один держал меня за ноги, а второй волочил за наручники. Мой адвокат за этим не наблюдал, поскольку

They removed the bag from my head. I felt that there was a man behind me. Someone from the seniors entered the garage and started to demand that I should tell him everything about my activity. When I asked him to provide me with a phone to call my relatives I got a blow in my head. After the spar they told me to think it all over and the senior left me in the garage alone with a security guard.

I had spent about 14 hours in the garage before they put the bag on my head and brought me to the Security Service of Ukraine. They took me to an operations officer's room. He demanded that I should tell him everything about my political activities. I told him that I had not been doing anything and I had gone to Donetsk to visit my girl-friend. And investigator of the Security Service of Ukraine entered the room and kindly asked me to write down all the information. I refused. They showed me the list of my phone calls and told me that two persons could give evidence against me. They started to coerce me mentally, but slightly. They threatened me by imprisonment and by putting me in the cell together with the Right Sector representatives.

During the interrogation they provided me with a free lawyer at my demand. But his aid was rather fictitious as he only tried to incline me to cooperation with the investigation.

After a few hours of interrogation they took me to the Chortkov pretrial detention center and put me in a separate cell. My lawyer was present there and tried to incline me to cooperate with the investigation again.

In a day after I had been transferred to the Chortkov pretrial detention center they interrogated me again. That interrogation was just the same as the previous one. They brought me back to the pretrial detention center after the interrogation.

In three days after my detention they took me to the court for selecting a measure of restraint.

When I entered the building of the court I started to complain that I was feeling not good, started to lose consciousness and suffocate. The servicemen of the Security Service of Ukraine called their doctor who injected me with some medicine that caused dizziness. As I could hardly regain consciousness the servicemen of the Security Service of Ukraine dragged me upstairs to the first floor to the courtroom. One of them took my legs and the other one dragged me holding my handcuffs. As far as I could remember journalists of Ukraine TV Channel and 1+1 Channel were present in the building of the court, but nobody let them in the courtroom. During the trial I lost consciousness and fell down under the

в ответ на мою просьбу как-то отреагировать на происходящее удалился из комнаты.

Насколько я помню, в суде присутствовали журналисты каналов «1+1» и «Украина», однако в зал суда их не пускали. Адвокат тоже отсутствовал. На заседании суда я потерял сознание и упал под лавку, в чувство меня не приводили. Мне избрали меру пресечения в виде содержания под стражей и отвезли в СИЗО города Черткова.

Врачи СИЗО не хотели меня принимать, однако после угроз со стороны СБУ меня все-таки приняли и отвели в камеру. Там мне опять стало плохо, начались судороги. Врачи СИЗО оказали мне медицинскую помощь.

Где-то через неделю моего пребывания в СИЗО моя семья наняла мне адвоката. Фамилию его я не помню, однако могу сказать, что в итоге он был убит. Этот адвокат приходил ко мне на свидание, мы с ним беседовали, я ему рассказывал все как есть, после чего им была подана апелляционная жалоба на решение суда первой инстанции об изменении мне меры пресечения.

Апелляционный суд менять меру пресечения отказался, и я полтора месяца находился в СИЗО. Все это время мой адвокат пытался подавать всякого рода жалобы, ходатайства, привлекал общественность, однако результата его деятельность не принесла.

Поскольку до войны я занимался охраной памятников еврейской культуры, меня, видимо, по этой причине не избивали, так как сотрудники СБУ знали, что мы хотим привлечь к защите мои культурные связи с США.

Для недопущения шумихи вокруг моего дела правительству Украины выгодней всего было обменять меня как военнопленного, поэтому в один из дней моего пребывания в СИЗО меня забрали сотрудники СБУ и повезли в Харьков. До этого в суде мне изменили меру пресечения на домашний арест.

В Харькове я находился в здании СБУ, где провел несколько дней. После этого меня перевели в Днепропетровск на базу батальона «Донбасс», там я пробыл две недели. Меня и еще нескольких пленных заставляли работать: выкорчевывать кусты, чистить помойные ямы. Также было психологическое давление: нас заставляли копать себе могилы, имитировали расстрелы. По утрам нас постоянно выводили на зарядку, где также издевались. Например, если мы не выполняли требования по упражнению, то сразу получали удар по корпусу.

bench. Nobody tried to revive me. A lawyer was not present at the trial. After the trial a measure of restraint in the form of custody was selected. They transferred me to the Chortkov pretrial detention center.

The doctors of the pretrial detention center did not want to take me over from the Security Service of Ukraine. But after threats from the servicemen of the Security Service of Ukraine they took me over and brought to a cell. In the cell I started to feel sick and I was seized with convulsions. The doctors of the pretrial detention center provided me with medical aid.

As a week of my stay in the pretrial detention center passed, my family hired a lawyer for me. I do not remember his last name but I can tell that he has been killed in the end. That lawyer visited me, we had a conversation and I told him all the truth. Then he made an appeal from a decision of the first instance court in order to change the measure of restraint.

The Court of Appeal refused to change the measure of restraint. After that I spent one and a half months in the pretrial detention center. During this period of time my lawyer made several appeals, applied several petitions, and tried to draw public attention to my case but his actions did not bring any result.

I was not beaten in the pretrial detention center apparently due to the fact that I had been dealing with the protection of monuments of Jewish culture before the war started. The servicemen of the Security Service of Ukraine knew that we wanted to use my cultural ties with the United States for my protection.

To avoid any noise over my case the Ukrainian government decided to send me for a prisoner swap. That is why the servicemen of the Security Service of Ukraine transferred me from the pretrial detention center to Kharkov. Before taking me to Kharkov they delivered me to the court where the measure of restraint was changed to house arrest.

I spent a few days in the Security Service of Ukraine in Kharkov. Then they transferred me to the base of the Donbass battalion near Dneprodzerzhinsk, where we spent two weeks. They made some captives and me do hard physical labor: remove the roots of the bushes and clean out cesspools. They coerced us mentally: they forced us to dig the graves for ourselves and imitated executions. At morning they made us do physical exercises and were mocking at us. If we did not do the exercise the way they demanded they beat us in our bodies.

The soldiers of the battalion were constantly shooting at the barn where we were living. The soldier with the female nickname, Margarita,

Боевики батальона постоянно стреляли из автоматов в сарай, где мы жили. Особенным зверством отличался боец с женским позывным, по-моему, Маргарита: его отличием было то, что он брал под свой личный контроль некоторых военнопленных и издевался над ними с особой жестокостью.

Через две недели меня перевели обратно в СБУ Харькова, где я пробыл до самого обмена, который состоялся 22 ноября 2014 года.

Рассказывает Вячеслав, уроженец города Одессы:

– Примерно с января 2014 года я принимал активное участие в протестном движении против произвола украинской власти в Одессе. Я участвовал в организации митингов и демонстраций. Все акции, которые проводились с моим участием, были исключительно мирные. В каких-либо боевых или вооруженных столкновениях участия я не принимал.

22 марта 2014 года я встретился со своими знакомыми. Мы обсуждали политическую обстановку и общались на темы «майданного» переворота в Киеве и его последствий для Одессы.

После окончания разговора – это было около 16:30 – мы вышли из здания (всего нас было четверо), и я предложил подвезти их, поскольку был на машине. Когда мы подходили к моему автомобилю, к нам подъехали вооруженные автоматами люди в гражданской одежде и в балаклавах, их было примерно 20 человек. Они не представились, сразу набросились на нас и стали избивать. Один из моих знакомых смог отойти в сторону и стал снимать эти действия на мобильный телефон.

Избиение продолжалось минут десять, я получил телесные повреждения в виде разбитой головы от удара прикладом (впоследствии был установлен диагноз «сотрясение головного мозга», накладывались швы на рану). Также был сильный ушиб левой ноги. Мои знакомые также получили серьезные телесные повреждения, требующие медицинской помощи.

Мою машину обыскали, хотя я не давал согласия на это, украли часть вещей. Затем всех нас посадили в разные машины и повезли в Киев. Меня посадили в автомобиль «Фольксваген транс-портёр» темно-синего цвета, руки стянули пластиковой стяжкой за спиной, при этом уложили меня лицом в пол, сели на сиденье, а ноги поставили на меня. По дороге в Киев была остановка на заправке, где, как я понял, были заменены номера автомобиля.

was extremely cruel. His distinguishing feature was in control over some prisoners of war. As he chose the prisoners he started severely humiliating those.

In two weeks I had been transferred back to the Security Service of Ukraine in Kharkov where I had been till the moment of the prisoner swap that took place on 22 November 2014.”

Vyacheslav, a native of Odessa.

“I had been taking an active part in the protest movement against the actions of the Ukrainian government in Odessa since January 2014. I helped to arrange rallies and demonstrations. All the actions I participated were peaceful ones. I did not take part in any armed conflicts.

On 22 March I met my friends to discuss the political environment and tackled the issue of the Maidan coup in Kiev and its effect on Odessa.

After the conversation we got out of the building. There were four of us. I offered to give a ride to my friends as I had a car. As we were approaching my car at 4:30 PM the armed people in plain clothes came driving to us. There were about twenty of them. They were wearing balaclavas. They did not introduce themselves but started to beat us. A friend of mine could stand aside and shoot a video on his cell phone. They had been beating us for 10 minutes. My head was injured as a result of a blow with the butt of a rifle. I was diagnosed with the brain concussion and I had my wounds sewed up later. There was a bad bruise on my left leg. The friends of mine also got grievous bodily injuries that demanded medical treatment. My car was searched, though I did not give my consent to the search. They stole some of my personal belongings. Then they put all of us into different vehicles and set off to Kiev. They put me into Volkswagen Transporter of the dark-blue color. They put plastic shackles on my hands behind back. They put me on the floor with my face turned to the floor. They took a seat and put their feet on my back. They stopped once at a gas station on our way to Kiev. As I understood, they changed the plate number there.

We arrived in Kiev at 10:30 PM. They took us out of the vehicles in the yard of some building. They made us kneel down while our hands were shackled behind back. Then they took us to the second floor of the building and put us in separate rooms. There was a man in the room whom I asked where we were brought and why. He replied that it was the central building of the Security Service of Ukraine. he did not tell me why they brought me there. This person searched me in the presence of two attesting witnesses. They were civilians and were speaking with

В Киев мы приехали около 22:30, нас выгрузили во дворе какого-то дома и поставили на колени. У всех нас были связаны руки за спиной. Потом нас подняли на третий этаж и развели по разным кабинетам.

В кабинете был человек, которого я спросил, куда меня привезли и зачем. Он ответил, что это центральное здание Службы безопасности Украины. На вопрос, почему меня задержали, ответа не последовало. Указанный человек обыскал меня. При этом присутствовали два гражданских понятых, которые говорили с западноукраинским акцентом и, как я понял по их разговору, являлись активистами Майдана в Киеве.

После обыска хозяин кабинета сообщил, что он следователь, и начал мне говорить, что я собирался стрелять в людей, что я работаю на Путина. Также он сказал, чтобы меня отвели в туалет, поскольку я был весь в крови. Я попросил медицинской помощи, так как на голове было две рваные раны. Через некоторое время пришел какой-то санитар, но не доктор, осмотрел меня и сказал, что нужно везти в скорую зашивать.

Меня не повезли в скорую, а начали допрашивать в качестве подозреваемого по части 1 статьи 294 УК Украины: стали обвинять в организации терактов в Одессе в морском порту, в зданиях администрации, аэропорта, УВД. Однако я сообщил, что не имею к этому никакого отношения. Кроме того, я потребовал адвоката. Мне его сразу же предоставили. Это была женщина по имени Светлана. Общаясь с ней, я понял, что ее муж работает (или работал) в СБУ. Она общалась со следователем, как с хорошим знакомым. Я понял, что адвокатской помощи от нее ждать бесполезно, она участвует в этом деле формально и не собирается защищать меня. К примеру, видя, что я избит, она сказала, что жалобу или претензии предъявлять не нужно.

В ходе допроса следователь по телефону сообщил моей жене, что я задержан.

После допроса меня отвезли в скорую, где мне наложили швы, а потом отвезли в ИВС при СБУ и посадили в камеру. В этой камере я провел в общей сложности три месяца – до 4 июля 2014 года. Потом меня перевели в Лукьяновский СИЗО, где я находился до 2 октября.

За это время меня неоднократно выводили на допросы. Дело вел следователь Андрей Васильевич Лебедев, на избрании и продлении меры пресечения в виде содержания под стражей в суде присутствовал прокурор Василенко.

western Ukrainian accent. As I understood from their conversations they were activists of the Maidan in Kiev.

After the search the man informed me that he was an investigator. He told me that I was going to shoot at people and that I was working for Mr. Putin. He also asked to take me to the bathroom as I was smeared with blood. I asked for medical assistance as I had two avulsed wounds on my head. In a while a hospital attendant, but not a doctor, came to me. He examined the wounds and said that I had to be delivered to a hospital to get my wounds sewed up.

They did not take me to the hospital because they started to interrogate me. They interrogated me as I was suspected of crimes according to Article 294, Part 1 of the Criminal Code of Ukraine.

They started to accuse me of organizing of terrorist attacks in Odesa: in the seaport, in the building of Administration, in the airport, in the building of the ministry of internal affairs. I informed them that I had nothing to do with it. Moreover, I demanded that they should appoint a lawyer to me. They provided me with the lawyer. Her name was Svetlana. As I got to know from our conversation, her husband was working or had worked for the Security Service of Ukraine. She communicated with the investigator as if he was a friend of hers. I understood that it was useless to expect any help from her side. Formally she was my lawyer but she was not going to defend me. She saw that I was beaten but told me that it was not necessary to write complaints about it. During the interrogation the investigator phoned my wife and informed her that I had been detained.

After the interrogation they brought me to the hospital where my wounds were sewed up. Then they brought me to the temporary detention center at the Security Service of Ukraine and put me in a cell. In total, I spent 3 months in that cell. I had been there till 4 July 2014, and then they transferred me to the Lukyanovskoe pretrial detention center, where I was till 2 October 2014.

During this period of time they were taking me for interrogations several times. Andrey Vasilievich Lebedev was dealing with my case. Prosecutor Vasilenko was present in the courtroom when a measure of restraint was selected and changed.

During the interrogation they suggested that I should sign confessional statements. (As I got to know later, all friends of mine who were detained together with me signed these confessional statements. One of them almost completely lost ability to see because he was badly beaten during the process of the detention). They were coercing me into admis-

В ходе этих допросов мне было предложено подписать признательные показания (как я потом узнал, такие показания подписали мои знакомые, задержанные вместе со мной; один из них практически потерял зрение, поскольку его очень сильно избили в момент задержания). Меня вынуждали признаться в организации беспорядков и попытке захвата здания обладминистрации города Одессы.

После избрания меры пресечения я решил сменить адвоката. Мне это удалось, но новый адвокат также был связан со следствием, он предлагал дать взятку в размере 100 тысяч долларов США, чтобы меня выпустили из СИЗО. После этого моя жена наняла другого адвоката, который работал со мной с августа 2014 года. Он выполнял все функции защитника добросовестно: писал жалобы по факту моего избиения, ходатайства следствию и проч.

2 октября меня отконвоировали в канцелярию СИЗО, где на руки выдали постановление о прекращении уголовного дела и документ для получения бесплатного билета на поезд в Одессу. Но на выходе из СИЗО меня и еще одного из моих знакомых встретили сотрудники СБУ, надели наручники и повезли на машине в Харьков. Я им объяснял, что дело закрыто и я имею право ехать домой, но они только смеялись в ответ.

В Харьков мы приехали 3 октября около 2:30. Нас привезли в ИВС, посадили в камеру, где мы пробыли примерно до 14 часов. После этого нас и еще нескольких человек вывели из камер и передали бойцам батальона «Донбасс». Нас рассадили по автобусам и повезли в Днепропетровск. По дороге пересадили в другой автобус, в котором находились вооруженные пулеметами люди, сказавшие нам, что при малейшем неподчинении откроют огонь. У нас у всех на руках были пластиковые стяжки.

Затем нас привезли в загородный лагерь для пленных. Там мы пробыли неделю. В лагере были бойцы подразделения «Днепр-1». Они всячески издевались над нами, заставляя отжиматься, петь гимн Украины, кричать «Слава Украине!», «Путин х..ло!». Меня не били, но я видел, как избили двоих пленных. Бойцы вели себя агрессивно, говорили, что наша жизнь ничего не стоит и они запросто могут нас перестрелять.

В этом лагере был полуразрушенный сарай, где мы неделю спали на полу. Было достаточно холодно, поскольку это был октябрь месяц. Одного пленного заставили показательно копать себе могилу, сообщили, что сейчас расстреляют. Я видел, как его заставили ползать по земле и при этом стреляли над головой.

sion of the fact that I took part in arrangements of riots and attempted to occupy the building of the Regional Administration in Odessa.

When the measure of restraint was selected I decided to change the lawyer and I managed to do that. As a new lawyer was also cooperating with the investigator he advised me to give a bribe amounting to 100 000 USD to get out of the pretrial detention center. Then my wife had hired a new lawyer who had been working with me since August 2014. He performed his function of defense in a proper way: he wrote complaints on the beatings, applied the petitions, etc.

On 2 October 2014 they convoyed me to the office of the pretrial detention center, where I was given a resolution on the termination of the criminal case and the document that would allow me to get a free train ticket to go to Odessa. But servicemen of the Security Service of Ukraine were waiting for my friends and me at the exit of the pretrial detention center. They put us in handcuffs and brought us to Kharkov by car. I explained that the criminal case was terminated and I had the right to go home, but they were just laughing at me.

We arrived in Kharkov on 3 October 2014 at 2:30 AM. They brought us to the temporary detention center, put us in a cell where we were till 2:00 PM. Then they took us and some other people out of the cells and handed over to the soldiers of the Donbass battalion. They put us into buses and set off to Dnepropetrovsk. On our way there we changed a bus. We sat in the other bus. There were people armed with machine-guns. They told us that they would fire if we disobeyed. We all were wearing plastic shackles on our hands. Then they took us to a camp for prisoners where we spent a week. Soldiers of the Dnepr-1 battalion were there. They were humiliating us. They made us push ourselves up from the ground and sing the national anthem of Ukraine. They forced us to shout "Glory to Ukraine" and to shout out some offensive words addressed to Mr. Putin. They did not beat me there but I saw the soldiers beating two captives. The soldiers' behavior was very aggressive, they told us that our lives were not worth anything and that they could easily shoot all of us. There was a rundown barn where we were sleeping on the floor for a week. It was rather cold there as it was October. They forced one of the captives in a very emphatic manner to dig the grave for himself. They told him that they would shoot him. I saw him groveling upon the ground while the soldiers were shooting over his head.

In four days a group of 20 recruits arrived at the camp. They were led by a military instructor from Israel. They got us lined up and the instructor said that he was a citizen of Israel and came there to train the

Через четыре дня в лагерь прибыла группа военных – двадцать новобранцев во главе с инструктором из Израиля. Нас построили, этот инструктор сам сообщил, что является гражданином Израиля и прибыл тренировать «Днепр-1». Сказал, что если мы попробуем говорить с новобранцами, он нас расстреляет.

Еще через два дня нас посадили в автобус и отвезли в здание СБУ Днепропетровска, поместили в подвал, где мы спали на полу. После ночевки нас опять посадили в автобус и отвезли в СБУ Харькова, где я пробыл в камере до 19 октября.

В этот день меня, моего знакомого и еще троих человек посадили в машину и отвезли в город Изюм. Там мы просидели в машине с 5:00 до 12:30, затем нас вывели, надели на головы мешки и завели в подвал Изюмского СБУ, где приковали наручниками к батарее и приказали не снимать мешки, иначе расстреляют. В таком положении мы провели шесть дней. Нас немного кормили, два раза в день выводили в туалет. Все это время мы были в мешках, нам постоянно угрожали расстрелом. Через шесть дней я уже еле мог встать на ноги.

25 октября все так же с мешками на головах нас вывели и загрузили в крытый грузовик. Как я понял, нас опять передали какому-то территориальному батальону. Бойцы этого подразделения избили нас ногами, а потом отвезли в СБУ Харькова, где мы пробыли в камерах еще два дня.

28 октября 2014 года в 5:30 нас вывели, посадили в машину и повезли в город Славянск на обмен. В Славянске пересадили в автобус и под охраной бойцов с пулеметами отвезли в город Счастье. Там, на блокпосту, который контролировался украинскими военными, произошел обмен. После обмена я перебрался в Донецк и нахожусь здесь по настоящее время.

Хочу отметить, что, находясь в заключении в Киеве, я неоднократно обращался за медицинской помощью в медчасть СИЗО, поскольку в результате травмы головы стал терять зрение, память, не мог прямо ходить. В медчасти СИЗО я проходил лечение у невропатолога. Я настаивал на том, чтобы мне сделали томографию головного мозга, однако получил отказ.

Рассказывает Евгения, уроженка города Мариуполя:

– Примерно с марта 2014 года я принимала активное участие в протестном движении против произвола украинской власти в городе Мариуполе, в организации митингов и демонстраций,

Dnepr-1 battalion soldiers. He said that he would shoot us if we tried to speak to recruits.

In two days after that they put us into a bus and transferred to the Security Service of Ukraine in Dnepropetrovsk. They put us into the basement where we were sleeping on the floor. After we spent a night there they again put us into a bus and transferred to the Security Service of Ukraine in Kharkov. They put me in a cell where I was till 19 October 2014. Early in the morning they put a friend of mine, me and three more people into a vehicle and transferred to Izium. We had been sitting in the vehicle from 5:00 AM till 12:30 PM. Then they took us out of the vehicle, put bags on our heads and put us into the basement of the Security Service of Ukraine in Izium. They shackled us to a heating radiator and ordered us not to take the bags off under the threat of shooting. In such a position we spent 6 days. They were giving us small portions of food, took us to the toilet twice a day and we were wearing the bags on our heads all the time. All the time they were threatening to kill us. In six days I could hardly stand up.

On 25 October 2014 they took us out of the basement still with the bags on our heads and put us into a covered truck. As I could understand they handed us over to some territory battalion. The soldiers kicked us and took us to the Kahrkov Security Service of Ukraine, where we spent two days in cells.

On 28 October 2014 at 5:30 AM they took us outside, put us into a vehicle and set off to Slaviansk for a prisoner swap. In Slaviansk they put us into a bus and conveyed us to Shchastya under guard of soldiers armed with machine-guns. The prisoner swap took place at a checkpoint that was under control of Ukrainian servicemen. After the swap I reached Donetsk. I live in Donetsk now.

I would like to point out that during my detention in Kiev I asked for medical assistance several times in the medical section of the temporary detention center. The head injury that I had got resulted in partial loss of ability to see, partial memory loss and loss of ability to walk straight. In the medical section of the temporary detention center I underwent medical treatment under the neurologist's control. I insisted on scanning of the brain but my inquiry was rejected.”

Evgeniya, a resident of Mariupol.

“I had been participating in the protest movement against the actions of the Ukrainian government in Mariupol since March 2014. I took part in arrangements of rallies and demonstrations which took

которые происходили в этом городе после «майданного» переворота в Киеве. Митинги были направлены на мирное выражение протеста, в боевых или вооруженных столкновениях я участия не принимала.

Также отмечу, что 7 апреля 2014 года я присутствовала на провозглашении акта о независимости в Донецке, а после приехала в Мариуполь и зачитала его на площади перед горисполкомом.

14 сентября я находилась у себя дома в Мариуполе. Около 13:00 со двора дома я услышала крик моей мамы: «Кто вы такие? Уходите!» Я открыла входную дверь и увидела на пороге вооруженного человека – в гражданской одежде, но в балаклаве. Рядом с этим человеком была моя дочь, которой на тот момент был 21 год.

Этот человек, не представившись, приказал мне встать на колени лицом к стене. Перед этим появился еще один человек, тоже в гражданской одежде и в балаклаве, который надел мне на руки пластиковую стяжку. Я выполнила указание и встала на колени лицом к стене, поскольку испугалась. Первый человек, втолкнув мою дочь в комнату, зашел в дом, забрал у нее и у меня телефоны. После этого приказал взять документы. Он не пояснял, кто он и зачем он здесь.

Меня вывели из дома, и я увидела, что молодой человек моей дочери стоит на улице в наручниках возле своей машины. Меня посадили в легковую машину с тонированными стеклами (без каких-либо знаков, свидетельствующих о принадлежности к правоохранительным органам). В машине мне надели на голову целлофановый пакет темного цвета, чтобы я не могла видеть, куда меня везут.

В машине был человек без маски в камуфляжной форме. Угрожая расстрелом, он приказал мне петь гимн Украины. Я успела заметить шеврон на его форме – добровольческий батальон «Азов».

По направлению движения машины я понимала, что меня везут в сторону аэропорта города Мариуполя.

Затем машина остановилась, меня повели в какое-то здание, я смогла подсмотреть и окончательно убедилась, что нахожусь на территории аэропорта. Меня завели в комнату и сняли мешок. В комнате я пробыла до вечера, мне так и не объяснили, кто и зачем меня задержал.

Вечером, когда уже стемнело, пришел охранник, приказал надеть мешок на голову и повел на улицу. Все это время мои руки были перетянуты пластиковой стяжкой.

place in the city after the Maidan coup in Kiev. The rallies I helped to organize were aimed at peaceful demonstration of the protest. I never took part in any armed conflicts.

I would like to point out that I was present at the proclamation of the independence declaration in Donetsk and then went to Mariupol to read it on the square in front of the Executive Committee.

On 14 September I was home in Mariupol when at 1:00 PM I heard my mother screaming from the yard, “who are you? Go away!” I opened the door and saw a man in the doorway. He was in plain clothes and a balaclava. My daughter, who was 21, was next to him.

Another man wearing plain clothes and a balaclava appeared and put plastic shackles on my hands. The other man who did not introduce himself ordered me to kneel down and turn my face to the wall. I obeyed and knelt down turned to the wall as I was afraid. The first man I saw entered the house and pushed my daughter inside. He took away my and my daughter’s phones and ordered to take the documents. He did not explain who they were and why they came to our house.

They took me out of the house and I saw my daughter’s boyfriend being put in handcuffs near his car. They put me into the car (the car was with tinted windows; there were no marks identifying the car as one of the law enforcement bodies). They put a black plastic bag on my head so that I could not see where we were going.

At the same time there was a barefaced man in a uniform in the car. He ordered me to sing the national anthem of Ukraine. I noticed ‘the Azov volunteer battalion’ chevron on his uniform. He threatened to shoot me.

Judging by the direction the car was driven I understood that we were going towards the Mariupol airport.

They stopped the car and took me to some building; I could peep and became sure that I was on the territory of the airport. They took me to a room and removed the bag. I had been in the room till the evening and nobody explained why I was detained and who these people were.

A security guard came and ordered to put the bag on my head and took me outside when it got dark in the evening. All the time I was kept in plastic shackles.

They took me to a room and ordered me to sit down on the floor in a certain position and turn my face to the wall and a heating radiator. The bag was on my head but I could see what was beneath. I saw a bloodstained cloth near the heating radiator.

Меня завели в помещение, приказали сесть на пол в определенном положении лицом к стене и отопительной батарее. Мешок был на голове, но я могла видеть, что внизу. Возле батареи была окровавленная тряпка.

За спиной у меня были, как я поняла, два человека. Они начали мне угрожать, что если я сейчас буду им врать, то меня будут бить. Мне нанесли в спину два удара ногой. После этого стали задавать разные вопросы относительно моего участия в протестном движении. Спрашивали, с кем я контактировала и где оружие. Вопрос об оружии задавался много раз, но я поясняла, что к оружию не имею никакого отношения.

Допрос продолжался не менее четырех часов. Меня избивали ремнем, нанесли не менее пяти ударов, от которых я чувствовала резкую боль. Обещали прострелить ногу, угрожали расстрелом, приставляли оружие к телу. Неоднократно угрожали изнасилованием, говорили, что отдадут на растерзание бойцам. Я спрашивала: «Кто вы?» – но мне так и не представились. Никаких документов подписывать не предлагали. Потом отвели обратно в камеру.

На следующий день ситуация дважды повторилась: меня опять с мешком на голове водили к этим людям, усаживали к батарее, задавали вопросы, периодически избивали ремнем.

На третий день моего задержания я снова находилась в комнате, где меня били и допрашивали. Один из пытавших сказал: «У нас нет оснований тебя задерживать, поэтому тебе придется подержать гранату в руках и поставить на карте города отметки авторучкой».

Мне вложили в руку гранату, дали карту Мариуполя, я наугад на пустырях поставила отметки в виде кружочка с крестиком. При этом у меня спросили, куда во дворе моего дома положить оружие и боеприпасы. Я не могла сопротивляться и ответила, чтобы положили в сарай.

После этого меня отвели в камеру. На следующий день опять водили в эту комнату, где предлагали на компьютере в социальных сетях опознать лица людей, принимавших участие в протестном движении.

Хочу отметить, что всего в аэропорту я провела четыре дня. Только к вечеру четвертого дня мне принесли телефон и сказали, что позвонят своему сотруднику, который находится возле моего отца, у меня дома. Я должна была сказать отцу, чтобы тот пустил

There were two men behind me, as I could understand. They said that they would beat me if I told lies. They kicked me in the back twice. Then they asked several questions about my participation in the protest movement. They asked about the people I contacted and about the location of the weapon. They asked several times where the weapon was but I explained that I had nothing to do with it. The interrogation lasted for more than four hours. During the interrogation they hit me with a belt not less than five times. That caused sharp pain. They promised to shoot at my leg and threatened to shoot me and placed the gun against my body. They threatened to rape me and told me that they would give me up to the soldiers. I asked who they were but they did not introduce themselves. They did not suggest that I should sign any documents. Then they brought me back to the cell.

Next day the same things happened. They took me again to those people. With the bag on my head I was placed near the heating radiator. They were asking the same questions and hitting me with the belt from time to time.

On the third day of my detention I was again put in the same room, where I was beaten and interrogated. One of those who tortured me said that they did not have any reasons to detain me and that I had to hold a grenade in my hands and put some marks on the map of the city. They put the grenade in my hand, gave me the map of Mariupol and I put some marks in the form of a circle with a cross on waste areas at random. They asked where they could put ammunition and weapons in the yard of my household. I could not resist and asked them to put it in the barn. Then they brought me to the cell. Next day they took me again in that room and suggested that I should recognize the people who took part in the protest movement. They were showing the people from the social networks on the computer screen.

I would like to point out that I spent four days in the airport. On the evening of the fourth day they brought me a phone and said that they would phone their colleague who was next to my father at my place. They asked me to tell my father to let their group in for the search. I obeyed and asked my father not to resist.

Then they put me with the bag on my head and the shackles on my hands into the car and took me to the Security Service of Ukraine in Mariupol. That happened on 17 September 2014 at 6:00 PM.

Dmitry Gennadievich Sapegin, an investigator of the Security Service of Ukraine in Mariupol was dealing with my case. He informed me that they suspected me of storing of ammunition and I would be accused

во двор группу для проведения обыска. Я выполнила их требования и попросила отца не препятствовать им.

После этого меня опять с мешком на голове и в наручниках отвели в машину и отвезли в СБУ города Мариуполя. Это произошло 17 сентября около 18:00.

В СБУ Мариуполя моим делом занялся следователь СБУ Дмитрий Геннадьевич Сапегин, который сообщил, что я подозреваюсь в хранении боеприпасов и мне инкриминируют статью 263 УК Украины. Также он мне показал экспертизу относительно оружия, которое «обнаружили» у меня во дворе в сарае.

После этого с моим участием проводились следственные действия в виде допроса. Протокол допроса я подписала не глядя, поскольку очень устала, было поздно, а следователь давил на меня психологически и требовал все подписать.

Утром мне предоставили бесплатного адвоката, женщину по фамилии Царева, которая не оказывала мне никакой помощи, но, напротив, пыталась склонить меня согласиться на обмен. Я поясняла ей, что меня три дня избивали, есть большие гематомы, можно провести освидетельствование и написать жалобу, но она не содействовала мне в этом, не глядя подписала протокол допроса, после чего меня повезли в суд.

В ходе судебного заседания я сообщила судье, что была задержана четыре дня назад. О том, что меня били и что оружие мне подбросили, я не говорила, опасаясь мести этих людей. Судом в отношении меня была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей сроком на два месяца.

После суда меня отправили в ИВС, на следующий день с утра меня возили к врачам, которые провели освидетельствование. Я рассказала им, что меня били. При поступлении в СИЗО я также сообщила медикам о факте моего избиения, и врач вызвал милицию. Я написала заявление по факту избиения, его приняли.

Пока я находилась в СИЗО Мариуполя, мой муж нанял другого адвоката, который активно включился в процесс моей защиты, писал жалобы; сообщил, что по факту моего избиения материал зарегистрирован в едином реестре преступлений. Однако результат по этому делу мне не известен, поскольку в декабре 2014 года я была освобождена по обмену.

25 декабря 2014 года меня забрали из СИЗО и отвезли в суд. Заседание проходило формально, судья сообщила об отмене меры пресечения, меня сопроводили в здание СБУ, потом отвели в ав-

of crime according to Article 263 of the Criminal Code of Ukraine. He showed me the expertise regarding the weapons which had been detected in the barn of my household.

Then I took part in the investigative actions in the form of interrogation. I signed the interrogation protocol without reading because I was very tired, it was late then and the investigator coerced me mentally and demanded that I should sign the documents.

A free lawyer was appointed to me in the morning. It was a woman whose last name was Tsreva. She provided me with no legal aid and tried to incline me to agree for a swap. I explained that I had been beaten for three days, that I had big hematomas and that we could write a complaint after having a medical examination but she did not support me. Moreover, she signed the interrogation protocol without reading. Then they took me to the court.

During the court session I informed the judge that I had been detained four days ago. I did not tell the judge that I had been beaten and that the weapons had been planted to my place because I was afraid of revenge of those people. The court selected a measure of restraint in the form of two months' detention.

After the trial I had been transferred to the temporary detention center and the next morning they brought me to a medical examination. I told the doctors that I had been beaten. When I arrived in the pretrial detention center I also informed the doctors that I had been beaten and they called the police. I wrote a complaint about the beatings and it was accepted.

When I was in the Mariupol pretrial detention center my husband hired another lawyer who started to defend me. He wrote complaints and informed me that the material regarding the beatings had been registered in the Unified Register of Pre-trial Investigations. But I don't know the result as I have been released in December 2014 after the prisoner swap.

On 25 December 2014 they transferred me from the pretrial detention center to the court. The court session was formal. The judge informed about the change of the measure of restraint and after I left the court room they transferred me to the Security Service of Ukraine. Then they put me into the bus, put plastic shackles on my wrists and put some paper on my eyes and wrapped it with adhesive tape and took me for the prisoner swap.”

Vladimir, a native of Mariupol.

“I had been working at Ilyich Iron and Steel Works in Mariupol before the war. When protest movements against the illegal change of

тобус, надели на руки пластиковую стяжку, на глаза положили бумагу, замотали скотчем и отвезли на обмен.

Рассказывает Владимир, уроженец города Мариуполя:

– До войны я работал на Мариупольском металлургическом комбинате имени Ильича. Когда на Юго-Востоке Украины начались выступления населения против незаконной смены власти в Киеве, я их активно поддержал. Участвовал в обороне Мариуполя.

12 июня 2014 года был захвачен штаб ДНР в Мариуполе. Я в этот момент находился в разведке на окраине города на своей машине. Утром снялся с поста, поскольку надо было ехать на работу. Когда приехал на завод, мне позвонил один из ополченцев и сказал, что на наш штаб напали азовцы (боевики батальона «Азов»). После того как я получил данную информацию, начал скрываться в городе.

30 июня я собирался идти в ночную смену. Вышел из подъезда, встретил соседа, стали разговаривать. В этот момент к нам подъехал микроавтобус, из которого выбежали три человека в военной форме с балаклавами на головах; знаков отличия на них не было. Сразу положили меня и соседа лицом в землю. Мне на голову надели мою футболку и кинули в микроавтобус, соседа после разбирательства отпустили.

Меня отвезли в Ильичевский РОВД – я понял это, поскольку футболка была полупрозрачной и я мог через нее видеть. Там спустили в подвал, где находится их тир. Постелили пленку на полу, поставили табурет, посадили на него и начали допрашивать с применением пыток. Били меня автоматами, ногами, шомполом от автомата Калашникова. Сломали нос, два ребра, выбили колено. Имитировали расстрел: приставили пистолет к голове, в последний момент отвели и выстрелили.

На допросе спрашивали, кого я знаю из ополченцев и где они находятся, какие данные есть по ДНР, местоположение частей ополчения; проверяли телефон, номера. Никакого признания в тот вечер от меня не добились.

При пытках присутствовали сотрудники СБУ, один представитель «Правого сектора», а также пограничники воинской части Мариуполя, которая находится на проспекте Гагарина.

После допроса меня повезли в Орджоникидзевский РОВД, где меня допросил следователь. Во время допроса меня опять избили.

government started in the south-east of Ukraine I supported these movements. I also was taking an active part in ensuring the defense of Mariupol.

On 12 June 2014 the headquarters of the Donetsk People's Republic was occupied. At the same time I was spying out in the outskirts of Mariupol in my car. In the morning I left the post as I had to go to work to the factory. As I arrived one member of the militia phoned me and said that soldiers of the Azov battalion attacked our headquarters. As I got this information I started to hide in the city.

On 30 June 2014 I was going to nightshift. As I got out of the entry to the block of flats I met a neighbor and we had a conversation. This very moment a van stopped next to us and three people in uniforms and balaclavas came running to us. They did not have any identification marks. They put my neighbor and me with our faces turned to the ground. They pulled my T-shirt on my head and put me into the van. My neighbor was let go after the investigation.

Then they transferred me to Ilyichovsk Regional Department of Internal Affairs. I understood that because my T-shirt was a bit transparent and I could see through it. They put me into the basement where was a rifle range. They put some film on the floor, put a stool, I sat on the stool and they started to interrogate me torturing. They were kicking me and beating me with rifles and with the gun-stick of AK. They broke my nose, two ribs and injured my knee. They imitated the execution: they placed the gun against my head and quickly displaced it before shooting.

They asked me which people from the militia I knew and where their locations were. They checked my phone and the phone numbers. They asked me about the data I knew about the Donetsk People's Republic. They asked where the militia parts were located. They did not get any confession from me that evening.

Servicemen of the Security Service of Ukraine, one representative from the Right Sector battalion and frontier guards from the Mariupol military part located on Gagarina avenue were present at torture.

After the interrogation they brought me to the Ordzhonikidze Regional Department of Internal Affairs, where an investigator interrogated me. They beat me again during the interrogation. Then they took me to the Mariupol temporary detention center, where I spent 24 hours. Then they brought me to the Orekhov temporary detention center of the Zaporozhye region where I spent 2 or 3 days. During my stay there they took me once for interrogation to an investigator and appointed a lawyer to me by my demand. Nobody told me about a lawyer and my rights be-

Потом отвезли в ИВС города Мариуполя, где я просидел сутки. Через сутки отвезли в Ореховский ИВС Запорожской области, где я пробыл двое или трое суток. За это время меня один раз забирали на допрос к следователю. Там по моему требованию предоставили адвоката. До этого про адвоката и мои права никто ничего мне не говорил. Адвокат реальной помощи не оказывал: вероятно всего, сотрудничал со следствием.

Когда я находился в Ореховском ИВС, просил медицинской помощи, поскольку после пыток чувствовал себя очень плохо, однако не получил: ее мне не предоставили.

На третьи сутки пребывания в Ореховском ИВС меня забрали оттуда и отвезли в СИЗО Запорожья, где я находился до 7 марта 2015 года. В этот день меня перевезли в СИЗО Мариуполя. Там я пробыл до обмена, который состоялся 26 августа 2015 года.

После освобождения снятся кошмарные сны – в них меня преследуют, расстреливают. До сих пор снится война.

Рассказывает Алексей, уроженец города Мариуполя:

– До марта 2014 года я проживал в городе Мариуполе и был предпринимателем в сфере торговли. После государственного переворота в феврале 2014 года я стал сторонником протестного движения «Антифашистский комитет Мариуполя», принимал участие в организации палаточного городка («Народной самообороны») перед зданием горисполкома Мариуполя. Также принимал участие в организации референдума о статусе ДНР, создании общественной организации «Молодое поколение Донбасса», которая была зарегистрирована в соответствии с украинским законодательством. Целью создания организации являлась помощь инвалидам, ветеранам, другим социально незащищенным слоям населения, создание спортивных лагерей для несовершеннолетних.

9 мая 2014 года я принимал участие в демонстрации жителей Мариуполя в честь Дня Победы и находился в составе колонны, которая направлялась к Вечному огню для возложения цветов. В этот момент услышал автоматные очереди, которые доносились со стороны городского отдела милиции, и вместе с другими активистами направился в сторону горотдела. По прибытии на место мы обнаружили раненых гражданских лиц, начали оказывать им первую медицинскую помощь и на попутных машинах отправлять в лечебные учреждения города.

fore that. The lawyer did not provide me with any help as he apparently had been cooperating with the investigator.

When I was in the Orekhov temporary detention center I asked for medical assistance as was feeling far from well after torture. Nobody provided me with medical help.

On the third day on staying at the Orekhov temporary detention center they transferred me to the Zaporozhye pretrial detention center where I was till 7 March 2015. That day they transported me to the Mariupol pretrial detention center where I had been till the prisoner swap. The swap took place on 26 August 2015.

After the release I have been suffering from the nightmares: in my nightmares I am being followed and being shot. I still see the war in my nightmares.”

Aleksey, a native of Mariupol.

“I had been living in Mariupol before March 2014. I had been running my own business in the trade sector. After the coup in February 2014 I supported the ‘Antifascist Committee of Mariupol’ protest movement, I took part in organization of the campground (People’s self-defense) in front of the building of the Mariupol Executive Committee. I also took part in organization of the referendum on the status of the Donetsk People’s Republic. I helped to found the ‘Young Generation of the Donbass’ social organization, which was registered according to the Ukrainian Law. The purpose of the founding of the organization was to provide the handicapped people, veterans and other socially vulnerable groups of people with necessary aid and to build sports camps for minors.

On 9 May 2014 I took part in a demonstration in honor of the Victory day in Mariupol. I was in the column that headed for the quenchless flame to lay down flowers. That very moment I heard bursts of automatic fire from the side of the city’s police headquarters. Together with some activists I went towards the city’s police headquarters. As we arrived I saw some wounded civilians and we started to provide them with first aid. As we found out, that day the Azov illegal armed formation had attacked the city’s police headquarters. As a result the police headquarters building was completely destroyed and about 10 policemen were killed. Some of the civilians were killed as well. These illegal actions resulted in high level of voter turnout to the referendum.

When the Azov battalion and the National Guard of Ukraine gained the control of Mariupol in June 2014, mass arrests started to happen in

Нами было установлено, что в этот день незаконное вооруженное формирование «Азов» устроило штурм горотдела милиции Мариуполя, в результате чего здание было полностью уничтожено, были убиты около десяти сотрудников милиции и несколько гражданских лиц. Следствием этих незаконных действий стала бо́льшая явка жителей города на референдум.

В июне 2014 года, после того как Мариуполь перешел под контроль «Азова» и нацгвардии Украины, в городе стали проходить массовые аресты, начали пропадать люди. Я был вынужден уехать из Мариуполя в Донецк, где прошел курс лечения заболевания почек. В Донецке я занимался волонтерской деятельностью.

В июле я вернулся в Мариуполь, где стал заниматься сбором информации относительно расположения блокпостов, воинских частей и незаконных вооруженных формирований и передавать ее в Донецк. 2 сентября мне сообщили по телефону, чтобы я немедленно покинул место своего нахождения в Мариуполе, так как готовится мой арест.

Примерно минут через пятнадцать после полученного предупреждения в мою квартиру ворвались бойцы «Азова», нанесли мне несколько ударов, в том числе и прикладами автоматов, надели мешок на голову, связали руки, закинули в автомобиль и отвезли в аэропорт Мариуполя. Там меня поместили в холодильную камеру и вечером повели на допрос.

На допросе мешок с меня не снимали, спрашивали, кому я передавал информацию и с какой целью. При этом меня избивали, потом насильно давали какие-то таблетки и делали уколы, после которых у меня темнело в глазах, сердце начинало очень сильно биться, я терял сознание.

В ходильной камере я находился до 6 сентября. При этом днем в камере невозможно было дышать, а на ночь боевики «Азова» ее включали. В камере нас было около шести человек. Мы очень сильно мерзли, так как спали на холодном кафеле и у нас не было теплой одежды. При этом в любое время к нам заходили бойцы «Азова» и избивали без какой-либо причины.

6 сентября меня вывезли в здание СБУ Мариуполя и передали следователю Алексею Юрьевичу Веклову, который подsunул мне листы бумаги с уже написанными показаниями и потребовал подписать их, не читая. При этом позади меня стоял человек с автоматом, который после требования следователя передернул затвор. В итоге я подписал то, что от меня требовали.

the city and people started to disappear. I had to move from Mariupol to Donetsk where I underwent medical treatment for my kidneys. I was involved in volunteer activities in Donetsk.

In July 2014 I came back in Mariupol where I started to collect and forward to Donetsk the information about the locations of checkpoints, military parts and illegal armed formations. On 2 September 2014 I was warned by phone that I should leave my location in Mariupol immediately as everything was prepared for my arrest. In 15 minutes after the warning soldiers of the Azov battalion broke into my flat, hit me several times also with the butts of rifles, put a bag on my head and put handcuffs on me, put me into a car and transferred me to the Mariupol airport. They put me into the cooling chamber and took me for interrogation in the evening.

They did not remove the bag from my head during the interrogation. They asked about the contact person whom I had been forwarding the information and about purpose of it. At the same time they were beating me. They forced me to take some pills, injected me with some drugs that caused darkness before my eyes and tachycardia and loss of consciousness.

I had been in the cooling chamber till 6 September 2014. It was impossible to breathe normally during the daytime in the cooling chamber, and during the nighttime the soldiers of the Azov battalion used to switch it on. There were about six people in the cooling chamber. We froze up as we did not have warm clothes, we slept on the cold tiles and the soldiers of the Azov battalion could come to us at any time and beat all of us without reasons.

On 6 September 2014 they took me to the Security Service of Ukraine in Mariupol and handed me over to the investigator Aleksey Yurievich Veklov, who gave me the papers with written in advance confessionary statements and demanded that I should sign those without reading. There was a man with a rifle behind me. He racked the slides after the investigator's demands. I put my signature on the papers that they demanded to sign.

Then they took me to the rifle range where 3 more men with bags on their heads were. In four hours they took me to the Mariupol temporary detention center. Next day they brought me to the Zhovtnevy District Court where a measure of restraint in the form of arrest was selected. The free lawyer Elena Tsreva was appointed to me. She refused to write complains on beatings, forcing to take pills, and injections and demanded that I should plead guilty. During my stay in the temporary

После этого меня отвели в помещение тира, где уже находились три человека с мешками на головах. Примерно через четыре часа меня отвезли в ИВС Мариуполя, а на следующий день – в суд Жовтневого района, где мне была избрана мера пресечения в виде ареста. При этом мне был предоставлен бесплатный адвокат Елена Царева, которая отказалась писать жалобы по поводу того, что меня избивали, насильно кормили таблетками, делали уколы, и требовала признания вины.

Во время нахождения в ИВС у меня начались судороги по всему телу, но мне помог сокамерник, у которого были какие-то таблетки, которые мне помогли.

Примерно 11 сентября меня из ИВС перевели в СИЗО Мариуполя, где я находился до 1 октября. В этот период со мной никаких следственных действий не производилось. 1 октября меня повезли в СБУ Мариуполя, откуда доставили в суд, где мне была изменена мера пресечения с ареста на личное обязательство. В этот же день мера пресечения была изменена еще четырнадцать арестованным, которых 2 октября вместе со мной повезли якобы на обмен.

Нас посадили микроавтобус и повезли в сторону Харькова, однако до Харькова не довезли, а развернулись в сторону Днепропетровска. Под Днепропетровском нас пересадили в автобус, в котором находились еще человек десять, и отвезли в расположение батальона «Днепр-1» под Днепродзержинском, где разместили в отдельно стоящем бетонном сооружении. В нем мы пробыли дней восемь. Нас заставляли заниматься тяжелым физическим трудом под угрозой расстрела. Мы корчевали корни деревьев, таскали бетонные плиты, занимались земляными работами и др.

Лично мне приказывали залезать в яму со змеями: специально бросили туда лопату, я должен был ее достать. Я, естественно, туда прыгал и доставал эту лопату. Нас практически не кормили, спали мы на цементе. По ночам были заморозки, а мы все были в летней одежде.

Примерно 9 октября нас перевезли в СБУ Днепропетровска, где мы переночевали, а на следующий день поехали в СБУ Харькова, где и находились до обмена, который состоялся 1 ноября 2014 года.

Рассказывает Василий, уроженец Охтырского района (Сумская область, Украина):

– В феврале 2014 года после событий на Майдане я решил присоединиться к народному движению по созданию Донецкой

detention center I was seized with convulsions over my body once. But my cellmate helped me, he gave me some pills that helped me.

On 11 September I was transferred from the temporary detention center to the Mariupol pretrial detention center. I had been there till 1 October 2014. No investigation actions took place during that period. On 1 October I was delivered to the Security Service of Ukraine in Mariupol. Then they transferred me to the court where the measure of restraint was changed to personal commitment. That day the measures of restraint were changed for 14 more prisoners who were allegedly taken together with me for the prisoner swap on 2 October 2014.

They put us into a van and drove towards Kharkov, but we were not delivered to Kharkov, as they changed the direction towards Dnepropetrovsk. Near Dnepropetrovsk we changed the van to a bus where 10 more people were. They transferred us to the base of the Dnepr-1 battalion near the Dneprodzerzhinsk. They had placed us in a small cement building, where we spent about 8 days. During our stay there we were forced to do hard physical labor under the threat of execution. We were removing the roots of trees, were carrying cement slabs and were doing some earthworks, etc. They ordered me to get into the pit filled with snakes. They threw a shovel in the pit and I was ordered to get it. I, naturally, jumped in the pit and took it. We were practically given no food. We were sleeping on the cement floor. We were having frost at nights while we were wearing summer clothes. On 9 October 2014 they transferred us to the Security Service of Ukraine in Dnepropetrovsk where we spent a night. Next day they transferred us to the Security Service of Ukraine in Kharkov where we had been before the prisoner swap that took place on 1 November 2014.”

**Vasily, a native of the Okhtyrka district
(the Sumy region, Ukraine).**

“I decided to join the national movement that aimed to foundation of the Donetsk People’s Republic in February 2014 after the Maidan events. For that purpose I arrived in Donetsk and took an active part in occupation of the building of the Regional State Administration. Then I came back to Krasnoarmeysk to organize the movements that would support the Donetsk People’s Republic.

I was captured on 8 June 2014. I was at my summer cottage in Krasnoarmeysk that day. At about 9:00 PM local time local inhabitants, activists of the Euromaidan came to my place and started to threaten me. We started quarrelling and expressed their negative opinions about found-

Народной Республики. Для реализации своего желания я прибыл в Донецк. Занимал активную позицию, участвовал в штурме здания ОГА, после чего с целью организации движения в пользу ДНР вернулся в город Красноармейск.

В плен я попал 8 июня 2014 года. В этот день я находился на своей даче в Красноармейске. Приблизительно в 21 час по местному времени ко мне пришли местные жители – активисты Евромайдана – и начали угрожать. Началась словесная перепалка. Они выражали негативное мнение по поводу создания ДНР, после чего неожиданно меня скрутили, связали руки и вызвали милицию. Однако по прибытии на место правоохранительные органы отказались проводить какие-либо действия.

Милиция уехала, но меня никто не отпускал. Приблизительно через полтора часа приехали (якобы за вознаграждение от Коломойского) четыре человека в масках, посадили меня в машину и увезли в Доброполье.

По дороге меня очень сильно избили. Били в основном по почкам, выбили зубы.

Поскольку глаза у меня все время были завязаны, я не могу сейчас сказать, где именно в Доброполье я находился; продержали меня там двое суток. За эти двое суток не производилось никаких допросов, однако были постоянные избиения. Еду не давали, только воду, но в недостаточном количестве.

Били меня ногами и резиновыми палками по всем частям тела. По истечении двух суток меня высадили в поле между Добропольем и Красноармейском, развязали руки и отпустили.

Медицинскую помощь мне не оказывали, причастность пытавших меня лиц к правоохранительным органам вызывает у меня большие сомнения. На данный момент моя семья до сих пор находится в Красноармейске. К ним постоянно приходят люди с автоматами, допрашивают и морально унижают.

После освобождения очень сильно болели почки, до сих пор шатаются нижние зубы. На лечение и восстановление я потратил два месяца.

Рассказывает Геннадий, уроженец города Авдеевки (Донецкая область):

– До войны в Донбассе я был пенсионером. В апреле-мае 2014 года я принимал участие в митингах и собраниях в Донецке, выступал против киевской власти, против государственного перево-

ing of the Donetsk People's Republic. Then unexpectedly they tied me up and shackled my hands together. They called the police. When the police officers arrived they refused to take any actions.

The police left but nobody let me go. In half an hour after the police departure four men in balaclavas arrived (allegedly to be rewarded by Kolomoisky). They put me into the car and took away to Dobropolye.

During the ride to Dobropolye they beat me badly. They were beating my kidneys and knocked out my teeth.

As I was blindfolded all the time I could not say where exactly in Dobropolye I was brought to. They had kept me there for two days. During these two days nobody interrogated me but they were constantly beating me. I was not given any food. They gave me some water but that was not enough.

They were kicking me and beating me over all my body with truncheons. In two days they dropped me off in the field between Dobropolye and Krasnoarmeysk, took the handcuffs off and let me go. No medical assistance was provided to me. I doubt if those who tortured me belonged to the law enforcement bodies. At the moment my family stays in Krasnoarmeysk. People with rifles are constantly coming to their place to interrogate and humiliate them. After the release I suffered from the pain in kidneys. Now teeth on my lower jaw are loosened. I have spent two months undergoing medical treatment.”

The evidence of Gennady, a native of Avdeevka (the Donetsk region).

“I had been a retired person when the war started. In April and May 2014 I participated in rallies, meetings as I was against the Kiev government and the coup. In May 2014 I got a job at the HR department at the Patriot battalion where I was dealing with registering volunteers. I had been working in this department occupying various positions till 3 September 2014.

On 3 September 2014 I set off to the Crimea through the territory of Ukraine to visit my daughter, who was there and who needed help as she had got an injury (the broken leg) by a sudden accident. The same day at about 6:00 PM I was detained and beaten by Ukrainian servicemen at the checkpoint near the Manhush settlement. They seized 2600 USD and 3000 RUB which I was going to give my daughter. At about 9:00 PM they put me in handcuffs, put me into the trunk of the police car and took me to the Security Service of Ukraine in Mariupol where they continued to beat and interrogate me. I had been in the rifle range wearing

рота. В мае 2014 года я поступил на службу в отдел кадров подразделения «Патриот», занимался оформлением добровольцев. В этом подразделении я находился до 3 сентября 2014 года на разных должностях.

3 сентября 2014 года я выехал в Крым к дочери, которая находилась там вместе с детьми и нуждалась в помощи, так как в результате несчастного случая получила травму (перелом ноги). В этот же день около 18 часов я был задержан и избит украинскими военными на блокпосту в поселке Мангуш. У меня были изъяты денежные средства в сумме 2 600 долларов США и 3 000 рублей, которые я вез дочери.

Примерно в 21 час на меня надели наручники, погрузили в багажник милицейского автомобиля и повезли в СБУ города Мариуполя, где четверо суток продолжали допрашивать и избивать. Меня содержали в помещении тира с мешком на голове, ни есть, ни пить не давали.

Потом меня отвели к следователю Дмитрию Геннадьевичу Сапегину, который оформил протокол задержания от 7 сентября 2014 года, протокол допроса и сказал, что я подозреваюсь в терроризме. После этого меня доставили в ИВС Мариуполя, где я находился около пяти дней и откуда меня постоянно вывозили на допросы к Д. Г. Сапегину. 12 или 13 сентября меня доставили в суд, где мне была избрана мера пресечения в виде взятия под стражу на два месяца.

На допросах я указывал следователю, что у меня была изъята значительная сумма денег и что я был избит военными при задержании, но он сказал, что лучше об этом не говорить, чтобы не было хуже. В СИЗО я провел около трех недель, где обследовался на туберкулез в связи с тем, что еще в ИВС находился в одной камере с человеком, который был болен этой болезнью.

Примерно 1 октября мне сообщили, что нас готовят на обмен. В тот же день меня и еще около пятнадцати человек вывезли в СБУ города Мариуполя, где нас поместили в отдельное помещение и по очереди вывозили в суд для изменения меры пресечения. До утра мы находились в этом помещении, на рассвете нас погрузили в микроавтобус и повезли в сторону Харькова, а из Харькова – в Днепрпетровск.

Под Днепрпетровском нас пересадили в автозак, в котором находилось еще человек десять, и отвезли в расположение батальона «Днепр-1», где разместили в отдельно стоящем бетонном

a bag on my head for four days. They did not give me any food or drink.

Then they took me to the investigator Dmitry Gennadievich Sapegin, who wrote a protocol on my detention as of 7 September 2014. He drew up a protocol on the interrogation and told me that I was suspected of terrorism. Then they delivered me to the Mariupol temporary detention center where I spent about five days. They were constantly taking me for interrogations to D.G. Sapegin during these five days. On 12 or 13 September 2014 they delivered me to the court where a measure of restraint in the form of two months' detention was selected.

During the interrogations I informed the investigator that a large amount of money was seized, that I was beaten by the servicemen during the detention. But he told me that it would be better not to write or speak about that to avoid negative consequences. I spent about three weeks in the pretrial detention center where I had screening for tuberculosis due to that fact that I had been imprisoned in the same cell of the temporary detention center with a person who had this disease.

On 1 October 2014 I was informed that I had been prepared for a prisoner swap. The same day they took me and 15 more people to the Security Service of Ukraine in Mariupol where they placed us into a separate building and were taking us one by one to the court for changing the measure of restraint. We had been in this building till the morning. At sunrise they put us into a van and drove towards Kharkov. They transferred us from Kharkov to Dnepropetrovsk. Near Dnepropetrovsk they put us into the prisoner transport vehicle, where 10 more people were. They delivered us to the base of the Dnepr-1 battalion. They had placed us in a small cement building, where we spent 8 days. During our stay there we were forced to do hard physical labor under the threat of shooting. They were humiliating us and mocking at us. On 9 October 2014 we were transferred to the Security Service of Ukraine in Dnepropetrovsk, where we spent a night. Next day they had delivered us to Kharkov where we had been till 1 November 2014, when they took us for the prisoner swap.”

Egor, a native of Mariupol.

“Before the coup in Kiev I ran my own business and was the owner of a shop. After the illegal change of government in Ukraine which I did not support I started to participate in peaceful protest movements, in rallies and demonstrations.

When the shelling targeted settlements of Donbass had started I decided to join the Semenovskiy battalion to protect civilians.

сооружении. Там мы пробыли дней восемь. Во время нашего там пребывания нас заставляли заниматься тяжелым физическим трудом под угрозой расстрела, всячески издевались и унижали.

Примерно 9 октября нас перевезли в СБУ Днепропетровска, где мы переночевали, а на следующий день отвезли в СБУ Харькова, где мы находились до 1 ноября 2014 года, когда нас вывезли на обмен.

Рассказывает Егор, уроженец города Мариуполя:

– До государственного переворота в Киеве я был частным предпринимателем, у меня был собственный магазин.

После незаконной смены власти на Украине, с которой я не был согласен, я начал участвовать в мирных протестных движениях, митингах, ходил на демонстрации.

После начала обстрелов населенных пунктов Донбасса я принял решение уйти в Семеновский батальон для защиты мирных граждан.

3 сентября 2014 года я и еще три человека направлялись в село Александровку. Так как никто из нас точно не знал дороги, мы заблудились и оказались в поселке Нижняя Крынка, где натолкнулись на блокпост без опознавательных знаков. На блокпосту нас окружили, после чего мы поняли, что это блокпост украинской армии. На нас направили автоматы и артиллерийскую установку. Положили всех на землю, надели наручники и замотали головы скотчем, после чего начали избивать ногами и бейсбольной битой.

После этого нас сразу погрузили в неизвестный автомобиль и вывезли в район шахты «Коммунар», где находилась база 25-й аэромобильной бригады. Когда привезли на базу, выбросили из машины, а меня кинули в яму.

В первый день моего нахождения в плену меня допрашивали и били, особенно по почкам. На второй день все повторилось, но мне дали попить воды. Избивали очень сильно, сломали нос и ребра. Ставили под расстрел у стенки с другими ребятами. Так как у меня на голове был скотч, я особо ничего не видел, но по звуку было похоже на то, что других ребят все-таки расстреливали. Кроме этого, забавы ради о мое тело украинские военные тушили сигареты. Очень часто я терял сознание, поэтому даже не могу сказать, сколько по времени продолжался допрос.

После допроса меня кинули обратно в яму, при этом ни еды, ни воды уже никто не давал.

On 3 September three people and I set off to the Aleksandrovka village. As nobody knew the way to that village we got lost and found ourselves in Nizhnyaya Krynka urban-type settlement near the checkpoint that had no identification marks. We understood that this checkpoint belonged to the Armed Forces of Ukraine when we had been surrounded by servicemen of the Armed Forces of Ukraine. They pointed rifles at us and trained an artillery cannon on us. They put all of us on the ground, put handcuffs on our wrists and adhesive tape over our heads and started to kick us and beat with a baseball bat.

Then they put us into some vehicle and transferred us to the area near the Kommunar mine, where was a base of the 25th airmobile brigade. When we arrived they threw us out of the vehicle and I was thrown in a pit.

During my first day of captivity they were interrogating and beating me all over my body and especially in my kidneys. The second day was just the same as the first one but I was given some water. They were beating me badly; they broke my nose and ribs. They were putting some captives and me against the wall for shooting. As I was wearing adhesive tape over my head I could not see anything but judging by the sounds, some other captives seemed to be shot. Moreover, the Ukrainian servicemen were stubbing their cigarettes out on my body just for fun. I lost consciousness several times during these beatings. That is why I did not know how long the interrogation lasted for.

After the interrogation they threw me back in the pit and no food or drink was given to me.

On the third day of interrogations they were beating me badly, they broke a wooden souvenir mace on my head. They threatened to kill me with a gun, put a knife to my throat, and demanded that I should tell them the location of the militia in Donetsk. This interrogation lasted for four hours. And I lost consciousness several times during it.

All these three days I was wearing adhesive tape on my face and my hands were handcuffed behind back.

On the fourth day of the captivity they gave us some food and gave me a jacket. They told us that we would set off for a prisoner swap. At the same time they put us against the wall and started to fire shots over our heads. Then they put us in the armoured personnel carrier and transported to some transshipment base.

In the base they lashed me against the tree with adhesive tape as they were waiting for another vehicle to arrive and pick us up. In a few hours the vehicle arrived. We were transferred to the Kramatorsk airport where

На третий день допросы продолжились. Меня очень сильно избивали, разбили на моей голове сувенирную деревянную булаву. Угрожали пистолетом, приставляли нож к горлу, требовали рассказать о местоположении ополченцев в Донецке. Допрос продолжался приблизительно четыре часа, я опять несколько раз терял сознание.

Все эти дни скотч с лица не снимали, а руки все время были связаны за спиной.

На четвертый день утром нас немного покормили, дали фуфайки и сказали, что мы едем на обмен. При этом всех поставили к стенке и начали стрелять по верху голов. После чего нас на БТР вывезли на какую-то перевалочную базу.

На базе меня примотали скотчем к дереву. Через несколько часов за нами приехала другая машина, нас отвезли в аэропорт города Краматорска, где меня выгрузили посреди поля. В этот день меня не трогали, не допрашивали и накормили, после чего посадили в какую-то собачью будку.

Утром нас подняли, вытащили из будки, накормили, дали ручку и бумагу. Мы дали письменные показания, после чего нас заставили вслух повторить их на камеру. В этот день меня уже не избивали.

На следующий день меня отвезли в Харьков, пересадили в другой автобус и отвезли в Полтаву, где посадили в подвал СБУ, забрали всю одежду и даже крест и в течение семи дней водили на всевозможные экспертизы.

Все это время меня били, но нерегулярно. На пятый день в камеру забежали несколько человек, очень сильно избивали меня и моего соседа, при этом уже во второй раз мне сломали нос и повредили грудь. Медицинскую помощь мне не предоставляли.

После семи дней пребывания в подвале СБУ меня привели в суд, где вынесло обвинение, и сразу отвезли в СИЗО города Полтавы. Там меня уже не избивали, но моральное давление было очень сильным: постоянно угрожали охранники СИЗО, заставляли петь гимн Украины, говорили, что расстреляют. В СИЗО Полтавы я проходил медицинскую комиссию, где на снимке был выявлен перелом ребер, однако каких-либо документов мне не выдали и медицинской помощи так и не оказали.

26 сентября меня перевели в СИЗО города Харькова, а 29 сентября вместе с другими пленными обменяли на украинских военных в районе аэропорта Донецка.

they took me out of the vehicle in the middle of a field. That day they did not interrogate or beat me. They gave me some food and put me into some doghouse.

In the morning they woke us up, took me out of the doghouse, and gave me some food. Then they gave me a pen and paper. We put down our evidence and they made us repeat the evidence in front of the camera. They did not beat me that day.

Next day they transferred me to Kharkov, then they put me into another bus and brought to Poltava.

In Poltava they took us to the Security Service of Ukraine where they put us into the basement. During the next seven days they were taking us to several examinations for expertise. They took away all our clothes, even my cross.

During these seven days they were beating me but not regularly. On the fifth day five people broke into my cell and beat my cellmate and me badly. My nose had been broken for the second time and my chest was injured.

No medical aid was provided to me during the whole period of captivity.

After seven days of staying in the basement of the Security Service of Ukraine they delivered me to the court where I was charged. Right after the trial they transferred me to the Poltava pretrial detention center. They did not beat me, but coerced me mentally there. There were a lot of threats from security guards of the pretrial detention center. I was forced to sing the national anthem of Ukraine under the threat of execution. I had a medical examination in the Poltava pretrial detention center. It appeared from the X-ray photograph that I had fractured ribs, but I was not given any documents that would confirm this injury. No medical aid was provided to me.

On 26 September they transferred me to the Kharkov pretrial detention center. On 29 September 2014 I was exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine near the Donetsk airport.”

Nikolay, a native of Mariupol.

“I had been working as an unskilled laborer at a factory and at construction site before the coup took place in Kiev in February 2014. I participated in ensuring the defense of Mariupol from the Armed Forces of Ukraine after the coup. When the Ukrainian military had occupied Mariupol I was hiding for a few days and was afraid to leave the city as I thought that I was a wanted person. I was captured on 28 June 2014

Рассказывает Николай, уроженец города Мариуполя:

– До государственного переворота в Киеве, который состоялся в феврале 2014 года, я был разнорабочим: работал на заводе, на стройке. После переворота я принимал активное участие в обороне Мариуполя от сил ВСУ. После того как украинские войска заняли Мариуполь, несколько дней я скрывался, боялся выехать из города, поскольку думал, что нахожусь в розыске.

Попап в плен 28 июня, когда приехал к своей девушке. Ко мне на улице подъехали две машины зеленого цвета, оттуда выбежали люди в военной форме с надписью «Батальон «Азов»», надели наручники, пакет на голову, сделали сбоку дырку, чтобы хоть какой-то воздух шел, посадили в машину и отвезли в аэропорт Мариуполя.

В аэропорту сразу забрали вещи, потом начали бить, морально унижать. Сказали: «Ты нам не нужен, мы тебя сейчас расстреляем». Отвели куда-то, передернули автомат и выстрелили рядом со мной. После этого закинули в какое-то помещение и там избили.

В аэропорту Мариуполя я провел примерно сутки. На протяжении всего этого времени меня периодически избивали, спрашивая, где находятся мои знакомые, поддерживавшие ДНР. 30 июня меня отвезли в Ильичевский РОВД, где сняли пакет с головы. Там меня также допросили и избили.

В Ильичевском РОВД я провел сутки – до следующего утра. Потом меня увезли в ИВС города Мариуполя, но через день, 1 августа, снова вернули в Ильичевский РОВД, где допросили, а затем отвезли в суд и взяли под арест.

После суда меня этапировали в Ореховский ИВС (Запорожская область). Там меня допрашивали два дня, морально давили, унижали. Четыре дня я просидел в маленькой камере, примерно два с половиной на два метра, спал на полу в полусогнутом состоянии, потому что койка была одна и на ней спал какой-то старый дедушка. Потом меня отвезли в Запорожский ИВС, там продержали полтора месяца, периодически вызывая в ОВД на допросы, во время которых морально давили через мою девушку: они знали все ее данные, где она проживает, и я боялся, чтобы с ней ничего не случилось.

Ближе к середине августа меня привезли в Запорожский СИЗО. Там я пытался повеситься, но меня успели снять. В тюрьме

when I went to visit my girl-friend. Two cars of green color stopped next to me and servicemen in uniforms with identification marks of the Azov battalion put me in handcuffs, put a bag on my head and made a hole on one side to let some air in. They put me into the car and transferred to the Mariupol airport.

At the airport they took away all my personal belongings and started to beat and humiliate me. Then they said that they did not need me any longer so that they would shoot me. They took me to another place, racked the slide of a rifle and fired a shot next to me. Then they put me in some room and beat me there.

I spent about 24 hours in the Mariupol airport. During that time they were constantly beating me and asking where my friends, who supported the Donetsk People's Republic, were. On 30 June 2014 they brought me to the Ilyichovsk Regional Department of Internal Affairs and removed a bag from my head. I was interrogated and beaten there. I had been staying in the Ilyichovsk Regional Department of Internal Affairs for about 24 hours, till the next morning. Then they took me to the Mariupol temporary detention center, where I spent a day. On 1 August I was brought back to the Ilyichovsk Regional Department of Internal Affairs where they interrogated me first, and then took me to the court and arrested me.

After the trial I was conveyed to the Orekhov temporary detention center (in the Zaporozhye region). I had been interrogated there for two days. They were coercing me mentally and were humiliating me. I spent four days in a small cell, 2,5 meters in width and 2 in length. I slept on the floor in a semiflexed position, because there was only one bed and an elderly man slept in it. Then they brought me to the Zaporozhye temporary detention center where I spent 1,5 months. They were regularly interrogating me in the Department of Internal Affairs during that time. As they were interrogating me they were coercing me mentally and there were threats towards my girl-friend. They knew where she lived and I was afraid that something bad would happen to her.

In the middle of August (on 15-20 of August) they brought me to the Zaporozhye pretrial detention center. I tried to hang myself but they were in time to take me down. I had been in this prison till 7 March 2015. They transferred me to the Mariupol pretrial detention center.

I had been imprisoned in the Mariupol pretrial detention center till 15 August. That day my measure of restraint was changed to house arrest and they brought me to the prisoner swap. But the swap took place only on 26 August. We spent 13 day in the basement blindfolded and handcuffed.

я просидел до 7 марта 2015 года, потом меня перевели в Мариупольский СИЗО.

В Мариуполе я просидел до 15 августа, в этот день мне изменили меру пресечения на домашний арест и вывезли на обмен. Обмен состоялся только 26 августа, до этого тринадцать дней мы просидели в подвале с завязанными глазами и связанными руками.

В плену у меня схватило сердце, повело левую часть тела. Человек, который сидел со мной, сказал, что это микроинсульт – у него такое было. Я обращался за помощью в медсанчасть, но меня проигнорировали. После освобождения у меня болели ребра, грудная клетка.

**Рассказывает Елена,
уроженка города Красноармейска:**

– До государственного переворота в Киеве я проживала в городе Красноармейске Донецкой области, занималась ремонтом квартир. После государственного переворота и свержения законной власти в Донецкой области начались протестные движения, в которых я участия не принимала. Все, что меня связывало на тот момент с ДНР, – это волонтерская работа: мы собирали помощь в виде продуктов питания, медикаментов и отвозили в Донецк.

11 сентября 2014 года примерно в 14 часов я вышла из своего дома в Красноармейске и направилась в магазин. Ко мне подъехала машина, из нее выпрыгнули люди в гражданской одежде, затащили меня в машину, надели на голову белый мешок и, держа за руки, отвезли в пустующее здание автопарка. Понять я смогла это по движению машины, так как свой город знаю очень хорошо.

На территории автопарка меня поместили в комнату с высокими потолками, начали угрожать, оказывать моральное давление. В частности, угрожали расправиться с моей семьей, изнасиловать мою дочь. Угрожали залить мне лицо кислотой, принесли пятилитровую баклажку с водой и произвели «утопление» (пытка водой). Били по голове, позднее у меня было диагностировано сотрясение мозга. пытки производили солдаты из батальона «Айдар», об этом я узнала позже со слов других пленных.

Думая, что я командир ДРГ, мне задавали вопросы, где я обучалась, в Ростове или Крыму, требовали назвать какую-то фамилию. Кроме того, хотелось бы добавить, что во время пыток я была в наручниках и от этого у меня онемела левая рука.

After the release I suffered from the pain in my ribs and chest. During the captivity I apparently had a microstroke: my heart and left side of my body ached. I person who was in the cell with me said that it was a microstroke (he had got it before). I asked for help in the medical section but was ignored.”

Elena, a resident of Krasnoarmeysk.

“I had been living in Krasnoarmeysk of the Donetsk region and had been dealing with flat renovation before the coup in Kiev. After the coup and the overthrowing of the legal government, the protest movements started in the Donetsk region. I did not participate in these protest movements. I had only been involved as a volunteer in support of the Donetsk People’s Republic with food and medical supplies. We were collecting and delivering food and medical supplies in Donetsk.

On 11 September 2014 at 2:00 PM I get out of my hose located in Krasnoarmeysk for shopping. People wearing plain clothes and no balaclavas came driving to me and pulled me in the car. They put a white bag on my head and they were holding my arms as we were going to the abandoned motor depot. I could understand that we were going there from the direction they were driving because I knew my town very well.

As we arrived at the territory of the motor depot they put me in a room with the high ceiling. They started to coerce me mentally and to threaten to punish my family, to rape my daughter, to pour acid over my face. They brought a five-liter flask and started drowning me (water torture). They had been beating my head and later I was diagnosed with the brain concussion. Those who had tortured me were soldiers from the Aidar battalion. I got to know about it later from the other captives.

They thought I was the commander of the sabotage and intelligence group. They asked whether I studied in Rostov or in the Crimea and demanded that I should tell them some last name. I would like to point out that during torture I was shackled with handcuffs and therefore my left hand became numb.

After the beating I, apparently, lost consciousness. I regained consciousness when I was sitting at the table. An investigator was also sitting at the table. He did not introduce himself and did not identify himself as an officer of the law enforcement bodies. He was wearing balaclava as well as two or three other people who were in the room.

He did not ask any questions but gave me a pen and paper and I started to write at his dictation the text about my journey to Donetsk to deliver food and medical supplies and about my phone calls to Donetsk

После избиения я, видимо, потеряла сознание. Очнулась за столом, где уже сидел следователь. Он мне не представился, принадлежность к правоохранительным органам не обозначил, на нем была надето балаклава. Также в помещении находились еще два-три человека, тоже в балаклавах.

Вопросов следователь мне не задавал, дал бумагу и ручку, и я начала писать под его диктовку текст о том, что я ездила в Донецк, отвозила продукты питания и медикаменты, а также что я звонила в Донецк и передавала данные о движении техники ВСУ. После этого меня пристегнули к батарее за правую руку, и так я просидела до утра.

Утром 12 сентября меня вывели с мешком на голове на улицу, вместо наручников надели пластиковую стяжку на руки, посадили в автомобиль (по ощущениям – джип) и привезли в СБУ города Мариуполя. Там меня в наручниках и с мешком на голове посадили в подвал, где уже находилось около десяти человек.

В этот же день меня отвели к следователю на допрос. Избиений не было, было очень сильное моральное давление – угрозы жизни и здоровью. Как такового допроса не было, мне просто давали подписывать бумаги, о чем именно они были, сказать не могу, поскольку из-за сотрясения мозга у меня кружилась голова, я почти теряла сознание. Все это продолжалось на протяжении получаса, потом меня отвели обратно в подвал и в этот же день отвезли в камеру предварительного заключения.

13 сентября я находилась в камере, один раз меня возили к следователю по фамилии Фролов. 14 сентября меня привезли в суд, где за двадцать минут до заседания предоставили адвоката по фамилии Таушан. Во время заседания адвокат меня не защищал. Суд постановил арестовать меня на шестьдесят дней. Обвиняли меня по статье 385 УК Украины.

После суда меня привезли в камеру предварительного содержания, где я провела два дня и откуда нас возили по клиникам для прохождения медицинского освидетельствования. 16 сентября меня перевели в СИЗО города Мариуполя.

Медицинских документов на руки мне давали, однако заявление, что меня пытали солдаты батальона «Айдар», у меня взяли. О судьбе этого заявления я сказать ничего не могу.

2 октября меня снова привезли в СБУ города Мариуполя. Следователь Фролов мне предложил пойти на обмен, и я согласилась. После моего согласия меня отвезли в суд, где изменили меру пресечения и привели обратно в подвал СБУ.

to forward the data on movements of military hardware of the Armed Forces of Ukraine. They shackled my right hand to a heating radiator and I was sitting like this till the morning.

On the morning of September 12 they dragged me with the bag on my head outside. Plastic shackles replaced the handcuffs. They put me into a car (a jeep, as it seemed to me) and transferred me to the Security Service of Ukraine in Mariupol. They put me with the bag on my head and shackles on my wrists into the basement where there were 10 more people.

The same day they brought me to the investigator for interrogation. They did not beat me but coerced mentally (threats to life and health). It was not a questioning; I was just given documents for signing. I could not tell that was written on those papers because I was dizzy and was about to lose consciousness. It lasted for half an hour.

They brought me back into the basement. The same day but later they put men in the lock-up ward.

On 13 September 2014 I was in the cell and they took me to the investigator Frolov. On 14 September they brought me to the court and appointed a lawyer, whose last name was Taushan, 20 minutes prior to the trial. The lawyer did not defend me during the trial. I was sentenced to 60 days' detention as I was accused of crime according to Article 385 of the Criminal Code of Ukraine.

After the trial I was brought to the lock-up ward, where I spent two days. We spent these two days going to hospitals for a medical examination. On 16 September 2014 they transferred me to the Mariupol pretrial detention center.

They did not give out medical documents to us. However, they accepted my complaint of torture by the Aidar battalion. I did not know what became to my complaint.

On 2 October 2014 they brought me to the Security Service of Ukraine in Mariupol. The investigator Frolov suggested that I should go for the prisoner swap and I agreed. They took me to the court and the measure of restraint was changed. Then they brought me back to the Security Service of Ukraine.

On 3 October 2014 they took us for the prisoner swap. First we went to Iziium, then to Kharkov and Dneprodzerzhinsk to the base of the Donbass/Dnepr-1 battalion where I spent 5 days. They made us work there (wash the floor and the dishes).

They brought us to the Security Service of Ukraine in Dnepropetrovsk on 8 October and to the Security Service of Ukraine in Kharkov on

3 октября нас повезли на обмен. Сначала мы поехали в город Изюм, затем в Харьков, после этого нас отвезли в Днепропетровск на базу батальона «Донбасс»/«Днепр-1», где я пробыла пять дней. Там нас заставляли работать, мыть полы, посуду.

8 октября нас перевезли в СБУ города Днепропетровска, 9 октября – в СБУ Харькова. 10 октября опять повезли на обмен, который вновь не состоялся, поэтому нас оставили в подвале районного отделения милиции в городе Изюме, где мы провели четыре дня. Круглые сутки, пока мы находились в Изюме, мы были пристегнуты наручниками в батарее. На прогулки не выводили, из еды давали пачку сухой вермишели в день.

14 октября меня обменяли в Луганске на военнослужащих ВСУ.

Рассказывает Кирилл, житель города Мариуполя:

– До начала государственного переворота в Киеве я проживал со своей семьей в Мариуполе, работал на ММК имени Ильича.

После того как в Мариуполь начали приезжать люди из «Правого сектора», отлавливать и избивать детей, стариков, я стал сторонником ДНР и вел в Мариуполе диверсионно-разведывательную деятельность.

Возвращаясь с работы 29 августа 2014 года, я сел в свой автомобиль, завел его, но мне перекрыл дорогу микроавтобус марки «Мерседес», из которого вылетели люди в черной форме с балалаками на головах – представители батальона «Азов» и сотрудники СБУ. Меня поставили на колени, надели мешок на голову, нанося при этом прикладами, кулаками и ногами удары по всему телу.

Затем меня отвезли в поселок Речной на заброшенную автобазу, бросили на пол и начали избивать ногами, при этом выражаясь в мой адрес нецензурной бранью.

Меня уперли лбом в стенку и начали бить то ли битой, то ли палкой по спине, после чего бросили в смотровую яму и начали стрелять в мою сторону из автомата одиночными выстрелами. Потом вытащили из ямы, облили водой, загрузили в багажник и отвезли в аэропорт города Мариуполя, где бросили во включенный холодильник.

Через час или два отвели в разделочную комнату, подвесили за руки на цепь и начали избивать, требуя при этом что-то рассказывать. Несколько раз я терял сознание. Зашел медик и вколол мне адреналин, после чего сам принял активное участие в изби-

9 October. On 10 October 2014 they again took us for the swap, which did not take place again. That is why they put us into the basement of the Iziurm Regional Department of Internal Affairs where we spent 4 days. We were shackled to heating radiators all the time. They did not take us for a walk and gave us only a pack of dry pasta a day.

On 14 October 2014 I was exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine.”

Kirill, a resident of Mariupol

“I had been living with my family in Mariupol and had been working at Ilyich Iron and Steel Works before the coup in Kiev. When representatives of Right Sector started to arrive in Mariupol and began to capture and beat children and senior persons, I began to support the Donetsk People’s Republic and was involved in sabotage and intelligence operations.

As I was going home after work on 29 August 2014 I sat in my car. When I started my car, a Mercedes van blocked my way. Representatives of the Azov battalion and servicemen of the Security Service of Ukraine who were wearing black uniforms and balaclavas got out of the van. They made me kneel down and put a bag on my head while they were pummeling, kicking and beating me with the butt of a rifle over my body.

They took me to Rechnoy settlement. There was the abandoned motor depot there. When we arrived there they knocked me down and started to kick me while they were swearing at me. They pressed my forehead to the wall and started to beat me in my back with some bat or some stick. Then they put me in a servicing pit and started to fire single shot next to me. They took me out of the pit, poured water over me and put me into the trunk and brought me to the Mariupol airport where they put me into the cooling chamber that was on. In an hour or two they took me out of the cooling chamber and took me to the dressed bed room and hung me up with the wrists. My hands were fastened with the chain. They started to beat me and demand that I should tell them something. Due to the beatings I lost consciousness several times. A doctor came and injected me with adrenaline. After that he started to beat me. After the beating they dragged me back to the cooling chamber and threw me on the floor.

On 30 August 2014 they took me out of the cooling chamber and led through the yard to a room. They again started to kick and beat me with sticks, rifle butts and guns in the room. They asked me where the cache was and how many people there were in the group. They interrogated

ении. Потом меня приволокли обратно в холодильник и бросили на пол.

30 августа меня забрали из холодильника и провели через двор в какую-то комнату, где снова начали избивать ногами, палками и прикладами пистолетов и автоматов. Спрашивали про схрон с оружием, сколько было человек в группе и т. д. Допрос продолжался часа два, после чего меня отвели назад в холодильник и до обеда не трогали.

В обед отвели опять в какую-то комнату, где подвесили на дыбу и ушли примерно на два с половиной часа. После снова начали задавать те же самые вопросы, что и ранее, затем бросили меня на пол и применили для пыток сварочный аппарат: минусовую клемму подсоединили к половому органу, плюсовую к пятке – это у них называлось электрошоком. Затем отвели обратно в холодильник и до ужина не трогали.

После ужина отвели в разделочную комнату, где начали избивать ногами. Я сразу потерял сознание, в себя пришел, уже находясь в холодильнике.

1 сентября меня достали из холодильника и повели на расстрел. С мешком на голове повернули лицом к стене и пустили автоматную очередь над головой. После псевдорасстрела отвели в яму с человеческими трупами, где я пролежал сутки.

3 сентября меня вытащили из ямы, обмыли из брандспойта и отвезли в СБУ, где я познакомился со своим следователем В. В. Романенко.

Следователь начал объяснять, что мне инкриминируются статья 111; пункт 3 части 1 статьи 258 и часть 1 статьи 263 УК Украины. Он также предоставил мне возможность позвонить домой. Я позвонил жене, после чего меня отвели в Жовтневый районный суд Мариуполя, где вынесли постановление о моем задержании на тридцать суток. От адвоката я отказался. После суда меня привезли обратно в СБУ, а поздно вечером – в ИВС.

В ИВС я переночевал, а 4 сентября меня отвезли в СИЗО Мариуполя, где сразу определили в санчасть, поскольку самостоятельно передвигаться я не мог. Две недели я лежал, не поднимаясь.

25 сентября меня вызвали на допрос в СБУ и поместили в тир. После этого отвели на второй этаж и начали опять избивать с использованием электрошокера. Я снова потерял сознание, очнулся от нашатыря уже в кабинете у следователя, который начал мне по-

me for two hours and brought me back to the cooling chamber. They did not disturb me till the lunchtime.

At the lunchtime they took me to some room, hung me on the rack and left me alone for 2,5 hours. After that they started to ask the same questions as they did before, threw me on the floor and tortured me using a welding machine: they connected the negative terminal to my genital organ and positive terminal - to my heel. It was the so-called “electric shock”. After that they put me back into the cooling chamber and did not touch till the evening.

After the supper they took me to the dressed bed room where they were kicking me. I lost consciousness and regained it when I was in the cooling chamber.

On 1 September 2014 I was taken out of the cooling chamber to be shot. With the bag on my head I turned to the wall and they directed bursts of automatic fire over my head. After the imitation of the execution they put me in the pit filled with human bodies, where I spent 24 hours.

On 3 September they took me out of the pit and washed me using water cannon. They took me to the Security Service of Ukraine where I met the investigator V.V. Romanenko.

The investigator started to explain that I was accused of crime according to Article 111, Item 3 of the first part of Article 258 and first part of Article 263 of the Criminal Code of Ukraine. He let me phone home. I phoned my wife. Then they took me to the Zhovtnevy District Court where I was sentenced to 30 days’ detention. I refused from the service of a lawyer. After the trial they brought me back to the Security Service of Ukraine and in the evening they transported me to the temporary detention center.

I spent a night in the temporary detention center and on 4 September 2014 they brought me to the Mariupol pretrial detention center. As I was handed over to the pretrial detention center they sent me to the medical section as I could not walk by myself. I spent two weeks laying as I could not get up. On 25 September 2014 I was summoned for interrogation to the Security Service of Ukraine, where they put me in the rifle range. Then they took me upstairs to the second floor and started to beat me using a stun gun. I lost consciousness and regained it when someone held some ammonia to my nose in the room of the interrogator who started to show me photos demanding that I should recognize the persons.

After the interrogation they put me to the basement again. As I was there, the drunk soldier of the Donbass battalion came to us running,

казывать фотографии с требованием опознать ту или иную личность.

После допроса отвели в подвал. Пока я там находился, к нам забежал пьяный солдат батальона «Донбасс» и застрелил парня на моих глазах. Потом, дождавшись своих товарищей, начал вместе с ними избивать всех нас ногами и прикладами автоматов.

Утром к нам в подвал зашел человек с генеральскими погонами, спросил о ночных избиениях и приказал к нам больше никого не пускать. После того как он ушел, нас перевели в другую комнату, где охраняли от бойцов батальона «Донбасс». Со временем от нас совсем убрали батальон «Донбасс» и поставили вместо него реестровых казаков. Их отношение к нам было намного лояльнее, нам давали кипяток, водили в туалет. Все это время днем я находился в СБУ, а ночью меня привозили в СИЗО.

18–19 декабря, ближе к вечеру, меня вывели из камеры в коридор и повели в допросную, где сидел В. В. Романенко, который сообщил, что меня готовят на обмен.

Вечером 24 декабря меня забрали из камеры и отвезли в СБУ. После этого в суде изменили меру пресечения и переквалифицировали обвинительные статьи УК Украины, а потом отвели в подвал. В час ночи нас начали пофамильно выводить на улицу и сажать в автобусы. 26 декабря отвезли на обмен.

После освобождения у меня были диагностированы контузия, ушибы внутренних органов, сломанные ребра, выбитые зубы, отит правого уха. Отмечу, что в СИЗО Мариуполя меня содержали в больнице, но медицинской помощи не оказывали.

Рассказывает Руслан, уроженец города Мариуполя:

– До войны я работал торговым представителем в одной из компаний города Мариуполя. После государственного переворота в Киеве и начала протестов в Донбассе активно поддержал протестные выступления, принимал участие в обороне Мариуполя. После того как Мариуполь был занят ВСУ, скрывался в городе.

В плен попал 22 июля 2014 года в Мариуполе, на заправке Regas. Я расплачивался за бензин на кассе, в этот момент в помещение залетели люди, ударили сзади, сбили с ног, надели мешок на голову и наручники на руки. После этого меня доставили в аэропорт Мариуполя. Мою машину конфисковали и отдали батальону «Азов». В аэропорту начали бить руками, ногами, какой-

shot a young man in our presence and started to kick and beat all of us with the butts of rifles.

In the morning a man wearing general shoulder-straps entered the basement and asked us about the beating last night and ordered not to let anyone into our basement. As he left they transferred us to another room where we were being guarded from the soldiers of the Donbass battalion. Gradually the Donbass battalion was replaced by the Registered Cossacks. They were kind enough to give us boiling water and to take us to the toilet. All the days I spent in the Security Service of Ukraine and all the nights I was in the pretrial detention center.

On the afternoon of 18-19 December 2014 they took me out of the cell and led through the corridor to the interrogation room where Romanenko was. He informed me that they would prepare me for the prisoner swap.

On the evening of December 24 they transferred me from the cell of the pretrial detention center to the Security Service of Ukraine. Then they took me to the court where my measure of restraint was changed and the articles of the Criminal Code of Ukraine according to which I had been accused of crime were reviewed and changed to other articles. Then they brought me to the basement of the Security Service of Ukraine. At 01:00 AM they started to lead us outside one by one according to the list with our last names. They put us into buses and transported for the prisoners swap on 26 December 2014.

After the captivity I was diagnosed with contusion, fractured ribs, injuries of internal organs, knocked out teeth and the otitis of the right ear. I would like to point out that in the Mariupol pretrial detention center I was kept in the medical section but I did not get medical treatment.”

Ruslan, a resident of Mariupol.

“I had been working as a sales representative in one of the companies located in Mariupol when the war started. I participated in ensuring the defense of Mariupol when the coup had taken place in Kiev and the protest movement had started in Donbass. When the Armed Forces of Ukraine took control of Mariupol I was hiding in the city.

I was captured at the Pegas gas station in Mariupol on 22 June 2014. I was paying for the petrol at the cash register when they broke into the gas station building, hit me from the back, struck me from behind, knocked me down, put a bag on my head and shackled me with handcuffs. I was brought to the Mariupol airport. My car was confiscated and handed over to the Azov battalion. They started pummeling, kicking and

то деской (хлыстом). Избивали до тех пор, пока я не признался, что был участником незаконных вооруженных формирований.

После этого меня отвезли в СБУ Мариуполя, где допросили под психологическим давлением (говорили, что пострадает жена), требуя, чтобы я поставил подпись под признательными показаниями. Потом меня отвезли обратно в аэропорт и кинули в неработающий холодильник. Там я провел два дня.

24 июля меня отвезли в СБУ Запорожья. Там уже не били. В Запорожье я провел пять месяцев в СИЗО № 10. После передачи дела в суд меня перевезли в СИЗО № 7 города Мариуполя, где я провел восемь месяцев.

13 августа 2015 года мне вынесли приговор и отвезли на обмен в СБУ Краматорска. Там я провел тринадцать дней в подвале со связанными руками и завязанными глазами. 26 августа меня обменяли на военнослужащих ВСУ.

beating me with some whip. They had been beating me till I confessed that I was a member of illegal armed formations.

They had transferred me to the Security Service of Ukraine in Mariupol where they interrogated me using mental coercion (they told me that my wife would suffer). They demanded that I should sign the confessionary statements. Then they brought me to the airport and put me in the cooling chamber that did not work. I spent two days there.

They transferred me to the Security Service of Ukraine in Zaporozhye on 24 July 2014. They did not beat me there. I spent 5 months in pre-trial detention center 10. After my case was transferred to the court I was transported to Mariupol pretrial detention center 7 where I spent 8 months.

On 13 August 2015 sentence was pronounced and they took me to the Security Service of Ukraine in Kramatorsk for prisoners swap. I had spent 13 days in the basement of the Security Service of Ukraine handcuffed and blindfolded. On 26 August 2015 I was exchanged for military men of the Armed Forces of Ukraine.”

Доклад
Украина. Пытки и преступления против человечности.
Живые свидетельства
2015 г.

Report
Ukraine. Torture and crimes against humanity.
First-hand testimonies
2015 г.

Фото на обложке:
Военнопленные ДНР и ЛНР во время процедуры обмена,
Луганская область, 21 февраля 2015 г. /
/ МИА «Россия Сегодня».

«...Когда меня взяли в плен, сразу же заковали руки в наручники, надели мешок на голову и отвезли в подвал какого-то дома. Там меня начали избивать. Били руками и ногами по голове, ребрам, спине. После того как я отказался отвечать на вопросы, мне проткнули правую ногу армейским ножом.

Затем меня перевезли из одного подвала в другой. Помню, что там было очень сыро, приходилось спать на полу. Через несколько дней я был транспортирован на базу батальона «Днепр-1». По прибытии туда меня опять избили, в этот раз – шестнадцать военных. Били прикладами автоматов по голове, ребрам, позвоночнику, груди. За время избиения я три раза терял сознание. После этого меня опять оттащили в сырой подвал.

...Пока я находился в плену, один раз было проведено медицинское освидетельствование. Рентген грудной клетки, который мне сделали в украинской больнице, показал, что в результате систематических избиений у меня было сломано девять ребер, причем одно – со смещением, а также сжато левое легкое...»

Из воспоминаний бывшего пленного Алексея

«...When they captured me, they immediately put me in handcuffs, put a bag on my head and brought me into the basement of some building. They started beating me there. They were pummeling and kicking me in my head, ribs and back. When I refused to answer their questions they plunged a war knife into my right leg.

Then they transferred me from this basement to another one. I remember that it was very wet there and I had to sleep on the floor. I was transported to the Dnepr-1 battalion base in a few days. As I arrived there I was beaten again, but this time I was beaten by 16 servicemen. They were beating me in my head, ribs, spine and chest with rifles butts. During the beating I lost consciousness three times. Then they brought me back to the wet basement.

...During the captivity I underwent a medical examination once. I had my chest X-rayed in a hospital in Ukraine. It appeared from the X-ray photograph that the regular beatings I had received had resulted in 9 fractured ribs, one of them had been fractured with displace, and the compressed lung...»

From the memories of Aleksey, a former prisoner